ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГЛУ
1930

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 4 (833)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

4

выпуск 833

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

4

Issue 833

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Германова Н. Н.
На подступах к типологической классификации языков:
Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит 9

Костева В. М.
Деятельность Николая Яковлевича Марра в свете нарративной
лингвоисториографии 21

Крючкова О. А.
Лингвофилософская концепция Бернхарда Вельте:
философия языка Германии XX века 31

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Адамова З. Г.
Экспериментальное психолингвистическое исследование ценностей
«образование» и «личность» 42

Бубнова И. А.
«Вставай, страна огромная…»: авторский замысел
и специфика его отражения в сознании современного поколения 55

Панарина Н. С.
К вопросу о психолингвистических параметрах внутриличностного
конфликта 67

Пищальникова В. А., Пэй Цайся
Антикоррупционная реклама как поликодовый текст 80

Фролов В. И.
Определение и границы перевода: психолингвистический подход 91

Хлопова А. И.
Динамика ассоциативного поля *Arbeit / работа*
по данным немецкоязычных чатов 102

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Скорвид С. С.
Русские семантические кальки в чешских переселенческих говорах на территории России 116

Копина С. Б.
Становление европейской архитектурной терминологии (на примере слова «архитектор») 130

Пантелеева О. В.
Баварские диалектизмы в политическом дискурсе 143

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКОВ МИРА

Бямбажав Баяржаргал
Установление частотности употребления послелогов в переводе «Сокровенного сказания монголов» XX века 153

Козловцева Н. А.
Сериальные глагольные конструкции в удмуртском языкознании 164

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Егорова О. Г., Романовская О. Е., Боровская А. А.
Автобиографическая проза Л. Рубинштейна и Д. Пригова: нарратологический аспект 174

Смирнова Е. Е.
Влияние языка кино на современную французскую литературу 185

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кокликов В. О.
Исламские ценности в речевом портрете иранских политических деятелей в период ирано-иракской войны 197

Мозоль Т. С.
Новые представления о гендерных ролях в неологизмах корейского языка 207

Ткачук Е. А.
Базовая ценность «семья» в китайской социальной рекламе 217

CONTENTS

LINGUISTICS

LINGVO-HISTORIOGRAPHY

Guermanova N. N.
Approaching Typological Classification of Languages:
G. Girard, N. Beauzée, A. Smith 9

Kosteva V. M.
Activity of Nikolai Yakovlevich Marr
in Terms of Narrative Lingvo-Historiography 21

Kryuchkova O. A.
Bernhard Welte's Linguo-Philosophic Views:
Philosophy of Linguistics in 20th Century Germany 31

PSYCOLINGUISTIC STUDIES

Adamova Z. G.
Experimental Psycholinguistic Research of Values "Education"
and "Personality" 42

Bubnova I. A.
"Stand Up, a Huge Country ...": the Author's Message and Its Reflection
in the Mentality of the Modern Generation 55

Panarina N. S.
Addressing Psycholinguistic Parameters of Intrapersonal Conflicts 67

Pishchalnikova V. A., Pei Caixia
Anticorruption Advertisments as Polycode Texts 80

Frolov V. I.
Definition and Limits of Translation from Psycholinguistic Perspective 91

Khlopova A. I.
Dynamics of the Associative Field of the Basic Values "Arbeit / Work"
According to the Data of the German Online Chats 102

LEXICAL AND SEMANTIC STUDIES

Skorvid S. S.
Russian Semantic Calques in the Czech Immigrant Dialects of Russia 116

Kopina S. B.
Evolution of European Architectural Terms
(an Etymological Analysis of the Word "Architect") 130

Panteleeva O. V.
Bavarian Dialectal Words in Political Discourse 143

GRAMMATICAL STRUCTURE OF WORLD LANGUAGES

Byambajav Bayarjargal
Usage Frequency of Postpositions in the 20th Century Translation
of the "Secret History of Mongols" 153

Kozlovtseva N. A.
Serial Verb Constructions in Udmurt Linguistics 164

LITERARY STUDIES

Egorova O. G., Romanovskaya O. E., Borovskaya A. A.
Autobiographical Prose of L. Rubinstein and D. Prigov:
the Narratological Aspect 174

Smirnova E. E.
Influence of Film Language on Modern French Literature 185

CULTUROLOGY

Koklikov V. O.
Islamic Values in Speech Portrait of Iranian Politicians
during the Iran-Iraq War 197

Mozol' T. S.
New Ideas of Gender Roles in Korean Neologisms 207

Tkachuk E. A.
The Basic Value "Family" in Chinese Social Advertising 217

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 81'44; 81(091)

Н. Н. Германова

доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

НА ПОДСТУПАХ К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ: Г. ЖИРАР, Н. БОЗЕ, А. СМИТ

Автор исследует истоки типологической классификации языков во французской и британской науке о языке XVIII в. (Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит) в сравнении со взглядами более поздних типологов. В работе показано, что уже в XVIII в. в европейской науке о языке было осознано различие между синтетическими и аналитическими языками. Сопоставление взглядов французских авторов и А. Смита показывает, что трактат последнего был независимым исследованием, существенно отличавшимся от типологии французских авторов.

Ключевые слова: лингвистическая типология; синтетизм; аналитизм; Г. Жирар; Н. Бозе; А. Смит; А. В. Шлегель.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Department of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

APPROACHING TYPOLOGICAL CLASSIFICATION OF LANGUAGES: G. GIRARD, N. BEAUZÉE, A. SMITH

The author explores the beginnings of linguistic typology in 18th century French and British language studies (G. Gerard, N. Beauzée, A. Smith) and compares their views with those developed by 19th century linguists. Analysis shows that the difference between synthetic and analytic languages was already clearly

demonstrated in European language studies of the 18th century. It is also proved that A. Smith's essay on typological issues contained ideas that differed significantly from the typology suggested by the French authors.

Key words: linguistic typology; synthetic languages; analytic languages; G. Girard; N. Beauzée; A. Smith; A. Schlegel.

Введение

Одним из величайших достижений лингвистики XIX в. принято считать разработку принципов генеалогической и типологической классификаций языков мира. Создателем последней принято считать братьев Шлегелей. Первые контуры морфологической классификации языков были намечены Фридрихом Шлегелем в работе «О языке и мудрости индийцев» (1809). В ней немецкий ученый противопоставил друг другу языки флективные и аффиксирующие. Его брат, Август Вильгельм Шлегель, пошел дальше и в своих знаменитых «Заметках о провансальском языке и литературе» (1818) добавил к флективным и аффиксирующим языкам языки аморфные; кроме того, в рамках флективных языков он выделил языки синтетические и аналитические. Хотя непосредственным поводом к написанию этой работы была полемика с французским филологом Ф. Ренуаром по вопросам происхождения романских языков [см. подробнее Черняк 2018], в историю лингвистики А. В. Шлегель вошел в первую очередь как создатель основ типологической классификации языков, которая в течение XIX и XX вв. переосмыслялась и перерабатывалась такими выдающимися лингвистами, как В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер, Г. Штейнталь, Ф. Н. Финк, Ф. Мистели, Ф.Ф. Фортунатов, Э. Сепир, Дж. Гринберг и др.

Однако выдающиеся достижения научной мысли редко рождаются на пустом месте. В статье речь пойдет о работах, которые предшествовали разработке А. В. Шлегелем положения о существовании в рамках флективных языков двух подтипов. Как будет показано далее, хотя сами термины – языки аналитические и синтетические – принадлежали А. В. Шлегелю, он не был первым автором, обратившим внимание на возможность выделения и противопоставления этих языковых типов. Еще в XVIII в. подобные идеи выдвигали французские и британские филологи. Во Франции это были Габриэль Жирар (1677–1748) и Николя Бозе (1717–1789), выделявшие языки аналогические и транспозитивные, в Великобритании – Адам Смит

(1723–1790), противопоставивший друг другу составные и несоставные языки.

Поскольку хронологически труды французских авторов предшествовали появлению работы А. Смита (более того, есть свидетельства, что последний был знаком с классификацией Г. Жирара), в лингвистической историографии высказывалась мысль о зависимости работы Смита от французских предшественников [об оценке работы А. Смита современниками и последователями см. Германова 2019]. Как будет показано далее, это утверждение едва ли справедливо: несмотря на то, что и французские авторы, и А. Смит пришли в конечном итоге к противопоставлению синтетических и аналитических языков (хотя и под другими названиями), их классификации имели разные основания и были созданы в различном научном контексте. Описанию типологических идей Г. Жирара, Н. Бозе и А. Смита и выявлению различий между ними и посвящена настоящая статья.

Г. Жирар и Н. Бозе: языки аналогические и транспозитивные

Во Франции первая классификация языков принадлежала Г. Жирару, священнослужителю и автору ряда филологических трудов (в частности, ему принадлежит первый словарь синонимов французского языка). К проблеме классификации языков аббат Жирар обратился в своем последнем труде 1747 г. «Истинные принципы французского языка» [Girard 1747]. В этой работе он предложил троякое деление языков, выделив языки аналогические, транспозитивные и смешанные.

В основу классификации был положен порядок слов, который определял наличие или отсутствие развитой системы флексий. Языки аналогические (французский, итальянский, испанский) характеризовались «естественным порядком и градацией идей»: в таких языках в предложении на первом месте помещается группа подлежащего, за которой следует глагол и далее другие члены предложения. По мнению Жирара, этот порядок слов аналогичен порядку развертывания мысли, что объясняет название языков этого типа. В этих языках нет флексий, так как отношения между членами предложения проясняет порядок слов; существительное сопровождает артикль.

Напротив, порядок слов в транспозитивных (от *фр*. transposition, «перемещение»), языках, т. е. языках, «допускающих перемещение»,

свободный, он следует за «огнем воображения». Понимание связей между словами достигается за счет флексий; артикль отсутствует. К транспозитивным языкам Жирар относил латынь и русский язык.

К смешанному типу он отнес греческий и немецкий языки, в которых есть и артикль, и падежи. Выделение этого класса указывает на важность для Жирара артикля как типологического маркера: именно присутствие артикля в сочетании со склонением заставляет его объединить немецкий и греческий языки в особый тип.

Классификацию Г. Жирара использовал, со ссылкой на первоисточник, Н. Бозе в статье «Язык» в «Энциклопедии» д'Аламбера и Дидро[1]. Бозе ограничился двумя типами – аналогическим и транспозитивным. В транспозитивных языках он выделил два подтипа: языки свободные (т. е. языки со свободным порядком слов) и языки «униформистские» (т. е. языки с флексией и одновременно с упорядоченным расположением слов); примером первых является латынь, а вторых – немецкий язык. Бозе отмечал, что в некоторых языках характерные для данного типа свойства представлены более последовательно, нежели в других, так что ни один язык не представляет тип, к которому он принадлежит, в чистом виде [Beauzée 1765, с. 264].

Очевидно, что в классификациях французских авторов речь идет фактически о тех языковых типах, которые в морфологической типологии XIX в. получили название языков синтетических и аналитических. Примечательно, однако, что основанием для противопоставления аналогических и транспозитивных языков оказывается синтаксис, а не морфология: именно прямой или свободный порядок слов определяет, по мнению французских авторов, наличие или отсутствие флексий в языке. Представление языкового типа как иерархически организованного целого, где одна доминантная черта определяет другие, является сильной стороной типологических построений французских филологов.

Акцент на синтаксисе не случаен: французские филологи усматривали в прямом порядке слов отражение процесса развертывания мысли. Начиная с грамматики Пор Рояля, в языке видели отражение мыслительных процессов, которые имели, по мнению французских

[1] В тексте 'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné' авторство статей не указывается, но историки лингвистики традиционно приписывают ее Н. Бозе [см., к примеру, Noordegraaf 1977; Graffi 2001; Davies, Lepschy 2016].

авторов, логическую основу. Прямой порядок слов считался основанным на логике, а отступления от него объясняли воздействием на разум страстей и воображения. Как писал Бозе, прямой порядок слов есть результат анализа мысли и основание для анализа дискурса. Характерный для французского языка прямой порядок слов лег в основу автостереотипа, приписывавшего французскому языку исключительную ясность и логичность [Swiggers 1987]. К авторам, придерживавшимся этой точки зрения, относятся, в частности, Вольтер и Антуан де Ривароль.

Последний в эссе «Рассуждение об универсальности французского языка» (1784) писал: «Французский язык называет сначала субъект предложения, потом глагол, который представляет действие, а потом объект этого действия; вот логика, естественная для всех людей; вот то, что являет собой здравый смысл» [Rivarol 1784, с. 48]. Тот факт, что в большинстве языков мира имеют место отступления от прямого порядка слов, Ривароль объясняет пагубной победой страстей над разумом. «Французский язык, обладая уникальной привилегией, один остался верным прямому порядку слов <…>. Напрасно нас потрясают страсти и упрашивают следовать порядку, диктуемому чувствами, французский синтаксис неподкупен <…>. То, что неясно, то не по-французски; то, что неясно, – это английский, итальянский, греческий или латинский» [Rivarol 1784, с. 49].

Таким образом, типологические изыскания вписывались в дискурс мифологизации французского языка как языка, обладающего исключительной ясностью и рациональностью и за счет этого воплощающего лучшие свойства человеческого языка.

Однако в целом французские авторы избегали резкой оценочности, которая впоследствии будет характеризовать позицию немецких лингвистов. И аналогические, и транспозитивные языки воплощают, по мнению Бозе, свой неповторимый «гений языка». У каждого типа Бозе находил свои достоинства: если транспозитивные языки больше подходят для ораторского искусства и тех видов словесности, которые одушевлены страстями и движимы воображением, то аналогические идеально подходят для «точного изложения истины» в рамках философского дискурса [Beauzée 1765, с. 265]. Более того, ограничения каждого языкового типа не являются непреодолимыми, о чем свидетельствуют, в частности, выдающиеся достижения французской литературы.

Отличным от взглядов немецких филологов XIX в. было и представление о том, какие языки были более древними. Если в XIX в. аналитизм рассматривался как результат деградации флективных синтетических языков, то Бозе, напротив, полагал, что первоначально языки мира были аналитическими, поскольку аналогические языки устроены проще, чем транспозитивные: «Очевидно, что в языках аналогических меньше искусства, чем в транспозитивных, а у всех человеческих институтов простые истоки» [Beauzée 1765, с. 259]. Аналитизм современных языков Бозе трактовал как возврат к истокам, часто под влиянием завоевания территорий, где говорили на транспозитивных языках, варварами – носителями аналогических языков.

Адам Смит: языки составные и несоставные

Адам Смит вошел в историю европейского Просвещения прежде всего как ученый, заложивший основы экономики как отдельной научной дисциплины. Однако его интересы выходили за рамки собственно экономики: он связывал экономический порядок с мотивами действий людей, их стремлением к личной выгоде, что определяло его интерес к природе человека. Эти взгляды получили отражение в трактате «Теория нравственных чувств» (1759). В приложении к третьему изданию «Теории нравственных чувств» (1761) был опубликован его «Трактат о происхождении языков» – главное лингвистическое произведение автора [Smith 1774][1].

Как отмечалось выше, некоторые историки лингвистики усматривают в трактате Смита влияние идей Г. Жирара и Н. Бозе. Это суждение основывается, в частности, на письме 1767 г., в котором Смит пишет, что трактат Жирара оказал на него большее воздействие, чем какие-либо другие работы [Rae 2006, с. 160]. Однако сравнение взглядов французских авторов и трактата А. Смита заставляет усомниться в верности этого вывода. Говоря о влиянии на себя работы Г. Жирара, А. Смит имел в виду, вероятно, то, что чтение труда французского филолога возбудило у него интерес к теоретическому изучению языков, но отнюдь не то, что в своем трактате он прямо опирался на его типологию.

[1] Адам Смит был также автором лекций по риторике, которые он с большим успехом читал в Эдинбурге (1748–1751) и позже в Глазго. При жизни автора лекции не были опубликованы, и их рукописный вариант был утрачен. Только в 1961 г. был обнаружен подробный конспект этих лекций, что позволило познакомить научную общественность с риторической концепцией автора.

А. Смит делит языки мира на два класса: несоставные (uncompounded) и составные (compounded). Как и в случае с классификацией французских авторов, речь идет, в конечном счете, о языках синтетических и аналитических. Однако далее начинаются расхождения.

Во-первых, основания для противопоставления составных и несоставных языков у А. Смита морфологические: в несоставных языках слово выражает грамматические значения «внутри себя», а в составных – с помощью дополнительных слов, таких как предлоги и вспомогательные глаголы. Порядок слов, столь важный для французских авторов, не привлек его особого внимания; он упоминает о порядке слов как о грамматическом способе лишь в связи с конструкциями, в которых ни падежные окончания, ни предлоги не могут выразить отношения между словами. Так, порядок слов важен для современных языков, утративших окончания, в тех случаях, когда необходимо различить номинатив, аккузатив и вокатив [Smith 1774, с. 455]. Артикль, имевший для Г. Жирара первостепенное значение как маркер аналогических и смешанных языков, А. Смит не упоминает совсем.

Идеалом несоставного языка для Смита является греческий. Особый характер греческого языка Смит объясняет тем, что в нем мало заимствований, так что грекам приходилось «образовывать новые слова либо за счет сложения, либо за счет деривации от слова или слов их собственного языка. Поэтому спряжение и склонение в греческом языке является более сложным, чем в любом другом европейском языке» [Smith 1774, с. 471]. Все остальные языки являются, по его мнению, в той или иной степени составными.

Таким образом, термин «составной язык» имеет для Смита и другое значение: составной язык – это язык, появившийся в результате языковых контактов; иноземцам трудно усвоить систему спряжения и склонения несоставного языка, и они отдают предпочтение аналитическим конструкциям.

Во-вторых, особенностью трактата Смита является то, что он рассматривает составные и несоставные языки и конструкции в контексте так называемой *conjectural linguistics*. Это направление лингвофилософских изысканий ставило своей целью рассмотреть происхождение и развитие человеческого языка. Исходя из положения о неразрывной взаимозависимости языка и мышления, Смит связывает развитие языковой способности и усложнение языков с совершенствованием

когнитивных возможностей человека – его способности к сравнению, обобщению, классификации, абстрагированию. Это помещает его размышления о типах языков в историческую перспективу.

По Смиту, составные конструкции появлялись в языках о мере роста способности человека к абстрагированию. Первыми словами, по его мнению, были существительные, обозначавшие единичные предметы. Со временем сформировались существительные с общим значением, а у последних постепенно оформились категории рода и падежа. Однако эти значения выражались в рамках самого слова, так как сознание человека еще не отделяло свойства от предмета.

О большей способности человека к абстрагированию свидетельствовало появление предлога и формирование «составных» конструкций. Предлоги выражают отношения, а отношения труднее осознать и определить, чем качества: качества поддаются восприятию органов чувств, а отношения недоступны непосредственному восприятию [Smith 1774, с. 448]. По мнению Смита, выражение отношений с помощью падежных форм не требует такого уровня абстрагирования, как использование предлогов: значение предлога состоит в выражении отношений в чистом виде, поэтому описать значение предлога труднее, чем дать определение знаменательному слову.

Как видно, работа А. Смита написана в совсем другом ключе, нежели трактат Жирара и статья Бозе. Если для французских авторов интерес представляла классификация языков как таковая, то Смита она интересовала преимущественно в контексте реконструкции процесса развития языка по мере усложнения доступных человеку ментальных операций.

Если пытаться установить связи Смита с французским Просвещением, то следует, скорее, говорить о влиянии на него Кондильяка. Хотя в трудах Смита нет ссылок на труды этого французского философа, с его взглядами британский мыслитель был, по-видимому, знаком, поскольку хранил работы Кондильяка в своей библиотеке.

С Кондильяком Смита объединяет, в частности, то обстоятельство, что оба автора допускали возникновение языка у человеческих существ, мозг которых еще не обладал способностью к абстрактному мышлению; эта способность формировалась постепенно, и по мере ее формирования постепенно усложнялся и совершенствовался человеческий язык. Британские авторы, в том числе Дж. Локк, Т. Рейд, лорд Монбоддо, напротив, полагали, что способность к абстрактному

мышлению предшествовала возникновению языка: без этой способности нет человеческого мышления, а, значит, языка и самого человека.

Обращает на себя внимание и то, что ход развития языков человечества французские авторы и А. Смит описывали прямо противоположным образом. По мнению Н. Бозе, первые языки были аналогическими (аналитическими), так как устройство аналогических языков проще, чем устройство языков транспозитивных (синтетических). По мнению А. Смита, древнейшие языки были, напротив, несоставными (синтетическими), так как мозг первых людей был еще неспособен рассматривать отношение отдельно от его носителя, так что грамматические значения выражались в рамках одной грамматической формы. Появление «составных» (аналитических) конструкций потребовало развития таких мыслительных операций, как сравнение, генерализация, классификация, абстрагирование, анализ.

Интересно, что аналитические языки по-разному оцениваются французскими авторами и А. Смитом, причем в этом Г. Жирар и Н. Бозе проявляют большую последовательность, давая аналогическим языкам положительную оценку. Это не удивительно, поскольку эти языки, по их мнению, устроены более рационально и ясно отражают процесс мышления, аналогические конструкции лежат в основе древнейших языков и могут рассматриваться как универсальные. Впрочем, как отмечалось выше, они находят достоинства и в языках транспозитивных: каждый язык обладает своим «гением» и своими возможностями.

Казалось бы, вся логика рассуждений А. Смита должна была бы подвести его к положительной оценке составных (аналитических) языков, требующих способности к сложным ментальным операциям. Однако автор несколько неожиданно приходит к противоположному выводу, отдавая предпочтение несоставным языкам. Основываясь на эстетических соображениях, он относит к недостаткам составных языков их многословность (знаменательное и служебное слово вместо одной синтетической формы), а также неблагозвучность: из-за строгого порядка слов в таких языках во многих случаях невозможно избежать негармоничного сочетания звуков.

Заключение

Хотя в истории лингвистики братьев Шлегелей называют создателями типологической классификации языков, как было показано

выше, у них были предшественники. В статье мы остановились на типологических построениях Г. Жирара, Н. Бозе и А. Смита; однако замечания в типологическом духе можно обнаружить и у других авторов XVIII в., в частности у Гердера [Davies, Lepschy 2016].

Вопрос о том, в какой мере А. В. Шлегель был знаком с работами своих предшественников, остается открытым. Он мог читать «Энциклопедию», которая была авторитетным справочным текстом своего времени. Он, безусловно, был знаком с трактатом А. Смита, поскольку перевод последнего был в 1809 г. опубликован под одной обложкой с сочинением «О языке и мудрости индийцев» Ф. Шлегеля. Впрочем, едва ли он прочел работу А. Смита внимательно: в «Заметках о провансальском языке и литературе» А. В. Шлегель ошибочно указывает, что Смит отдает предпочтение аналитическим языкам, что противоречит взглядам А. Смита [Schlegel 1818, с. 25].

С А. Смитом, в отличие от французских авторов, лингвистов XIX в. сближает историческая перспектива, в которую помещались вопросы типологии. Как и британский философ они видели в смене языковых типов стадии развития человеческого языка и этапы развития ментальных способностей человека. Как и многие авторы XIX, в. А. Смит, в отличие от своих французских предшественников, отдавал предпочтение синтетическим языкам (хотя он делал это по совсем другим соображениям, нежели братья Шлегели и позднее А. Шлейхер).

С авторами XVIII в. А.В. Шлегель был согласен в том, что черты синтетизма и аналитизма могут присутствовать в языках в разной степени, так что между языками разных типов нет четких границ. Как и его предшественники, он отмечал роль языковых контактов в движении языков к аналитизму, отмечая, впрочем, и внутренние тенденции, подталкивавшие языки в этом направлении.

С другой стороны, А. В. Шлегелю удалось подробнее, чем авторам XVIII в., описать характеристики синтетических и аналитических языков, отметив такие маркеры последних, как предлог, артикль, порядок слов, вспомогательные глаголы, аналитические формы сравнения, употребление местоимений с глагольными формами. При этом, если Г. Жирар, Н. Бозе и А. Смит распределяли по признакам синтетизма и аналитизма все языки мира (хотя реально в их примерах, за исключением древнееврейского, присутствовали преимущественно индоевропейские языки); то у А. В. Шлегеля деление языков на

синтетические и аналитические затрагивало только флективные языки. Впрочем, надо заметить, что в XX в. признаки синтетичности / аналитичности были перенесены Э. Сепиром на все языки мира, индекс синтетичности Дж. Гринберга также позволял характеризовать с этой точки зрения любой язык мира [об изучении синтетических и аналитических языков в XX в. см. Schwegler 2013].

Таким образом, если сравнивать взгляды авторов XVIII и XIX–XX вв., то можно обнаружить определенную преемственность. Это показывает, что история языкознания не должна сводиться к описанию заслуг «лингвистических генералов»; важнейшее значение имеет и тот фон, на котором они делали свои научные открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Германова Н. Н. Трактат «Соображения о происхождении и формации языков» Адама Смита: были ли предшественники у братьев Шлегелей? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 192–205.

Черняк А. Б. От Юка Файдита до Косериу: очерки истории романской филологии. Санкт-Петербург : РАН, 2018. 260 с.

Beauzée N. Langue // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / par une Société des gens de lettres. T. 9. Paris: chez Samuel Faulche et Compagnie, Libraires et Imprimeurs, 1765. P. 245–266.

Girard G. Les Vrais principes de la langue françoise, ou la Parole réduite en méthode. Paris, 1747. 592 p.

Graffi G. 200 Years of Syntax: A critical survey. Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2001. 551 p.

Davies A. M., Lepschy G. C. History of Linguistics. Vol. IV: Nineteenth-Century Linguistics. London : Routledge, 2016. 460 p.

Noordegraaf J. A few remarks on Adam Smith's Dissertation (1761) / Historiographia linguistica, 1977. Vol. IV: I. P.1–6.

Rae J. Life of Adam Smith. New York : Cosimo, 2006. 468 p.

Rivarol A. de. Discours de l'Universalité de la langue Française. Pierre Belfond, 1784. 263 p.

Schlegel A. W. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris : A la Librairie grecque-latine-allemande, rue des Fossés-Montmartre, n°14, 1818. 122 p.

Schwegler A. Analyticity and Syntheticity: A Diachronic Perspective with Special Reference to Romance Languages. Berlin : Walter de Gruyter, 2013. 306 p.

Smith A. The Theory of Moral Sentiments or an Essay Towards an Analysis of the Principles by Which Men Naturally Judge Concerning the Conduct and Character, First of Their Neighbours, and Afterwards of Themselves, to Which is Added, a Dissertation on the Origin of Languages. London, W. Strahan, J. & F. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and T. Cadell, 1774. 478 p.

Swiggers P. A l'ombre de la clarté française // Langue française. 1987. Vol. 75, Numéro 1. P. 5–21.

REFERENCES

Germanova N. N. Traktat «Soobrazhenija o proishozhdenii i formacii jazykov» Adama Smita: byli li predshestvenniki u brat'ev Shlegelej? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 4 (820). S. 192–205.

Chernjak A. B. Ot Juka Fajdita do Koseriu: ocherki istorii romanskoj filologii. Sankt-Peterburg : RAN, 2018. 260 s.

Beauzée N. Langue // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / par une Société des gens de lettres. T. 9. Paris: chez Samuel Faulche et Compagnie, Libraires et Imprimeurs, 1765. P. 245–266.

Girard G. Les Vrais principes de la langue françoise, ou la Parole réduite en méthode. Paris, 1747. 592 p.

Graffi G. 200 Years of Syntax: A critical survey. Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2001. 551 p.

Davies A. M., Lepschy G. C. History of Linguistics. Vol. IV: Nineteenth-Century Linguistics. London : Routledge, 2016. 460 p.

Noordegraaf J. A few remarks on Adam Smith's Dissertation (1761) / Historiographia linguistica, 1977. Vol. IV: I. P.1–6.

Rae J. Life of Adam Smith. New York : Cosimo, 2006. 468 p.

Rivarol A. de. Discours de l'Universalité de la langue Française. Pierre Belfond, 1784. 263 p.

Schlegel A. W. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris : A la Librairie grecque-latine-allemande, rue des Fossés-Montmartre, n°14, 1818. 122 p.

Schwegler A. Analyticity and Syntheticity: A Diachronic Perspective with Special Reference to Romance Languages. Berlin : Walter de Gruyter, 2013. 306 p.

Smith A. The Theory of Moral Sentiments or an Essay Towards an Analysis of the Principles by Which Men Naturally Judge Concerning the Conduct and Character, First of Their Neighbours, and Afterwards of Themselves, to Which is Added, a Dissertation on the Origin of Languages. London, W. Strahan, J. & F. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and T. Cadell, 1774. 478 p.

Swiggers P. A l'ombre de la clarté française // Langue française. 1987. Vol. 75, Numéro 1. P. 5–21.

УДК 81-119

В. М. Костева

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vmkosteva@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МАРРА В СВЕТЕ НАРРАТИВНОЙ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена деятельности Н.Я. Марра на должности директора Института яфетидологических изысканий (Яфетического Института, Института языка и мышления). Это сторона личности Марра является наименее изученной, что определяет актуальность исследования. Анализ вклада Марра в организацию лингвистических школ и направлений СССР проводится в русле нарративной лингвоисториографии с привлечением аутентичных материалов и в сравнении с современным менеджментом, что позволило выявить ее основные черты и дискурсивные практики.

Ключевые слова: лингвоисториография; нарративный метод; языкознание СССР; парадигмы в лингвистике; Яфетический институт.

V. M. Kosteva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: vmkosteva@gmail.com

ACTIVITY OF NIKOLAI YAKOVLEVICH MARR IN TERMS OF NARRATIVE LINGVO-HISTORIOGRAPHY

The article explores the activity of N. Y. Marr as Director of the Institute of Japhetological Research (Japhetic Institute, Institute of Language and Thought). This aspect of Marr's personality is the least studied, which determines the relevance of the study. Analysis of Marr's contribution to organization of linguistic schools in the USSR is carried out within the framework of narrative lingvo-historiography on the basis of authentic materials and with regard to modern management, which allows identifying its main features and discursive practices.

Key words: lingvo-historiography; narrative method; linguistics of the USSR; paradigms in linguistics; Japhetic Institute.

Введение

На протяжении всей своей жизни Николай Яковлевич Марр (1865–1934) неоднократно совмещал научную и управленческую деятельность. Так, по воспоминаниям его автобиографа В. А. Миханковой,

CC BY

начиная с 1924 года, Марр возглавлял Публичную библиотеку в Ленинграде, ГАИМК, Кавказский отдел КИПС, Яфетический институт, Центральное бюро краеведения; руководил секцией материалистической лингвистики [Миханкова 1949, с. 351]. К сожалению, довольно длительное время административная работа Марра оставалась практически без внимания исследователей, лишь в последнее время появилось несколько историографических работ, посвященных управленческим качествам Н. Я. Марра. К числу таковых относится статья И. В. Сидорчука «Деятельность Н.Я. Марра на посту Председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.)» [Сидорчук 2016], где проанализированы особенности руководства Марра, описаны взаимоотношения Марра – администратора с правящими кругами и со старой академической элитой. Нам стало интересно проследить особенности влияния Марра на формирование школ и направлений языкознания СССР на примере Института яфедологических изысканий, затем Яфетического института и впоследствии Института языка и мышления (далее – Институт), выявить особенности управленческого стиля Марра, а также осветить научную деятельность Института в этот период.

Методы исследования

В основе анализа лежит нарративный метод лингвоисториографии, предусматривающий представление концепции и личности ученого во всех аспектах, с ее положительными и отрицательными качествами, с учетом всех фактов биографии [Костева 2018, с. 146]. Он предусматривает, прежде всего, работу с различными источниками, среди которых аутентичные материалы, воспоминания современников и др. В рамках нарративной лингвоисториографии работает ряд ученых, среди них профессор О. А. Радченко и профессор О. В. Лукин.

Яфетический Институт как особое явление в советском языкознании

Общеизвестным фактом истории советской лингвистики является то, что Институт был основан Н. Я. Марром, он был его любимым детищем. Как писала В. А. Миханкова, Институт был создан «для развития тех областей знаний, которым посвятил свою жизнь Н. Я.» [Миханкова 1949, с. 285]. Ученый секретарь Института Л. Г. Башинджагян отмечал

большой интерес Марра к Институту, это можно было проследить по запискам и заметкам того времени [Башинджагян 1949, с. 255].

Уже на начальном этапе создания Института Марр проявляет качества умелого, талантливого и энергичного организатора. Убедительно обосновав в РАН необходимость создания Института, Марр разработал соответствующее Положение об Институте, сопроводив его Пояснительной запиской. Отметим, что Положение учитывает все пункты, необходимые для профессионального менеджмента какой-либо структуры и во многом схоже с сегодняшним бизнес-планом, под которым в современной экономике понимается «подробный, четко структурированный, тщательно обоснованный, динамичный, перспективный план развития конкретного направления бизнеса», который необходим для реализации всех аспектов проекта [Румянцева 2006, с. 47]. Так, в Положение Марр включил сведения об учредителе, структуре, органах управления, порядок выбора руководящих лиц и сотрудников. Отметим лаконичность (всего шесть пунктов, объёмом чуть более страницы) и четкость изложения.

Но особый интерес, на наш взгляд, представляет другой документ, а именно – Пояснительная записка к Положению, содержание которой в рамках реалий сегодняшнего дня мы можем отнести к главным структурным компонентам бизнес-плана, а именно: резюме проекта (основные положения), предпосылки и созданный задел, цели и основные характеристики проекта [Румянцева 2006, с. 47]. Необходимость и своевременность создания Института Марр объясняет несколькими научными положениями: важностью своей теории скрещивания, перспективами и общественно-практическим значением этой теории [Яфетический сборник 1922, с. V]. Определяя проблему, которой должен был заниматься новый Институт, Марр заостряет внимание на кризисе, в котором, по его мнению, находится яфетическое языкознание, причина которого заключается в отсутствии необходимых условий для развертывания работ в этом направлении. Выход из него Марр видит следующим образом: или отказаться от работы по яфетическому языкознанию, или создать возможности для осуществления этой деятельности, для чего должен быть создан Институт яфетидологических изысканий [Яфетический сборник 1922, с. XII]. Очевидно, что здесь Марр прибегает к ультиматуму, который представляется общей практикой его управленческого стиля.

Полагая, что вопрос о создании Института будет решен положительно, Марр намечает основные задачи научной работы Института, указывая на ее многосторонность и широкий круг решаемых проблем. В конце Пояснительной записки он выдвигает 10 основных задач Института, в их числе, помимо научных задач присутствуют и административные, например о подготовке кадров – ученых яфетидологов. В особый пункт Пояснительной записки выделено положение о материальном обеспечении деятельности Института [Яфетический сборник 1922, с. XIV].

Следует отметить, что план Марра был блестяще реализован. Вопрос «об оборудовании при Академии наук СССР Яфетидологического института» был поставлен Марром 29 июня 1921 г. в выступлении на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН. А уже 7 сентября 1921 г. Институт был открыт. В качестве места для размещения Института Марр выделил одну из комнат своей квартиры. Личный состав Совета Института был утвержден Академией наук СССР. В штат Института входили как ученые, так и научные сотрудники, среди которых были Л. В. Щерба и И. И. Мещанинов. Последующий выбор И. И. Мещанинова делопроизводителем свидетельствует о продуманном выборе кандидатуры. Известно, что долгое время Мещанинов был помощником обер-секретаря I Департамента Сената, имел опыт работы в Главархиве и Археологической комиссии [Материалы 2013, с. 26].

Постоянной заботой Марра – директора Института были вопросы финансирования сотрудников и проектов, о чем свидетельствуют многочисленные письма и записки, например: «Письмо Н. Я. Марра в Петроградское отделение Управления научных учреждений РАН о финансировании от 12 октября 1921 г.» [Материалы 2013, с. 30], «Письмо Н. Я. Марра в Петроградское управление научных учреждений РАН о проблемах Института в связи с отсутствием финансирования от 31 мая 1922 г.» [там же, с. 60], «Письмо Н. Я. Марра в Петроградское управление научных учреждений РАН об оплате ученых, принимающих участие в работе Института от 27 августа 1923 г.» [Материалы 2013, с. 93] и т. д. Требуя финансирования, Марр вновь прибегает к одному из своих любимых приемов взаимодействия с властями и членами научного коллектива – ультимативному заявлению. Например, к угрозе сложить свои полномочия, как это было в период руководства Марром ГАИМК [Сидорчук 2016, с. 100]. Но

в отличие от практики управления ГАИМК в Институте Марр говорит об угрозе закрытия самого Института. В архивных материалах Института мы можем найти письмо Марра с требованием срочного финансирования деятельности Института, в котором этот ультиматум размещается в самом начале: «Находясь перед вопросом о закрытии Института яфетидологических изысканий или о действительном продолжении налаженных научных работ…» [Материалы 2013, с. 38]. Такая настойчивость, способность и умение Марра привлекать государственное финансирование не всегда воспринималось академической элитой положительно. Так, В. Н. Перетц негативно отзывался о Институте, по его мнению, «высасывающем много казенных денег» (цит. по: [Алпатов 2005]).

Институт как центр международных контактов советского языкознания

Марр придавал большое значение развитию международных контактов Института. Уже на страницах Пояснительной записки мы находим положение о привлечении зарубежных ученых к работе Института [Яфетический сборник 1922, с. VIII], что было осуществлено не в последнюю очередь благодаря личным связям Марра [Материалы 2013, с. 49]. Для сотрудников Института Марр предусматривал долгосрочные зарубежные командировки, о чем свидетельствует, например, «Заявка на заграничные командировки для научных работ по специальности и для повышения квалификации на 1934 г.» [там же, с. 346]. Кроме того, сотрудники имели возможность выписывать зарубежную литературу, что зафиксировано в «Списке сотрудников, желающих выписывать научную литературу из-за границы от 30 октября 1929 г.» [там же, с. 240].

Для продвижения своей теории Марр включил в планы международного сотрудничества перевод научных публикаций Института на иностранные языки [Материалы 2013, с. 307].

Дискурсивные практики научной жизни Института

Как отмечал Сидорчук, Н. Я. Марр всегда старался помогать своим подчиненным и защищать их [Сидорчук 2016, с. 98]. В архивных материалах Института мы также можем найти ряд свидетельств такого же отношения к сотрудникам Института, например, «Письмо

Н. Я. Марра и А. К. Боровкова в Комитет по кадрам АН СССР с ходатайством о предоставлении А. М. Бескровному права получения дров» [Материалы 2013, с. 256]. Марр не побоялся выступить с поддержкой арестованного за шпионаж академика И. Ю. Крачковского, публично выразив на заседании пожелание о его скором освобождении [Материалы 2103, с. 78]. Марр ограждал своих сотрудников и от занятий, несвязанных с их непосредственной научной деятельностью. Отметим, например, письмо в Ленинградский губернский суд о невозможности выполнять в Институте письменные переводы документов с иностранных языков и языков народов СССР от 20 декабря 1925 г., в котором говорится, что «по характеру ведомых им работ» Институт не может предоставить работников, которые могли бы осуществлять письменные переводы с иностранных языков и с языков народов СССР [Материалы 2013, с. 142]. Но несмотря на такое внимательное отношение к своим сотрудникам, Марр умел быть и жестким руководителем, используя в административной деятельности метод «кнута и пряника». Так, например, в Протоколе общего собрания сотрудников Института от 7 мая 1931 г. в отчете «О выполнении производственных планов» он критикует сотрудников некоторых секций, используя довольно резкие формулировки, например: «Если никто не работает, то и секции незачем существовать» [Материалы 2013, с. 286].

Основной структурной единицей, осуществляющей научную деятельность, были Общие собрания, в которых принимали участие ученые, официально не являющиеся сотрудниками Института и представляющие собой специалистов различных специальностей и направлений [Яфетический сборник 1923, с. VIII]. Полагаем, что в этом случае речь шла о привлечении ученых старой академической школы к работе в русле яфетидологии. Как отмечал Башинджагян [Башинджагян 1937, с. 255], Марр возлагал большие надежды на академиков – представителей старой школы. Поддержка авторитетных кадров в продвижении проекта является краеугольным камнем современной PR-компании, в частности корпоративных стратегий. Но этот расчет Марра оказался несостоятельным. Известно, что его теорию изначально поддерживали далеко не все филологи-индоевропеисты, о борьбе идей, борьбе «между старым и новым языкознанием» с самого начала основания Института упоминает и В. А. Миханкова [Миханкова 1949, с. 336].

Потерпев неудачу, Марр меняет тактику: принимает решение о необходимости придать тематике Общего собрания института одно направление – яфетидологию [Яфетический сборник 1925, с. IX]. Это решение нашло свое отражение в заявлении Марра о том, что в Институте устраиваются обсуждения докладов и сообщений «исключительно яфетидологов или проявляющих одинаково с ними активный интерес к теме и соответственное знание…» [Яфетический сборник 1923, с. XI]. Отметим, что данное решение не было спонтанной акцией. О введении закрытого режима Общих собраний Марр писал еще в 1922 г., о чем свидетельствует Протокол № 29 заседания Совета Института от 13 октября 1922 г., где указано, что: «По предложению Н. Я. Марра постановлено: заседания общего собрания Института считать закрытыми, к участию в них допускать постоянных сотрудников Института, а частных лиц лишь с особого разрешения директора Института» [Материалы 2013, с.72].

Сужение тематики, однако, по заверению Марра, не означало отлучения ученых от собраний, наоборот, он попытался расширить сферу влияния своей теории путем привлечения ученых, работающих в смежных областях [Яфетический сборник 1923, с. X].

Для нанесения решающего удара по индоевропеистам Марр вновь прибегает к другой своей излюбленной практике – использует публичную дискуссию, где однозначно заявляет, что «никакого примирения не может быть между двумя сторонами без перехода с одной стороны на другую», дополняя это высказывание любимым приемом – угрозой закрытия Института: «Не лучше ли нам прервать существование Института в такой обстановке», когда индоевропеисты имеют претензией влиять на содержание и направление его работы» [Миханкова 1949, с. 337].

Будучи хорошим управленцем, Марр прекрасно улавливал основные политические тенденции и организовывал работу Института в соответствии с новыми требованиями: ученые трудились по производственным планам, отчитывались о проделанной работе. При организации Института и в его первые годы работы среди сотрудников не было членов и кандидатов РКП и РЛКСМ, о чем свидетельствует письмо И. И. Мещанинова в Канцелярию Правления РАН от 3 апреля 1925 г. [Материалы 2013, с. 127]. Но уже в архивных документах, датированных 1931 г., мы находим упоминание о партячейке Института [там же, с. 13, 301]. Принятие политики партии, «направленную на перестройку

всей науки на основах марксизма-ленинизма» [Сидорчук 2016, с. 100] отразилось в резолюции, принятой на собрании партячейки ИЯМ АН СССР 7 дек. 1931 г. «Современное положение на языковедном фронте и задачи Института языка и мышления Академии наук СССР», где в русле политической семантики того времени Марр признает вину Института, называя эти упущения в риторике того времени: «головотяпством», граничащим с изменою рабочему классу» [там же, с. 305]. Воспользовавшись моментом, Марр, выражая готовность разрабатывать языковедческие проблемы в русле марксизма-ленинизма, особо подчеркивал роль яфетической теории «в деле построения подлинной марксистско-ленинской лингвистики» [Материалы 2013, с. 301].

Формирование новых школ и направлений советского языкознания

Несмотря на провозглашенную Марром ориентацию Института на яфетическую теорию, в его стенах разрабатывались и другие, не менее интересные темы, перечень которых мы можем составить на основе отчетов о деятельности за тот или иной период. Так, в отчете за 1925 г. мы находим упоминание о ряде исследований В. И. Абаева в области осетинского языка [Материалы 2013, с. 146]. В Отчете за 1926 г. речь идет о трех исследовательских группах, занимающихся изучением числительных в различных языках Европы и Азии, мифами и литературными сюжетами с исторической и методологической точки зрения, клинописью Древнего Востока и другими. При этом сам Марр руководил работой секции числительных [Материалы 2013, с. 174–176]. Программы аспирантов Института включали в себя семинары не только по яфетидологии как, например, «Проблемы общего учения о языке» под руководством Марра или «Стадиальное развитие речи и социально-экономические формации» под руководством И. И. Мещанинова, но и «Чтение и разбор классиков индоевропейского языкознания», «Введение в общее языкознание», в дальнейшем «Язык и фольклор». Отметим также, что, занимая несколько ответственных руководящих постов, за период с 1921 по 1934 гг. Марр написал и опубликовал 246 статей, рецензий и других научных трудов [Список печатных работ … 1933] – почти половину из общего количества своих работ, и это не считая чтения лекций для аспирантов и студентов.

Заключение

Краткий обзор деятельности Марра, как теоретика языкознания и организатора науки, дает нам представление о нем как о выдающемся лингвисте и управленце, интуитивно использующим современные принципы менеджмента и имеющим свой собственный стиль управления, эффективно совмещающим административную работу с научной деятельностью. К сожалению, на сегодняшний день нам доступно довольно ограниченное количество воспоминаний непосредственных участников работы в Институте, которые могли бы помочь восстановить атмосферу, царившую в стенах Института под руководством Марра. Но полагаем, что с одним высказываем О. М. Фрейденберг, которая называла Марра «крупнейшим администратором», мы вполне можем согласиться [Фрейденберг 1988, с. 184].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В. М. Выслушать обе стороны (Михаил Робинсон. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение, 1917 – начало 1930-х годов) // Отечественные записки. 2005. № 2. Интернет-проект «Журнальный зал». URL : magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_24. (дата обращения: 10.01.2020).

Башинджагян Л. Г. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра // Вестник АН СССР. 10–11. 1937. С. 251–265.

Костева В. М. Нарративный метод в лингвоисториографии и особенности его использования для исследования научного интрадискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 14 (809). С. 143–151.

Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) // PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Наука, 2013. Т. IX. Ч. 1. 438 с.

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности / В. А. Миханкова. М. ; Л. : АН СССР, 1949. 555 с.

Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2006. VI. 810 с.

Сидорчук И. В. Деятельность Н. Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. 4 (255). С. 96–107.

Список печатных работ Н. Я. Марра // Марр Н. Я. Избр. работы. Т. 1. 1933. С. XI–XXVI.

Фрейденберг О. М. Воспоминания о Марре / предисл. И. М. Дьяконова ; публ. и прим. Н. В. Брагинской // Восток–Запад : Исследования. Переводы. Публикации. М. : Наука, 1988. С. 181–204.
Яфетический сборник I. Петербург : Акад. наук СССР, 1922. 145 с.
Яфетический сборник II. Петроград : Акад. наук СССР, 1923. 167 с.
Яфетический сборник III. М., Ленинград : Акад. наук СССР, 1925. 177 с.

REFERENCES

Alpatov V. M. Vyslushat' obe storony (Mihail Robinson. Sud'by akademicheskoj jelity: Otechestvennoe slavjanovedenie, 1917 – nachalo 1930-h godov) // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2. Internet-proekt «Zhurnal'nyj zal». URL : magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_24. (data obrashhenija: 10.01.2020).
Bashindzhagjan L. G. Institut jazyka i myshlenija im. N. Ja. Marra // Vestnik AN SSSR. 10–11. 1937. S. 251–265.
Kosteva V. M. Narrativnyj metod v lingvoistoriografii i osobennosti ego ispol'zovanija dlja issledovanija nauchnogo intradiskursa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 14 (809). S. 143–151.
Materialy k istorii ILI RAN (1921–1934) // PETROPOLITANA. Trudy In-ta lingvisticheskih issledovanij RAN / otv. red. N. N. Kazanskij. SPb. : Nauka, 2013. T. IX. Ch. 1. 438 s.
Mihankova V. A. Nikolaj Jakovlevich Marr: Ocherk ego zhizni i nauchnoj dejatel'nosti / V. A. Mihankova. M. ; L. : AN SSSR, 1949. 555 s.
Rumjanceva E. E. Novaja jekonomicheskaja jenciklopedija. 2-e izd. M. : INFRA-M, 2006. VI. 810 c.
Sidorchuk I. V. Dejatel'nost' N. Ja. Marra na postu predsedatelja Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (1919–1920, 1922–1934 gg.) // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2016. 4 (255). S. 96–107.
Spisok pechatnyh rabot N. Ja. Marra // Marr N. Ja. Izbr. raboty. T. 1. 1933. S. XI–XXVI.
Frejdenberg O. M. Vospominanija o Marre / predisl. I. M. D'jakonova ; publ. i prim. N. V. Braginskoj // Vostok–Zapad : Issledovanija. Perevody. Publikacii. M. : Nauka, 1988. S. 181–204.
Jafeticheskij sbornik I. Peterburg : Akad. nauk SSSR, 1922. 145 s.
Jafeticheskij sbornik II. Petrograd : Akad. nauk SSSR, 1923. 167 s.
Jafeticheskij sbornik III. M., Leningrad : Akad. nauk SSSR, 1925. 177 s.

УДК 81:1

О. А. Крючкова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: OLQA100@yandex.ru

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЕРНХАРДА ВЕЛЬТЕ: ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ГЕРМАНИИ XX ВЕКА

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос о представлениях о языке в философии Германии XX века. В связи с тем, что одной из главных задач философов XX века было определение сознания, языка, понимания и взаимопонимания, интерпретация процессов общения и роли языка в общении образовала предмет философии языка XX века. Б. Вельте, немецкий философ и теолог, современник М. Хайдеггера, занимавшийся вопросами философии религии, сформулировал свою концепцию теории языка, которая оказала влияние на его последователей. Ставя перед собой задачу раскрытия Божественной тайны, Б. Вельте исследует язык и способы выражения истины в нем. Таким образом, философия языка Б. Вельте строится на отношении языка к истине и отношении языка к всемирной истории.

Ключевые слова: лингвофилософия; теория языка; истина; разговор.

O. A. Kryuchkova

Postgraduate student, Department of General and Comparative
Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: OLQA100@yandex.ru

BERNHARD WELTE'S LINGUO-PHILOSOPHIC VIEWS: PHILOSOPHY OF LINGUISTICS IN 20TH CENTURY GERMANY

The article seeks to identify and describe the specific character of views on language within different philosophical approaches of 20th century Germany that originated from M. Heidegger's philosophical ideas. The German philosopher and theologian B. Welte investigated the issue of God's mystery in terms of language and with regard to ways of expressing the truth in it. The theory of language developed by B. Welte formed the basis for his phenomenology and philosophy of religion and fostered further research in works of his followers.

Key words: philosophy of linguistics; the theory of language; truth; communication.

Введение

Язык является одной из важнейших тем и проблем современной философии. Основные философские подходы к проблеме языка

CC BY

сложились уже к середине XX в., когда произошло разделение на аналитическую, феноменологическую и структуралистскую традиции. В каждой из этих традиций были созданы разнообразные подходы, по-своему рассматривающие проблему языка.

Исходя из того, что в XX в. в русле феноменологии религии сформировалось особое направление в феноменологической философии – философская феноменология священного, возросло внимание к философии М. Хайдеггера, который развивал в то время идеи фундаментальной онтологии. К данному направлению принадлежит также философ и теолог Бернхард Вельте (1906–1983). Взяв за основу в своих рассуждениях философскую феноменологию священного, Б. Вельте развивает положения философии религии XX в. в тесном взаимодействии с теорией языка.

Философия языка XX века

Одним из важнейших событий в истории западной философии XX в. стало ее обращение к языку, или «лингвистический поворот». Вопрос о сознании, языке, понимании и взаимопонимании укрепился в основе философских исследований, и, таким образом, проблема автора и читателя, процессы общения и роль языка в общении образовали предмет философии языка XX в.

Философия языка XX в. выбирает новый подход. В отличие от лингвистики, она, в первую очередь, ориентируется не на грамматику, лексику, фонетику языка, а направлена на трансформацию основных вопросов философии, которые относятся к сфере онтологии, эпистемологии и этики, в рассуждение о языке. Ее вопросы направлены на язык, а основной задачей является их объяснение с позиций самого языка и нашей языковой практики. Так же, как и философия Нового времени ставила сознание во главу философской рефлексии, языковая аналитическая и герменевтическая, структуралистская и прагматическая философия ориентируется, в первую очередь, на язык, чтобы исходя из сложности и запутанности своей структуры, поэтапно объяснить философские проблемы [Bühler 1965, с. 25].

Таким образом, в XX в. философия рассматривается в форме ее рефлексии на язык. Основным вопросом становится то, как язык и его понимание, его анализ может помочь в осознании мира, самого человека, его разума и действий. Рефлексия на языковую обусловленность

делает возможным знание, приближенное к бесконечной истории. По мнению профессора философии университета г. Дармштадта Герхарда Гамма, язык необходимо понимать не только как место представления и отображения мира, но и как силу, которая заключает мир для человека в действительности речи [Gamm 2009, с. 169].

Мартин Хайдеггер: о языке в философии

Мартин Хайдеггер и Людвиг Витгенштейн скорректировали модель восприятия языка и мышления, указав на то, что языковые знаки используются впоследствии в невербально реализованных мыслях (sprachfrei gedachte Gedanken). Эта идея относится и к тем системам языковых знаков, которые постоянно задействованы в формировании и побуждении наших мыслей. Несмотря на то, что еще Вильгельм фон Гумбольдт способствовал развитию данного направления в XIX в., свою более осмысленную форму оно приобрело только в XX в. [Bühler 1965, с. 28–30].

Одной из основных задач философии в целом является ответ на вопрос «В чем смысл жизни?». Данный вопрос становится отправной точкой для рассуждений о тесной связи жизни и философии. Внутри такой связи Мартин Хайдеггер (1889–1976), крупнейший немецкий философ, оказавший существенное влияние на европейскую философию XX в., ставший одним из основоположников немецкого экзистенциализма и внесший серьезный вклад в развитие феноменологии, искал вдохновение для своей философии.

Немецкий философ-феноменолог Отто Пёггелер, занимавшийся интерпретацией философии М. Хайдеггера, подчеркивает, что именно «Хайдеггер заключает в своем главном труде “Бытие и время” ключевые положения вечного вопроса о бытии, несмотря на то, что философия Мартина Хайдеггера – это “философия вопросов” (die Philosophie des Fragens)» [Pöggeler 1994, с. 10].

Обращаясь к философии М. Хайдеггера в области теории языка, необходимо понять структуру его рассуждений, так как его последователи часто старались подражать манере его философствования, но немногим это удавалось.

Несмотря на то, что основным вопросом, занимающим М. Хайдеггера, стал смысл бытия, а процесс *спрашивания* – характерной чертой его философского языка, идеи М. Хайдеггера онтологичны

и воспринимаются как учение о бытии [Pöggeler 1994, с. 15]. Для того чтобы прийти к единственно верному ответу в череде вопросов, с одной стороны, философ делает их достаточно простыми и очевидными, с другой – он ищет самый сложный путь, чтобы их задать и ответить на них. Такой подход к общему вопросу о смысле бытия предполагает необходимое рассмотрение основных положений истории философии и многосторонне раскрывает личность М. Хайдеггера.

Отто Пёггелер обращает внимание на то, что язык М. Хайдеггера имеет свой стиль, от чего зависит характерный выбор слов: философу была присуща определенная неподражаемая манера говорить – сложно понять, что точно он имел в виду. М. Хайдеггер создал и использовал свою терминологию: экспериментировал с возможностями языка, создавая неологизмы, придумывал новые глаголы в рамках своей философии (*nichten, lichten, wesen*). Кроме того, М. Хайдеггер удвоил семантику, соединив существительное и глагол (*das Nichts nichtet*) и изменил значение общеупотребительных слов в контексте своей философии (*Kehre, Geschick, Gestell*). М. Хайдеггер принимал во внимание также грамматические и морфологические вариации, он использовал их с целью введения необходимого слова в контекст своей философии (*Geschick, Schickung, geschickt*) [Pöggeler 1994, с. 214–217]. Исследуя язык в философии М. Хайдеггера, можно прийти к выводу о том, что предложенная им модель обоснования смысла бытия необходимо оперирует только его терминологией для аргументации позиции по заданному вопросу и, исключая двусмысленность положений, решает поставленный вопрос.

Теодор Адорно (1903–1969), немецкий философ, представитель Франкфуртской школы, назвал подобное явление в языке «жаргоном подлинности» (Jargon der Eigentlichkeit). Однако не стоит воспринимать слог М. Хайдеггера в чистом виде. Согласно Т. Адорно, манера речи М. Хайдеггера была определена темой того, чем он занимался, поэтому его жаргон неотделим от содержания его философии. В этом случае для последователей его идей возникает опасность «хайдеггеризирования» (Heideggerisieren) – своевольного прочтения хайдеггеровского языка без учета особенностей, о которых было упомянуто выше. «Хайдеггеризироваться», как уточняет Т. Адорно, совершенно не означает понять и интерпретировать философию М. Хайдеггера правильно. Прочтение и использование его философии заключается

в осознании ее главной задачи и в умении употреблять хайдеггеровский лексикон вне самого Хайдеггера. Таким образом, осознав эту идею, можно увидеть, насколько близки у философа мысль и ее языковое выражение [Adorno 1964, с. 35–38].

Теория языка Бернхарда Вельте. Жизнь и основные труды Б. Вельте

Одним из последователей философии Мартина Хайдеггера является Бернхард Вельте.

Бернхард Вельте родился 31 марта 1906 г. в городе Месскирх (Баден-Вюртемберг) на юго-западе Германии в семье адвоката. После окончания католической семинарии он продолжил обучение католической теологии во Фрайбургском университете, в котором работал М. Хайдеггер, и в 1929 г. был рукоположен в священники. После нескольких лет службы в качестве викария во Фрайбургской церкви, с 1934 по 1948 гг. Вельте работал секретарем архиепископа Конрада Грёбера, который настоял на продолжении теологического образования. В 1939 г. Вельте получил докторскую степень после написания работы под названием «Миропомазание после крещения в Древней Церкви» [Schneider 1990, с. 305–317].

Во время Второй мировой войны Бернхард Вельте преподавал философию семинаристам Collegium Borromaeum во Фрайбурге, одновременно работая над «Философской верой К. Ясперса и возможностью его толкования согласно томистской философии». В 1952 г. Вельте стал профессором на теологическом факультете Фрайбургского университета и был назначен на кафедру, которая впоследствии была названа кафедрой христианской философии религии, впервые утвержденной в Германии. От предложений преподавать в университетах Тюбингена и Мюнхена Вельте отказался, он предпочел остаться во Фрайбурге, где работал до 1973 г. С 1955 по 1956 гг. он занимал должность ректора Фрайбургского университета. После выхода на пенсию Вельте посетил Аргентину, где ему была присуждена почетная докторская степень. Впоследствии он выступал с докладами в качестве приглашенного лектора в Риме, Лиме и Иерусалиме [Plate 1983, с. 307–308].

Бернхард Вельте умер в сентябре 1983 г. после продолжительной болезни.

В своих воспоминаниях друзья и бывшие ученики Б. Вельте говорят о его душевности, о глубине и силе его мысли, о своём желании активно участвовать в его лекциях и семинарах.

Таким образом, жизнь Б. Вельте заключалась не только в светской занятости, но была погружена в духовную сферу. «Основа всей жизни Вельте – это его стремление быть не просто университетским профессором, но пронести осознание преподавания и жизни, теории и практики, роли профессора и пастора в качестве единого целого, части которого необходимо взаимосвязаны» [Schneider 1990, с. 305–307], – так определял Вольфганг Шнайдер, немецкий философ, жизненный путь Б. Вельте, обращая внимание на то, что в этом человеке естественным образом сочеталось светское и духовное.

Языковая концепция Б. Вельте

Бернхард Вельте берет за основу своей теории языка труды Ж. Лакана, Л. Витгенштейна и Дж. Л. Остина. Однако, находясь под влиянием М. Хайдеггера, Б. Вельте перенимает и модель построения философской мысли своего современника. Отличительной чертой рассуждений Б. Вельте становится вопросно-ответная форма философствования.

Философия языка Б. Вельте происходит прежде всего из отношения языка к истине и отношения языка к всемирной истории. Этим философ обосновывает непосредственную диалектическую природу языка и природу его собственной истории.

Принимая во внимание тот факт, что философия языка необходима для Б. Вельте в его работе с текстом проповеди, Петер Хофер (1944), немецкий теолог, профессор католического теологического университета в г. Линц, который занимался исследованием рукописных проповедей Б. Вельте, утверждает, что тексты подвергались основательной обработке философа в связи с подбором необходимых терминов и понятий. К данной работе необходимо присоединяется экзегетика, которая проясняет, уточняет и преобразовывает понятия в рамках современного языка без лишения их внутренней сущности. Многочисленные отметки и комментарии в черновых вариантах проповедей Вельте свидетельствуют о тщательном разборе того или иного высказывания, основывающегося на поиске подходящих слов и выражений в лексиконе современного языкового общества.

Для философии Б. Вельте язык – это наиболее подходящая форма проявления истины как в своевременном, так и уже ушедшем в прошлое человеческом мире. Язык представляет собой многочисленные формы, основной для Вельте становится общение, или говорение (das Sprechen), производной от нее – форма письма или написания (das Schreiben). Устная и письменная речь равны истине, выраженной в словах [Welte 2006, с. 47].

Истина для Б. Вельте раскрывается также посредством искусства, которое, таким образом, тоже становится языком и расширяет понятие языка как такового. Языком для Вельте может быть и молчание: как верили великие мистики, и как говорят буддисты, истина рождается в молчании. Философ называет молчание элементом языка, «вдохом языка» (das Atemholen der Sprache), в котором можно выразить невыразимое (um in ihr das zu sagen, was man nicht sagen kann) [Wenzler 1994, с. 8–10].

Таким образом, Б. Вельте, определяя язык в различных его формах, утверждает, что он выражает истину, которая с его помощью проявляется во временном мире нашего бытия. Это заключение философ переносит и в религиозную сферу, где на языке человека выражается истина Бога, и происходит религиозное общение между верующими людьми.

Лингвофилософская концепция Б. Вельте в первую очередь заключается в том, что для него важно определить, что такое язык. Существует достаточно много теорий о том, что есть язык, однако, по мнению философа, ни одна из них не обосновывает сущность языка. Для объяснения сущности языка Вельте использует следующую формулу: «Я говорю тебе что-то» (Ich sage Dir etwas) [Welte 2006, с. 47]. Данное выражение становится моделью языка, всё внимание обращается к *разговору*, происходящему между мной и тобой. Эта модель показывает исходный уровень языка: чтобы состоялся *разговор,* язык, в первую очередь, должен построить отношение между неким «я» и неким «ты». Отношение между «я» и «ты» и вместе с ним «что-то» (etwas), что один сообщает в рамках этого отношения другому, приобретает различные модальности: высказывание, похвала, приказ, просьба.

Отношение между одним говорящим и другим выражается в том, что «я» «кому-то» сообщаю то, что хотел сказать. Таким образом, мое

«слово» предстает в качестве «моего» высказывания как *совершающийся переход* (geschehender Übergang) от «меня» к «тебе». «Я» говорю «тебе» «мое» слово, чтобы «ты» его услышал и понял его суть. Процесс *разговора* является, по мнению Б. Вельте, отношением, которое происходит между участниками коммуникации. Он утверждает, что «это некое событие между идентичностью и неидентичностью» [Welte 2006, с. 49]. Согласно философии языка Б. Вельте, *разговор* – это единый процесс, заключающий в себя «тебя» и «меня», и в этом отношении он принимается философом за идентичность. Он развивается в определенном пространстве посредством как минимум двух неидентичностей, которые разговаривают между собой. То, что происходит, становится историей.

Разбирая модель «я говорю тебе что-то», первым элементом становится говорящий, т. е. «я» и то, что происходит «во мне» в процессе разговора.

Согласно рассуждению Б. Вельте, «мое» высказывание определенно и точно должно выразить истину. Если «я» говорю «тебе» «да», то так есть на самом деле и никак иначе. В подобном высказывании заключается идея того, что оно должно оставаться в своей истине и ясности (Wahrheit und Klarheit) независимо от изменений времени и меняющихся субъектов. То, что на данный момент применимо к языку, помимо истины, должно обладать устойчивостью и продолжительностью (Festigkeit und Dauer), что, крепко соединившись, будет помещено в нечто похожее на чистое бытие, как бы в пространство вне времени [Welte 2006, с. 49].

Б. Вельте принимает такое положение за «категорический императив *разговора*» (der kategorische Imperativ des Sprechens) и определяет его следующим образом: «Я, конечно, знаю, что могу солгать или выразиться неоднозначно и непонятно, но в то же время я знаю, что не должен этого делать и, на самом деле, я этого не хочу» [там же] – категорический императив такого рода является внутренней силой того или иного *разговора*, его живой душой. Он настаивает на ясности, истине и на том, что высказывание должно преодолеть время.

Необходимо принять во внимание и тот факт, что там, где истина выражается ясно и следует внутреннему императиву *разговора*, присоединяется модальность, которая служит для того, чтобы выразить истину более ясно. Различные типы модальности высказывания,

согласно Б. Вельте, могут быть выражены не только словами. Модальность отчетливо проявляется в коммуникативном контексте разговора. Коммуникативный контекст становится важным элементом всех языковых уровней [Welte 2006, с. 51–52].

В этой связи, подытоживая вышесказанное, мы определяем, что высказывание, которое кто-то сообщает кому-то, является одновременно проявлением внутреннего «я» говорящего (mein Inneres), с внутренним «я» слушающего. Внутренний мир, включенный в коммуникативный акт, – это другая сторона разговора. Сказанное слово, помимо своей формы, обладает внутренним наполнением и «является совокупностью скрытых ассоциативных связей» [Welte 2006, с. 52]. Когда говорящий выражает свою идею на языке, внутри него происходит что-то, что дает импульс к возникновению многочисленных отголосков воспоминаний и эмоций, соединенных между собой особыми связями. Таким образом, «многоголосое звучание ассоциативно связанных содержаний» выражается в форме сказанного вслух слова.

Б. Вельте подчеркивает то, что ассоциативные связи, которые хранятся в нашем внутреннем мире, образуют «фон» для языка. Язык приводит этот фон в движение и проявляет его в *разговоре*. Говорящий использует «фон» двояким образом: с одной стороны, он пытается скрыть его в процессе разговора и выразить свою мысль ясно и истинно. С другой – говорящий незаметно для собеседника, но преднамеренно включает свой внутренний мир в разговор, утверждая тем самым свою позицию. Незаметное, но спровоцированное говорящим проявление внутреннего мира влияет на развитие коммуникативного акта в рамках всего контекста.

Таким образом, философия языка Б. Вельте говорит о том, что слово должно восприниматься слушающим в ясности и устойчивости, которую задает говорящий. Во время разговора собеседник отмечает для себя: «То, что ты мне говоришь, истинно и ясно» [Welte 2006, с. 60]. В процессе восприятия информации собеседник также определяет соответствие того, о чем говорится с тем, как это говорится.

Участник коммуникативного акта считывает модальность высказывания. Он понимает, что его информируют о чем-то, от него требуют что-то или его хвалят за что-то. Чем внимательнее собеседник прислушивается к разговору, тем быстрее он определяет скрытую интенцию внутреннего мира говорящего и тем острее чувствует то,

что скрыто за его словами. Однако в этой связи между говорящими не всегда возникает полное взаимопонимание, так как во время разговора слушающий воспринимает слово говорящего через призму его внутреннего мира и языка общества, к которому он принадлежит.

При восприятии слова говорящего слушающий, пропуская его через свой внутренний мир и язык своего общества, допускает некоторое смещение смысла сказанного: внутренний мир говорящего сталкивается с внешним миром слушающего и усваивается им уже через его внутренний мир [Welte 2006, с. 61–62].

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что так или иначе, язык, согласно философии Б. Вельте, предполагает выражение однозначной истины в категориях ясности и точности, которые не должны зависеть от какой-либо субъективности. Тем не менее, рассматривая сторону говорящего и слушающего, философ утверждает, что в одном и том же слове происходит смещение значения при его восприятии разными участниками коммуникативного акта. Следовательно, язык представляет собой смещение истины и ясности, что является его сущностным свойством. Философ заключает, что «язык, отчетливо выражающий истину, в своей однозначности одновременно неоднозначен».

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть, что несмотря на господствующие идеи М. Хайдеггера, в XX в. появлялись многочисленные независимые философские концепции. Так, лингвофилософская концепция Бернхарда Вельте, исходящая из простой языковой модели «я говорю тебе что-то», не только определяет отношения между говорящими, но и раскрывает понятие языкового поля, в котором находятся участники коммуникативного акта. Совпадение языкового поля говорящих позволяет далее развивать мысль о возможности перевода текста с одного языка на другой и понимания между говорящими. Данная позиция играет ведущую роль в философии как Мартина Хайдеггера, так и Бернхарда Вельте. Перевод языка становится первостепенной задачей в понимании истины как языка. История же показывает, что подобная задача является решаемой, так как существует достаточно много переводов трудов различных эпох и практика взаимодействия разных народов.

Таким образом, Бернхард Вельте, будучи теологом и философом и занимаясь, в первую очередь, феноменологией и философией религии, разработал собственный подход в области философии языка и внес достойный вклад в развитие философии Германии XX в., оказав влияние на его последователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Adorno Th. Jargon der Eigentlichkeit. Zur deutschen Ideologie. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1964. 138 S.

Bühler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart : GUSTAV FISCHER, 1965. 434 S.

Casper B. Phänomenologie des Glaubens. Zum Geburtstag des Religionsphilosophen und Theologen Bernhard Welte. Aschendorff Münster, 2006. № 2. S. 179–184.

Gamm G. Philosophie im Zeitalter der Extreme: Eine Geschichte philosophischen Denkens im 20. Jahrhundert. Darmstadt : Primus Verlag, 2009. 358 S.

Plate M. Das Licht des neuen Denkens: Zum Tod des Theologen und Philosophen Bernhard Welte // Christ in der Gegenwart 35. Herder, 1983. S. 307–308.

Pöggeler O. Der Denkweg Martin Heideggers. 3. Aufl. Pfullingen : Neske, 1994. S. 440–443.

Schneider W. Bernhard Welte (1906–1983) / Christliche Philosophie im katholischen Denken des 19. und 20. Jahrhunderts [ed. Emerich Coreth, Walter M. Neidl, Georg Pfligersdorffer]. vol. 3, Moderne Strömungen im 20. Jahrhundert. Graz : Styria, 1990. 919 S.

Welte B. Gesammelte Schriften I/2: Mensch und Geschichte. Freiburg, Basel, Wien : HERDER, 2006. 391 S.

Wenzler L. Mut zum Denken, Mut zum Glauben: Bernhard Welte und seine Bedeutung für eine künftige Theologie. Freiburg i. Br. : Verlag der Katholischen Akademie der Erzdiözese Freiburg, 1994. 239 S.

УДК 81.23

З. Г. Адамова

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики, кафедра общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: zoya_adamova@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ «ОБРАЗОВАНИЕ» И «ЛИЧНОСТЬ»

В статье осуществляется анализ аксиологического содержания слов «образование» и «личность» с помощью типологизации данных ассоциативных экспериментов на основе интегративной модели психологического значения; делается вывод о том, что понятие «образование» теряет свое аксиологическое содержание. В ней моделируется содержание актуального психологического значения личности как этической основы образования; обосновывается актуальность проблемы, связанной с необходимостью переосмысления базовых ценностей образования.

Ключевые слова: базовые ценности; образование; личность; психолингвистика; аксиологическое содержание; модель актуального психологического содержания.

Z. G. Adamova

PhD (Philology), Department of General and Comparative Linguistics,
Laboratory of Psycholinguistics, Leading Researcher,
Moscow State Linguistic University; e-mail: zoya_adamova@mail.ru

EXPERIMENTAL PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF VALUES “EDUCATION” AND “PERSONALITY”

The article applies the integrative model of psychological meanings to offer a typology of the data that were received in the course of associative experiments and that serve to reveal the axiological content of the words “education” and “personality”. The author analyses the content of the actual psychological meanings of the word “personality”, which is viewed as the ethical basis of education, and comes to the conclusion that the concept of education is losing its axiological content, which is why a review of the problem of basic values in education is utterly important.

Key words: basic values; education; personality; psycholinguistics; axiological content; model of current psychological content.

CC BY

Введение

В прикладном аспекте психолингвистика связана практически со всеми прикладными областями психологии, в том числе с педагогической психологией. Как педагогика обучения и воспитания, так и психолингвистика занимаются важнейшей проблемой соотношения биологического и социального в человеке. Общей для этих научных дисциплин задачей является выявление и исследование мотивационной сферы личности. Для педагогики обучения и воспитания ее содержание служит «орудием» для изучения формирования личности ученика, а также для построения эффективной системы обучения, выявления оптимального соотношения мотивационной и интеллектуальной сторон обучения. На наш взгляд, психолингвистические исследования базовых ценностей на основе свободного ассоциативного эксперимента, позволяющие обнаружить и делать качественный анализ содержания ценностей как главных «образующих» образа мира личности, могут способствовать выявлению и оценке эффективности воздействия тех или иных ценностей на организацию и построение образовательного процесса. Это можно продемонстрировать на основе психолингвистического анализа аксиологического содержания ценностей, представленных в языке словами *образование* и *личность*.

Экспериментальное исследование ценности «Образование»

Психолингвистические методы исследования базовых ценностей показали, что базовые ценностные системы обладают внутренней динамикой, которая проявляется в изменении содержания ценностей, что отражается в динамике слова. Согласно результатам экспериментальных исследований, в динамике понятийное ядро базовой ценности в определенный период времени остается неизменным, но если в структуре ассоциативного поля (далее – АП) появляются эмоционально-оценочные ассоциаты, то выявляется резкое изменение коннотации слова. При этом о начале структурно-содержательной перестройки слова говорит значительное возрастание количества именно негативных коннотаций [Панарина 2017; Хлопова 2018; Цайся 2019; Чжипэн 2019].

Для того чтобы показать, что восприятие образования как ценности меняется, и что это следует учитывать, мы использовали типологизацию данных ассоциативных экспериментов разных лет – Русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь 2002],

Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса [Уфимцева 2018], Русской региональной ассоциативной базы данных (Сибирь и Дальний Восток) [Шапошникова, Романенко 2014] – на основе интегративной модели психологического значения с заданным количеством актуальных параметров: понятия, представления, предметного содержания, эмоции и оценки [Пищальникова 1991]. Главной нашей задачей в типологизации стало определение доли эмоционально-оценочного компонента в структуре актуального психологического содержания *образования* и выявление доли отрицательной оценки в содержании эмоционально-оценочного компонента.

Структура и содержание эмоционально-оценочного компонента ассоциативного поля *образование* в его динамике представлена на диаграммах 1–4 и в таблице 1.

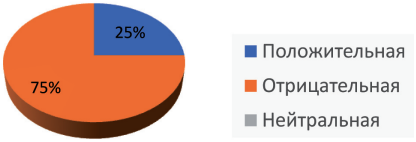

Диаграмма 1. «Образование» РАС (эмоции и оценка)

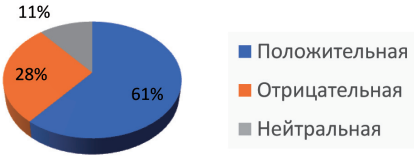

Диаграмма 2. «Образование» СИБАС (эмоция и оценка)

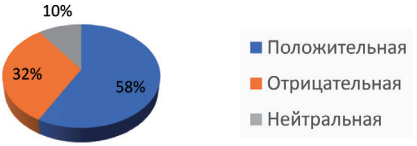

Диаграмма 3. «Образование» ЕВРАС (эмоция и оценка)

1. Русский ассоциативный словарь (далее – РАС). 2002 г. Всего 102 реакции на слово-стимул *образование*. Из них 79 (77 %) выражают понятия, 9 (9 %) – представления, 10 (10 %) – предметное содержание, 4 (%) – эмоции и оценки (см. диаграмму 1).

2. Русский региональный ассоциативный словарь. Сибирь и Дальний Восток (далее – СИБАС). 2008–2019 г. 498 реакций на слово-стимул *образование*, из них 281 (56 %) выражают понятия, 105 (21 %) – представления, 84 (17 %) – предметное содержание, 29 (6 %) – эмоции и оценку.

3. Русский региональный ассоциативный словарь. Европейская часть России (далее – ЕВРАС). 2018 г. 538 реакций на слово-стимул *образование*, из них 319 (59 %) выражают понятия, 104 (19 %) – представления,

70 (13 %) – предметное содержание, 41 (8 %) – эмоции и оценку.

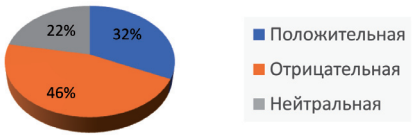

Диаграмма 4. «Образование» АСБЦ (эмоция и оценка)

4. В 2019 г. в ходе пилотного эксперимента в рамках работы Лаборатории психолингвистики при Московском государственном лингвистическом университете над Ассоциативным словарем базовых ценностей (далее – АСБЦ) мы проанализировали 765 реакций на слово-стимул *образование*, из них 222 (29 %) выражают понятие, 293 (38 %) – представления, 143 (19 %) – предметное содержание, 107 (14 %) – эмоции и оценку. Респондентами для готовящегося к изданию словаря выступили студенты различных высших учебных заведений в возрасте от 17 до 29 лет, в том числе студенты Московского государственного лингвистического университета (г. Москва), Московского института электронной техники (г. Зеленоград), Московского энергетического института (г. Москва), Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва), Российского государственного геологоразведочного университета (г. Старый Оскол), Северо-Восточного федерального университета (города Мирный, Нерюнгри, Якутск), Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Ассоциаты, представляющие содержание негативного эмоционально-оценочного компонента АП «образование», можно условно разделить на пять групп:

Таблица 1

Динамика структуры эмоционально-оценочного компонента АП «Образование»

	РАС	СИБАС	ЕВРАС	АСБЦ
Доля эмоционально-оценочного компонента в структуре АП «Образование» (%)	4	6	8	14
Доля отрицательных реакций в содержании эмоционально-оценочного компонента АП «Образование» (%)	75	28	32	46

1. Плохое образование:

   плохое (РАС, СИБАС, ЕВРАС, АСБЦ);
   зло (СИБАС, АСБЦ);
   стремное, чужое, стресс (СИБАС);
   скудное (ЕВРАС);
   омерзительно, неприязнь, низкое, слабое, ужасное (АСБЦ).

2. Ложное образование:

   дурь (СИБАС, ЕВРАС);
   дурак, дураки, тщетно (ЕВРАС);
   очковтирательство (РАС);
   ложь, обман (АСБЦ).

3. Обреченное образование:

   смерть (СИБАС);
   гибнет, в упадке, развалено (ЕВРАС).

4. Мучительное образование:

   каторга, мука, мучение, страдание, пытка, скука, нервы,
   головная боль (АСБЦ).

5. Бессмысленное, ненужное образование:

   бесполезно, бессмыслица, бред, хрень, надоело,
   параллельно, пустота, пустышка, глупость (АСБЦ);

   надо?, зачем?, не важно», не нужно, ненужный,
   не нужное, не главное (АСБЦ).

Как видим, такой анализ по одному параметру выявил активную отрицательную динамику эмоционально-оценочного компонента АП «Образование», в том числе и в содержательном плане. Следует отметить, что содержание последних двух компонентов, выявленных в ходе работы над АСБЦ, носит качественно новый характер. Как известно, такие эмоции, как апатия, скука, безразличие и отчуждение, отмеченные впервые в реакциях на слово *образование*, свойственны аномии – состоянию общества, при котором наступает дезинтеграция и распад системы норм, которые гарантируют общественный порядок [Большой толковый социологический словарь URL]. На уровне индивидуального сознания, как отмечает психолог Михай Чиксентмихайи, состояние отчуждения возникает, когда общество лишает людей

возможности заниматься тем, чем хочется, и вынуждает их действовать против их собственных целей [Чиксентмихайи 2013].

Согласно А. Н. Леонтьеву, социально обусловленный эмоциональный опыт человека носит идеаторный характер, т. е. эмоции человека способны предвосхищать ситуации и события, обобщая и передавая пережитое или воображаемое [Леонтьев URL]. Следовательно, для построения эффективной системы образования нельзя не учитывать мотивационную сферу участников образовательного процесса. Проведенный нами анализ динамики структуры и содержания эмоционально-оценочного компонента актуального психологического содержания показал, что *образование* как ценность требует переосмысления и специального изучения для того, чтобы понять, чем объясняется выявленная тенденция к отчуждению, и какая альтернативная ценность образования актуальна в российском обществе.

Экспериментальное исследование ценности «Личность»

Исходя из положения об этике образования как системы ценностей, определяющих всю образовательную деятельность, – от миссии образования в самом широком смысле и образовательной политики до принципов и правил функционирования образовательных учреждений и управления ими [Апресян URL], мы в качестве основополагающей ценности образования, которая способствовала бы пониманию социальных процессов, связанных с образованием, рассматриваем личность.

Всё в образовательном процессе строится вокруг понятия личности: какой должна быть личность; роль школы в становлении личности; отношение между учеником и учителем; взаимодействие школы и общества в деле воспитания личности и т. д.

Если, как показали предварительные результаты нашего исследования, образование теряет свою психологически актуальную положительную значимость (аксиологическое содержание), то можем ли мы в образовательном процессе опираться на такую ценность как *личность*? Мы полагаем, что выявление аксиологического содержания ценности, представленной словом «личность», позволит найти ответ на поставленный вопрос, а понимание того, как его психологическое значение соотносится с содержанием «идеальной личности», может нам дать доступ как к общим, так и к индивидуальным ценностям, связанным с реальными представлениями о личности как субъекте образования.

Характеристики или свойства «идеальной» личности, становлению которой должно способствовать российское образование, нам более или менее известны. Они обозначены, например, в Концепции модернизации российского образования, в соответствии с которой общее среднее образование должно способствовать становлению *социально ответственной, критически мыслящей личности, члена гражданского общества, человека, способного к адекватному целеполаганию и выбору в условиях стремительно изменяющегося социально-культурного бытия, сознающего образование как универсальную ценность и готового к его продолжению в течение всей жизни* [Концепция модернизации образования URL].

Несмотря на невозможность определения «реальной» личности, мы можем попробовать понять ее содержание через представленные в языке ценности – понятия, имеющие для общества аксиологическое содержание.

С целью смоделировать актуальное психологическое значение *личности* и сравнить его с содержанием «идеальной» личности, представленной в нормативных документах об образовании, мы сравнили структуры и содержание АП *личность*, представленных в РАС, ЕВРАС и СИБАС.

Так же, как и в структуре АП «Образование», в составе АП «Личность» отмечается другое соотношение компонентов ассоциатов в РАС (642 реакции: понятия – 27 %; представления – 16 %; предметное содержание – 12 %; эмоции и оценка – 45 %) по сравнению с СИБАС (488 реакций: понятия – 42 %; представления 23 %; предметное содержание – 9 %; эмоции и оценка – 26 %) и ЕВРАС (542 реакции: понятие – 37 %; представления – 34 %; предметное содержание – 4 %; эмоции и оценка – 25 %), структуры которых в сравнении друг с другом во многом совпадают. При этом наиболее частотные реакции, представленные в РАС, СИБАС, ЕВРАС, остаются неизменными в содержании почти всех компонентов. Однако в содержании актуального психологического значения можно выделить и некоторые показательные изменения, связанные с «социальным значением» и индивидуальными характеристиками личности.

Например, понятийное содержание во всех трех АП представлено такими ядерными реакциями, как *человек, индивид, индивидуум, индивидуальность, характер, лицо, персона* и *выдающаяся, известная*.

Последние реакции были включены нами в понятийный компонент на основе дефиниции слова *личность* на портале gramota.ru [Справочно-информационный портал Грамота.ру URL]. В качестве основного мы взяли определение личности в толковом словаре С. И. Ожегова [Толковый словарь Ожегова URL].

С учетом специфики понятия личности в предметное содержание структуры ассоциативного значения слова *личность* мы включили «социальные» реакции, в том числе функционального характера, связанные с различными профессиями или принадлежностью к социальным слоям. Так, общими наиболее частотными реакциями в содержании данного компонента, представленными в ядре всех анализируемых АП, стали: *общество* и *история* (*гражданин, историческая, в обществе, социум, в социуме, культ, паспорт, портрет в учебнике истории и др.*); *не установлена* (*установлена*); *другие* (*люди, его, народ и др.*). Следует подчеркнуть, что самые частотные реакции, представленные в ЕВРАС и СИБАС, связанные со становлением, – *становление* (*сложившаяся, сформировавшаяся, состоявшаяся, взрослая, формировать и др.*), в РАС являются единичными – *становление* и *не состоявшаяся*. Интересной является динамика реакций функционального характера. Так, наиболее частотными реакциями в данной категории в РАС являются *поэт, ребенок, учитель* и *писатель*; наряду со *студентом* и *учителем* личность связывается и с *писателем* в единичной реакции в СИБАС. Однако в содержании данного компонента в АП ЕВРАС, ассоциации, связанные с этими социальными слоями, вовсе отсутствуют, вместо них частотные реакции представлены словами *инвалид* и *интеллигент*.

Теперь рассмотрим субъективные представления о личности. Здесь выделяются повторяющиеся в РАС, СИБАС, ЕВРАС наиболее частотные, близкие по содержанию общие представления, такие как: *я* и *моя; авторитет* (*лидер, вождь, владелец, главарь, кумир, статус* и др.); *Сталин; мысль* (*логика, мнение, мораль, сознание, самоанализ* и др.); *Бог* (*создатель, душа, дух, духовная, мораль*); *одна* (*единица, отличность, оригинал, своеобразность); совокупность; эго* (*эгоист, эгоизм*). Частотные в РАС, ЕВРАС реакции, связанные с действием, – *действие, дело, деловая, поступок, цель, самоутверждение* и др. – в СИБАС отсутствуют. Среди наиболее частотных реакций в содержании ЕВРАС и СИБАС встречается слово *суслик*.

В связи с поставленными задачами в структуре индивидуальных представлений в отдельную категорию мы выделили ассоциаты, связанные с качествами личности. Отметим сразу, что в данной категории устойчивые ядерные реакции отсутствуют. Нечастотными реакциями, которые повторяются в содержаниях АП, представленных РАС и СИБАС, являются слова *талант* и *ум* (РАС и ЕВРАС). Наибольшее число ассоциатов, определяющих качества личности, обнаружено в РАС – кроме *таланта* и *ума*, единичные реакции здесь: *алчность, прочность, самостоятельность, точность* и *убежденность*. Другие качества содержатся в единичных реакциях в СИБАС. Это *достоинство, интеллект, наглость, ответственность* и *устойчивость*. В содержании данной категории ассоциатов в ЕВРАС представлено только одно качество – *оратор*.

Интересны также представления о реальных исторических личностях: *Горбачев, Наполеон, Петр Первый, Сахаров, Солженицын, Сухомлинский* (РАС); *Иван Грозный, Руставели, Фрейд* (ЕВРАС); *Марадона, В.В. Путин, Кобейн, Павел Воля, Петр Первый, Пушкин, Рузвельт, Толстой, Цезарь, Че Гевара* (СИБАС). Во всех трех АП повторяется реакция *Сталин* – три реакции РАС, СИБАС и пять реакций ЕВРАС, и *Ленин* – три реакции РАС, одна реакция СИБАС.

Качества личности можно также обнаружить в ходе анализа содержания эмоционально-оценочного компонента исследуемых АП (РАС 42 %, ЕВРАС 27 %, СИБАС 24 %), в которых мы выделили следующие оценочные характеристики личности: *сильная, яркая, незаурядная, интересная, неординарная* – самые частотные ассоциаты, составляющие ядро положительного компонента, *активная, важная, странная* (*загадочная*), остающиеся неизменно в ядре нейтрального оценочного компонента, так же, как и *темная, подозрительная, алчная, бездарная* (*некомпетентная*) в ядре отрицательного оценочного компонента.

Таким образом, в результате проведенного анализа мы получаем модель «реальной» личности, разработанной на основе данных ассоциативного эксперимента, которую можем сравнить с «идеальной», представленной в тексте Концепции модернизации российского образования (см. табл. 2).

В содержании моделей *реальной* и *идеальной* личностей общими являются *социальные значения* – в них понятие личности четко связано с обществом и гражданином как членом общества. Однако если в

идеальной личности речь идет об индивидуальном личностном росте, развитии связанных с обществом способностей брать на себя ответственность, целеполагания, выбора и постоянного самообразования, то в *реальной* личности мы видим ценности, которые отражают, скорее, так называемые лидерские качества. Становится очевидным, что *идеальная* личность с ее личностными ценностями, такими как ответственность, самостоятельность в принятии решений, стремление к образованию, в формировании которой, согласно официальным документам, заключается миссия школы, имеет мало общего с «реальными» представлениями о личности и ее ценностях. На данном этапе наше экспериментальное исследование показало, что стремление к образованию не является характеристикой «реальной» личности, но в то же время в модели «реальной» личности представлены такие важные ценности, как гражданственность, активность и лидерство. При этом представления о себе как о личности растут: в структуре ассоциативного значения слова *личность* в РАС 18 из 99 реакций-представлений выражаются словом-реакцией «я», что составляет 18 % из всего количества реакций-представлений; в СИБАС таких реакций 44 из 143 (31 %); в ЕВРАС – 40 из 109 (37 %).

Таблица 2

Сопоставление состава характеристик «реальной» и «идеальной» личности

Модель «реальной» личности (на основе анализа содержания актуального психологического значения)	**«Идеальная» личность** (по Концепции модернизации российского образования)
Выдающийся человек со своим «я», индивидуальность, которой становятся в обществе, гражданин, авторитетный лидер, мыслящий, духовный, оригинальный; совокупность, обладающая прежде всего такими качествами, как талант и ум; активная, целеустремленная и важная, загадочная, но сильная, яркая и незаурядная, в то же время она – темная, алчная, подозрительная и бездарная.	Социально ответственная, критически мыслящая личность, член гражданского общества, человек, способный к адекватному целеполаганию и выбору в условиях стремительно изменяющегося социально-культурного бытия, сознающий образование как универсальную ценность и готовый к его продолжению в течение всей жизни.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ аксиологического содержания ценности «образование» в динамике, а также анализ структуры и содержания актуального психологического содержания ценности образования «личность» на основе частотных реакций показал, что такой психолингвистический подход может дать интересный материал для более детального изучения актуального содержания ценностей образования, связанного с мотивационной сферой участников образовательного процесса. Такой подход обнаруживает эмоциональное состояние, обусловленное социокультурными представлениями о ценностях образования и их переоценкой, а это, в свою очередь, делает возможным комплексный анализ «реальных» представлений, личностных смыслов, связанных с ценностями, в их соотношении с эмоционально-оценочной составляющей, что позволит нам оценить роль ценностей и, в конечном счете, общества в целом с точки зрения эффективности их воздействия на личностное развитие человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Р. Г. Этика в высшем образовании // Институт философии РАН. URL : www.iphras.ru/upfile/ethics/biblio/Apressyan/Ethics_in_ed.html (дата обращения: 11.03.2019).

Большой толковый социологический словарь. URL : www.gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 5.04.2019).

Концепция модернизации российского образования // Российское образование. Федеральный портал URL : www.edu.ru/documents/view/1660 (дата обращения: 23.02.2019).

Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции // Флогистон. URL : www.flogiston.ru/library/leontev (дата обращения: 5.03.2019).

Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017. 26 с.

Пищальникова В. А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991. 88 с.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 26 с.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М. : Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции. 784 с.

Специализированный образовательный портал Инновации в образовании. URL: www.sinncom.ru/content/reforma/index5.htm (дата обращения: 9.04.2019).

Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. М. : Московская международная академия, 2018. Т. 1. От стимула к реакции. 542 с.

Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 25 с.

Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М. : Сбербанк, 2013. 422 с.

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) : в 2 т. М. : Московский институт лингвистики, 2014. Т. 1. От стимула к реакции. 537 с.

Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» в русском и китайском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 29 с.

REFERENCES

Apresjan R. G. Jetika v vysshem obrazovanii // Institut filosofii RAN. URL : www.iphras.ru/upfile/ethics/biblio/Apressyan/Ethics_in_ed.html (data obrashhenija: 11.03.2019).

Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. URL : www.gufo.me/dict/social_dict (data obrashhenija: 5.04.2019).

Koncepcija modernizacii rossijskogo obrazovanija // Rossijskoe obrazovanie. Federal'nyj portal URL : www.edu.ru/documents/view/1660 (data obrashhenija: 23.02.2019).

Leont'ev A. N. Potrebnosti, motivy i jemocii // Flogiston. URL : www.flogiston.ru/library/leontev (data obrashhenija: 5.03.2019).

Panarina N. S. Psiholingvisticheskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentnosti : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2017. 26 s.

Pishhal'nikova V. A. Konceptual'nyj analiz pojeticheskogo teksta. Barnaul, 1991. 88 s.

Pjej Cajsja. Anticennost' «korrupcija» kak fragment jazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2019. 26 s.

Russkij associativnyj slovar' : v 2 t. M. : Izdatel'stvo Astrel' : Izdatel'stvo AST, 2002. T. 1. Ot stimula k reakcii. 784 s.

Specializirovannyj obrazovatel'nyj portal Innovacii v obrazovanii URL : www.sinncom.ru/content/reforma/index5.htm (data obrashhenija: 9.04.2019).

Ufimceva N. V. Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Evropejskaja chast' Rossii) : v 2 t. M. : Moskovskaja mezhdunarodnaja akademija, 2018. T. 1. Ot stimula k reakcii. 542 s.

Hlopova A. I. Verbal'naja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2018. 25 s.

Chiksentmihaji M. Potok: psihologija optimal'nogo perezhivanija. M. : Sberbank, 2013. 422 s.

Shaposhnikova I. V., Romanenko A. A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok) : v 2 t. M. : Moskovskij institut lingvistiki, 2014. T. 1. Ot stimula k reakcii. 537 s.

Jao Chzhipjen. Soderzhatel'naja specifika jeticheskogo ponjatija «vezhlivost'» v russkom i kitajskom jazykah : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2019. 29 s.

УДК 81’23

И. А. Бубнова

профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой зарубежной филологии
Московского городского педагогического университета;
e-mail: aribubnova@gmail.com

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...»: АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ И СПЕЦИФИКА ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье представлены результаты экспериментального исследования авторского замысла текста песни «Священная война» и специфики его отражения в сознании современного поколения: обосновывается актуальность таких исследований. Описываются методики, позволяющие выявлять расхождения между авторским смыслом и его интерпретацией. Доказывается, что «эффект смысловых ножниц» может быть «сконструирован» при помощи видеоряда со смещенными акцентами и «усеченным» авторским текстом, а это, в свою очередь, ведет к формированию искаженной системы индивидуальных знаний о конкретном периоде истории.

Ключевые слова: авторский замысел; специфика отражения; сознание; видеоряд; смещенный акцент; искажение; «эффект смысловых ножниц».

I. A. Bubnova

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.),
Head of Foreign Philology Department,
Moscow Pedagogical City University; e-mail: aribubnova@gmail.com

“STAND UP, A HUGE COUNTRY ...”: THE AUTHOR’S MESSAGE AND ITS REFLECTION IN THE MENTALITY OF THE MODERN GENERATION

The article presents the results of an experimental study of the author’s message of the lyrics “Svjashhennaja Vojna” and the specifics of its reflection in the minds of modern youth: the relevance of such studies is substantiated; the methods that allow identifying discrepancies between the author’s message and its interpretation are described. It is argued that the “effect of implication scissors” can be constructed by means of a video sequence with a shifted focus and a “truncated” author’s text, which leads to the formation of a distorted system of individual knowledge about the given period in history.

Key words: author’s message; specificity of reflection; consciousness; video sequence; change of emphasis; distortion; “effect of sense scissors”.

Введение

Проблема функциональной неграмотности в целом и тесно связанная с ней проблема понимания являются теми вопросами, которые наиболее активно исследуются в современной психолингвистике в последние десятилетия. Их изучение возможно в различных аспектах, в том числе и с точки зрения социопсихолингвистики (термин И. Н. Горелова) или семиосоциопсихологии (Т. М. Дридзе), когда искажение авторского замысла происходит в сознании адресата в процессе отражения и построения ментальной репрезентации воспринимаемой информации за счет визуальной составляющей, актуализирующей те знания, хранящиеся в памяти, которые необходимы коммуникатору.

В исследовании мы попытались выявить, насколько сохранена способность к интерпретации авторских смыслов текстов-сообщений, относящихся к событиям ВОВ, у представителей современного поколения, а также какое воздействие на сознание оказывает видеоряд, внешне совпадающий, однако не вполне точно отражающий сопровождающий его текст.

Методология, методики и процедура исследования

Помимо основной идеи культурно-исторической теории Л. С. Выготского о знаке как орудии психической деятельности и средстве для управления собственным поведением и поведением других, а также представлений о специфике функциональных систем, обеспечивающих содержание индивидуального сознания (А. Н. Леонтьев), мы опирались на основные положения семиосоциопсихологии как текстовой деятельности, представленной в работах Т. М. Дридзе. В частности, принципиальными для нас были следующие идеи:

1) о коммуникативной природе знаков, задающих программу деятельности своим истолкователям [Дридзе 1996];
2) о роли специфики процессов восприятия адресата при истолковании исходного коммуникативного намерения автора [Ришар 1998; Ikegami 1986];
3) о тексте как иерархии разнопорядковых смысловых блоков – предикаций (макроструктура) и смысловых узлов, образующих его логико-фактологическую цепочку (микроструктура), которые могут быть реконструированы с помощью специальной методики [Дридзе 1984].

Основные цели исследования:

– выявление содержательной структуры текстовой деятельности автора, т.е. его коммуникативного намерения;
– выявление специфики восприятия смыслового содержания текста в сознании реципиентов при его прослушивании, поддержанном видеорядом;
– выявление роли видеоряда, в целом адекватного содержанию, но со смещенными, по сравнению с авторским текстом, акцентами, в декодировании коммуникативного намерения автора текста.

Для реализации поставленных целей использовались следующие ***методики***:

1. Анализа макроструктуры текста, предложенной в работах Т. М. Дридзе [Дридзе 1984]. Главная цель данной методики состоит, прежде всего, в выявлении проблемной ситуации и способах ее представления автором (анализ, описание, констатация факта, оценка), а также в экспликации мотива автора, его коммуникативного намерения, содержательной цели, включенной в более широкую сверхзадачу.

2. Сжатия текста или перефразы [Сахарный 1982; Сахарный, Штерн 1988; Сиротко-Сибирский, Штерн 1988]. Изучение содержательной структуры развернутого текста в сознании читателя при помощи данной методики позволяет выявлять одну из важнейших особенностей механизма речевой деятельности, а именно – способность реципиента выделить такие инвариантные языковые характеристики текста разных уровней значимости, которые в дальнейшем могут стать основой для его точной реконструкции [Гинзбург и др., 1968]. В нашем случае использовалась однократная перифраза исходного текста, поддерживаемого видеорядом.

3. Свободного ассоциативного эксперимента, результаты которого дают возможность реконструировать личностный смысл текста в сознании реципиента.

Участниками эксперимента были студенты вуза, общее количество – 30 человек, средний возраст – 19,5 лет.

Материалом для исследования послужил текст песни «Священная война», выбор которого обусловлен:

1) его широкой известностью, в силу чего любые изменения в тексте должны в норме фиксироваться адресатом;

2) присутствием в интернет-пространстве только тех роликов с исполнением песни, где из текста изъяты два куплета: второй, начинающийся со слов «как два различных полюса, во всем враждебны мы..», и шестой: «Пойдем ломить всей силою, всем сердцем, всей душой, за землю нашу милую, за наш Союз большой». Такая ситуация полностью отвечала нашим задачам.

Для реализации целей, поставленных в нашем исследовании, экспериментальный материал предъявлялся дважды: при проведении ассоциативного эксперимента текст зачитывался в оригинале, т. е. полностью, при прослушивании песни в исполнении хора Красной Армии, сопровождавшейся кинохроникой, вышеупомянутые два куплета отсутствовали (они заменены припевом, повторяемым дважды). Сам видеоряд представлял собой документальные съемки времен Великой Отечественной войны, однако при этом в нем отсутствуют известные кадры, где фигурировали бы действия немецких войск из немецкой хроники (казни, сожжение деревень, опыты над заключенными в концлагерях и т. д.): в фильм включен только один общий план летящих немецких самолетов и сцена взятия в плен немецкого солдата, происходившая, вероятнее всего, уже в конце войны при освобождении одной из европейских стран.

Результаты и их обсуждение

1. Анализ макроструктуры текста песни «Священная война»

Анализ, проведенный по методике Т. М. Дридзе, направленной на раскрытие мотивационно-целевой структуры текста, позволил выявить как коммуникативное намерение автора, так и его основные и второстепенные элементы (предикации первого и второго порядков). Проблемная ситуация – война, начавшаяся между двумя разными мирами, между светом и тьмой, может разрешиться, по мнению автора, только при объединении сил всей страны, всего ее народа, вставшего на защиту своей земли и Союза (sic!).

Полученная макроструктура текста представлена в виде графической схемы (см. схему, с. 59).

Схема 1

Схематическое изображение текста песни «Священная война»

2. Результаты эксперимента на семантическое сжатие текста

Перед прослушиванием песни респондентам была дана следующая установка: прослушайте песню и скажите, о чем этот текст, какую цель преследовал его автор. Напишите одно предложение так, чтобы оно передавало основное содержание текста (размер предложения не ограничивается).

Анализ показал, что полученные ответы могут быть распределены на три группы.

В первую группу вошли ответы тех респондентов, которые выполняли задание, строго следуя инструкции (n = 12). Из них 10 участников смогли выделить коммуникативное намерение автора в целом, но без акцента на «смертном бое», в котором сошлись две силы, две идеи, находящиеся на разных полюсах:

> «Священная война – гимн, призывающий единый народ против общего врага, отражающий силу духа народа и готовность защитить своих родных, свою Родину, пусть даже ценой своей жизни», «защитить родную Мать-землю от опасности захвата врагами, темной силой» (*так в тексте ответа*), «Призыв русским людям убить своих врагов, положить конец кровопролитию» *и т. д.*

Оставшиеся посчитали, что это песня об историческом прошлом, о патриотизме и пережитом.

Вторая группа (n = 11) представлена ответами участников, ориентировавшихся на видеоряд, причем полученные в эксперименте предложения представляют собой либо обобщение увиденного, либо комментарий к показанной хронике с явно выраженным личным отношением к происходившим событиям:

> «Видео о тяжелейшем для русского (советского) народа историческом событии, которое передает эмоциональное состояние людей того времени», «Видео об ужасах войны», «Основное понятие, поднимаемое в видео, – патриотизм», «Это все заставляет переживать все эмоции вместе с ними».

В третью группу (n = 7) были отнесены ответы, содержание которых отражает эмоциональное состояние респондентов после просмотра, либо их оценку самого события:

> «Видео о борьбе, больше внутренней – страх и долг», «священная война – это бесчисленные потери, оплакиваемые тысячами людей в течение последующих веков; это океан страха, боли и отчаяния», «Какая это страшная вещь – война», «Священная война это плач»[1].

[1] Орфография и пунктуация везде сохранена.

3. Результаты ассоциативного эксперимента

В ходе АЭ было получено 146 ассоциативных реакций (количество реакций в эксперименте не ограничивалось). АР *война* (11) была отнесена к формальному типу и из дальнейшего анализа исключена, часть АР (90) были сгруппированы в соответствии с выделенной ранее макроструктурой текста, что позволяло сравнить степень адекватности восприятия авторского замысла получателями сообщения. Значительная часть АР (45), не вошедших ни в один из блоков макроструктуры текста, образовали отдельную группу, отражающую, на наш взгляд, систему индивидуальных знаний о Великой Отечественной войне, сформированную в сознании наших респондентов в процессе коммуникативной деятельности в различных типах дискурса: дискурсе СМК, педагогическом, интернет-дискурсе, кинодискурсе и дискурсе массовой культуры.

Общее распределение АР представлено ниже.

Таблица 1

Ассоциативные реакции, соответствующие общей макроструктуре текста

Цель сообщения (9)	**Развертывание основного тезиса (1)**	**Аналитическая оценка ситуации (27)**	**Иллюстрации к основному тезису (23)**	**Общий фон к цели сообщения (30)**
защита 4	угроза	патриотизм 7	смерть 5	отвага 7
борьба 3		объединение 6	боль 3	мужество 4
фашизм		народ 5	страдание 3	вера 4
призыв		единство 3	горе 3	сила 3
		Родина 3	потери 3	солдаты 3
		страна 2	скорбь 2	надежда 2
		СССР 1	слезы	героизм
			лишения	братство
			жестокость	напряжение

Цель сообщения (9)	**Развертывание основного тезиса (1)**	**Аналитическая оценка ситуации (27)**	**Иллюстрации к основному тезису (23)**	**Общий фон к цели сообщения (30)**
			убийство	стойкость
				крепость духа
				оружие
				огонь
				слава

В группе АР, не вошедших в общую макроструктуру текста, можно выделить:

– реакции, связанные с общим фоном обсуждения военного периода в разных типах дискурса (14): *победа 4*, *гордость 3*, *деды 3*, *семья*, *люди*, *жизнь*, *память*;

– реакции, вызванные просмотром видеоматериалов, однако глубинно отражающие тональность обсуждения войны в современном коммуникативном пространстве (32): *страх 9 / ужас 2*, *грусть 3*, *мурашки 3*, *отчаяние 2*, *смирение*, *молитва*, *терпение*, *подневольность*, *безысходность*, *вынужденность*, *трепет*, *смятение*, *одиночество*, *надрыв*, *внезапность*, *растерянность*, *пропаганда*, *неопределенность*, *судьба.* Очевидно, что эта группа реакций коррелирует с результатами, полученными в эксперименте на семантическое сжатие во второй и третьей группах респондентов, причем в том случае испытуемые прямо ссылаются на видео.

В целом, полученные результаты позволяют сделать несколько выводов:

1. Совпадение коммуникативного намерения автора песни «Священная война», выявляемое путем сведения всего текста к определенной структуре содержательно-смысловых связей, обусловленных авторским замыслом, с восприятием смыслового содержания текста в сознании реципиентов при его прослушивании, поддержанном видеорядом, составляет 33 % от общего числа участников эксперимента. Это число повышается до 41 % при отсутствии визуальной составляющей, хотя, с другой стороны, опосредованное влияние кинохроники

проявляется в росте числа реакций, связанных со структурой индивидуальных знаний об этой предметной области (60 % *vs*. 73 %).

2. Полученные данные явно подтверждают определяющую роль видеоряда в ходе восстановления адресатом замысла автора текста. Во-первых, профессионально подобранные кадры нивелируют информацию, полученную по аудиальному каналу, именно это произошло в ходе эксперимента, когда наши респонденты «не услышали» главный тезис автора песни, заключающийся в смертельной битве между двумя разными системами, о призыве защищать не просто *Родину* (эта АР, наряду со *страной* и *Матерью-землей* в первом эксперименте, встречается значительно чаще, чем единичная АР *СССР*), а «наш Союз большой!». Во-вторых, отсутствие в видеоряде кадров, запечатлевших зверства оккупантов на нашей земле, как и его наполненность хроникой, показывающей реакцию советских людей на объявление войны и последующие за этим события, также отразилась в содержании перефраз и ассоциативного ряда, полученных в первом и во втором экспериментах.

3. Особую роль, как это продемонстрировал эксперимент, видеоряд играет в актуализации нужных авторам знаний, хранящихся в памяти участников и не имеющих отношения к прослушанному и увиденному материалу. Здесь в полной мере проявляются выявленные психологами, работающими в когнитивной парадигме, специфика отражения воспринимаемой информации и индивидуальной структуры знаний в целом. Последняя в психологии рассматривается как конструкции, «обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи» [Ришар 1998, с. 5] и используется в когнитивной науке как метапонятие, которое обозначает наиболее общую составляющую опыта, сущность бытия внутреннего мира личности, скрытую от прямого наблюдения, которая формируется в различных сферах практической деятельности и обусловливает психологические характеристики субъекта [Александров 2006]. Именно этой системой определяется отбор того, что будет выделено из реальности, так как воспринимающий в этом процессе «активирует личностно связанные структуры знания» [Ikegami 1986]. Можно предполагать, что такими структурами и детерминировано появление множества АР: *страх*, *ужас*, *отчаяние*, *смирение*, *молитва*, *подневольность*, *безысходность*, *вынужденность*, *смятение*, *одиночество*, *надрыв*,

пропаганда, *неопределенность*. Любой человек, знакомый с историей войны в другой интерпретации, не увидит на показанных в хронике лицах этих чувств и эмоций хотя бы в силу того, что всё это – советская документальная хроника, которая снималась с целью подъема духа народа (возможно, знанием этого факта и его субъективным истолкованием объясняется АР *пропаганда*).

Таким образом, в целом полученные экспериментальные данные демонстрируют наличие «эффекта смысловых ножниц» [Дридзе 1975], возникающего в результате конфликта содержательных смысловых структур, отражающих в совокупности коммуникативное намерение автора песни «Священная война», и отсутствия сущностной и разноплановой информации о предвоенном периоде (в сознании молодых людей он связан только с репрессиями и лагерями) и глубинных корнях конфликта, приведшего к военному противостоянию СССР и Германии, в сознании современного поколения. В этом случае подавляющее большинство респондентов показывают знания лозунговой поверхностной структуры, усвоение которых определяется их индивидуальной системой знаний о ВОВ, «сконструированной» в процессе коммуникации в современных дискурсах различных типов.

Заключение

Суммируя все вышесказанное, мы считаем необходимым подчеркнуть, что подобный «эффект смысловых ножниц», который проявился в ходе проведенного эксперимента, является, с одной стороны, показателем реальных знаний молодого поколения об истории своей страны и, в частности, о довоенном периоде и периоде Великой Отечественной войны, а, с другой – итогом направленной деятельности по «конструированию» этих знаний, в ходе которой при помощи различных манипулятивных стратегий (в данном конкретном случае – манипуляций с видеорядом, а также «препарирования» текстов, написанных в иных исторических условиях, из памяти «извлекаются» целые исторические пласты, а взамен предлагаются симулякры, формирующие негативную память о советском прошлом, в том числе и о Великой Отечественной войне. Однако этот эффект, как отмечала еще в 1984 г. Т. М. Дридзе, весьма отрицательно влияет не только на межличностные, внутригрупповые и межгрупповые связи, но «чреват также и весьма серьезными социальными последствиями» [Дридзе

1984, с. 213], и этот факт, как представляется, необходимо учитывать при организации любого знакового общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров И. О. Формирование структуры индивидуального знания. М. : Институт психологии РАН, 2006. 560 с.

Гинзбург Е. Л., Пестова В. А., Степанов В. Г. Операции сжатия как средства форсированной реконструкции текста // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М. : Наука, 1968. С. 101–104.

Дридзе Т. М. Лингвосоциологические аспекты массовой информации // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 52–61.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука, 1984. 270 с.

Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность: понимание, рассуждение, нахождение решений / сокр. пер. с франц. Т. А. Ребеко. М. : Институт психологии РАН, 1998. 232 с.

Сахарный Л. В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации / под ред. Л. Н. Мурзина. Пермь : Изд-во Пермского ун-та. С. 29–38.

Сахарный Л. В., Штерн А. С. Набор ключевых слов как тип текста // Психолингвистические аспекты в системе профессионально ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности : межвуз. сб. научн. тр. Пермь : Изд-во Пермского ун-та. С. 34–51.

Сиротко-Сибирский С. А., Штерн А. С. К измерению качества работы предметизатора // Предметный поиск в традиционных и нетрадиционных ИПС. Вып. 8. С. 131–147.

Ikegami T. The role of affect in person memory: The influence of positive and negative affect upon recognition memory // Japanese Psychol. Res. 1986. Vol. 28. N 3. P. 154–159.

REFERENCES

Aleksandrov I. O. Formirovanie struktury individual'nogo znanija. M. : Institut psihologii RAN, 2006. 560 s.

Ginzburg E. L., Pestova V. A., Stepanov V. G. Operacii szhatija kak sredstva forsirovannoj rekonstrukcii teksta // Teorija rechevoj dejatel'nosti (problemy psiholingvistiki). M. : Nauka, 1968. S. 101–104.

Dridze T. M. Lingvosociologicheskie aspekty massovoj informacii // Sociologicheskie issledovanija. 1975. № 4. S. 52–61.

Dridze T. M. Social'naja kommunikacija kak tekstovaja dejatel'nost' // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1996. № 3. S. 145–152.

Dridze T. M. Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii. M.: Nauka, 1984. 270 s.

Rishar Zh.-F. Mental'naja aktivnost': ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij / sokr. per. s franc. T. A. Rebeko. M. : Institut psihologii RAN, 1998. 232 s.

Saharnyj L. V. Aktual'noe chlenenie i kompressija teksta (k ispol'zovaniju metodov informatiki v psiholingvistike) // Teoreticheskie aspekty derivacii / pod red. L. N. Murzina. Perm' : Izd-vo Permskogo un-ta. S. 29–38.

Saharnyj L. V., Shtern A. S. Nabor kljuchevyh slov kak tip teksta // Psiholingvisticheskie aspekty v sisteme professional'no orientirovannogo obuchenija inojazychnoj rechevoj dejatel'nosti : mezhvuz. sb. nauchn. tr. Perm' : Izd-vo Permskogo un-ta. S. 34–51.

Sirotko-Sibirskij S. A., Shtern A. S. K izmereniju kachestva raboty predmetizatora // Predmetnyj poisk v tradicionnyh i netradicionnyh IPS. Vyp. 8. S. 131–147.

Ikegami T. The role of affect in person memory: The influence of positive and negative affect upon recognition memory // Japanese Psychol. Res. 1986. Vol. 28. N 3. P. 154–159.

УДК 81.23

Н. С. Панарина

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
и сравнительного языкознания Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: panarinans@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРАХ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

Статья посвящена обоснованию возможности психолингвистического описания внутриличностного конфликта. Автор предпринимает попытку анализа вербальной репрезентации внутриличностного конфликта в рамках деятельностного подхода. Особое внимание уделено обоснованию применения модели соотношения психологического значения и личностного смысла для выявления неосознаваемых идентификаций индивида как базы внутриличностного конфликта. Автор приходит к выводу о том, что смысловое противоречие, лежащее в основе конфликта, закономерно фиксируется в системе речевых операций.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт; психолингвистика; речевая деятельность; речевая операция; осознанность; идентификация; личностный смысл.

N. S. Panarina

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: panarinans@gmail.com

ADDRESSING PSYCHOLINGUISTIC PARAMETERS OF INTRAPERSONAL CONFLICTS

The article proves the effectiveness of a psycholinguistic approach to describing intrapersonal conflicts. The author resorts to the activity theory to analyze verbal representations of intrapersonal conflicts. It is shown that the model of correlation between psychological significance and personal meanings is an effective tool of revealing the unconscious identifications of the individual as a trigger of intrapersonal conflict. The author comes to the conclusion that the contradiction of meanings which underlies the conflict is naturally registered in speech operations.

Key words: intrapersonal conflict; psycholinguistics; speech activity; speech operation; awareness; identification; personal meaning.

1. Введение

В современной лингвистике проблема вербальной репрезентации конфликта не теряет своей актуальности. Всё больше исследователей говорят о необходимости решения практических задач как

CC BY

межкультурной, так и внутригрупповой коммуникации [Гулакова 2004; Купфер 2015; Харченко 2004], а также моделируют специфические параметры конфликта в рамках коммуникативно-прагматического, когнитивного, социолингвистического и психолингвистического подходов [Полканова 2010].

С одной стороны, как отмечает Н. В. Гришина, ряд научных дисциплин включает в понятие *конфликт* весьма широкий круг явлений, поэтому конфликт трудно определить однозначно. С другой стороны, развитие лингвоконфликтологии как самостоятельной языковедческой дисциплины требует уточнения предметной области, а также сущностных свойств конфликта как специфического объекта лингвистики с опорой на философско-социальную и психологическую традиции его изучения. Последняя, в частности, уделяет особое внимание изучению механизмов внутриличностного конфликта (далее – ВНК), проецирует на него общие закономерности реализации конфликтов, выделяет стадии ВНК, моделирует стратегии преодоления и т. д. [Гришина 2009].

В работах западных ученых обосновывается закономерность связи внешних (социальных) конфликтов и внутренних (интрапсихических / личностных) конфликтов, признается роль психологических факторов в возникновении и развитии социальных конфликтов [Козер 2000], поэтому вполне обоснованным представляется обращение лингвистов к изучению вербальной репрезентации ВНК как в рамках частных языковедческих дисциплин, так и в комплексных исследованиях [Непшекуева 2006].

Отечественная психолингвистика, вслед за Л. С. Выготским, акцентирует внимание на роли речи в процессах саморегуляции, на роли языкового знака как средства овладения и управления индивидом собственными психическими процессами [Выготский 2007]. Поэтому можно предположить, что ВНК как осознанная или бессознательная психологическая детерминанта человеческой практики поддается обнаружению, в том числе, в процессе анализа того, (1) фиксируется ли в речевой деятельности индивида нетождественность объекта номинации представлению о нем (Ср. *Ты не прав!* и *Я думаю, ты не прав*!); (2) фиксируется ли в речевой деятельности индивида граница между ролевыми и личностными реакциями на события (Ср. *Я вами не доволен!* и *Я как преподаватель вами не доволен!*).

Указанные вербальные действия включаются в психологический механизм рефлексии, выступающей одним из эффективных инструментов разрешения ВНК. Поэтому проблема поиска психолингвистических параметров ВНК представляется весьма ***актуальной***.

В статье мы попытаемся обосновать применимость психолингвистической модели соотношения психологического значения и личностного смысла к анализу смысловой динамики внутриличностного конфликта. С этой целью нам необходимо:

1. Представить своеобразие лингвистической трактовки внутриличностного конфликта, а также известные способы его анализа.
2. Обосновать возможность трактовки внутриличностного конфликта как автоматизированного действия.
3. Выявить интерпретативный потенциал психолингвистической модели соотношения личностного смысла и психологического значения при анализе вербальной репрезентации ВНК.

2. Лингвистические аспекты анализа внутриличностного конфликта

А. А. Полканова подчеркивает, что «вне зависимости от того, какой аспект (социальный или психологический) интересует исследователя конфликта, в конечном итоге речь становится одним из самых надежных индикаторов конфликтного поведения человека» [Полканова 2010, с. 200]. В лингвистике предметное поле внутриличностных конфликтов выделяется в соответствии с инвариантными характеристиками конфликта вообще: «Биполярность, активность, направленная на преодоление противоречий, субъектность (наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта)» [Гришина 2009, с. 25]. При этом разные лингвистические подходы акцентируют не только общие, но и специфические черты речевого опосредования внутриличностных конфликтов.

В собственно лингвистическом аспекте рассматриваются языковые единицы – репрезентанты причин конфликта (конфликтогенов), а также конфликтогенные факторы: степень адекватности взаимопонимания коммуникантов, знание норм языка, уровень восприятия и декодирования конфликтогенных факторов в общении, а также закрепленные в языке этноспецифические формы конфликтогенов

[Непшекуева 2006]. При этом один из наиболее значимых параметров конфликта – характер *активности* противодействующих сторон – собственно лингвистическим подходом не описывается, поэтому этот аспект представляется недостаточным для объяснения механизма вербального опосредования ВНК.

В рамках лингвокультурологического подхода ведется сопоставление лингвокультурных стереотипов и установок с конфликтностью речи индивидов [там же]. Материалом исследования чаще всего выступают контексты художественных произведений, а также их переводы, к которым применяется интерпретационный анализ. В число маркеров ВНК включаются вербальные средства выражения сомнения, аутокоммуникации, волнения, дозирование искренности в коммуникации и т. д. [там же], однако корреляций между функционированием языковых единиц и репрезентацией смысловой структуры конфликта не выявляется (да и не может быть выявлено в рамках интерпретационного анализа художественного текста). Поэтому внутренняя психологическая динамика ВНК остается в рамках данного подхода неизученной.

В качестве лингвокогнитивных маркеров ВНК исследователи выделяют обладание информацией и её отсутствие, конфликт личностного представления, «запаздывание» сознания и логического умозаключения по теме из-за неподготовленности коммуникантов и пр. Репрезентантами указанных состояний являются отрицание, низкая оценочная модальность высказываний, уступительные конструкции и т. д. Подчеркнем, что одним из значимых лингвокогнитивных параметров ВНК является построение *возможных миров* [там же]. Согласно В. Н. Непшекуевой, в рамках исследования ВНК указанный термин обозначает продукты виртуализации разного типа в их конфликтогенной функции: лжи, лести, слухов [там же, с. 10]. Мы же полагаем, во-первых, что конфликтогенный потенциал возможного мира напрямую зависит от мотива речевой деятельности, включающей построение возможного мира как один из этапов реализации. В целом, создание возможных миров, как полагает Р. И. Павиленис, является неотъемлемой частью динамики концептуальной системы индивида, т. е. по сути динамики познавательной деятельности [Павиленис 1983]. Во-вторых, смысловое содержание возможного мира, а также отношение к нему субъекта речи фиксируют автоматизированные, т. е. неосознаваемые установки говорящего, на которых, в том числе, строится

ВНК. Поэтому, в-третьих, потенциал категории *возможного мира* может быть раскрыт в рамках деятельностной интерпретации ВНК при анализе системы *необозначенных* отношений субъекта. Мы считаем, что в случае ВНК характерным для субъекта становится, прежде всего, собственно неразличение реального мира (как мира объективных, внеположенных субъекту отношений) и одного или нескольких возможных миров как представлений субъекта о реальном мире. На наш взгляд, такому неразличению способствует, в том числе, сокращение речевых действий, вербализующих отношение индивида к ситуации / к своему представлению о ситуации / к себе.

Наконец, ***лингвопрагматические особенности ВНК*** выявляются лингвистами на основе анализа взаимодействия речевого акта и контекста, в частности, при установлении лингвопрагматических презумпций: самооценки, самоидентификации личности. Последние, как отмечают исследователи, могут служить как источником, так и средством разрешения конфликта [Непшекуева 2006].

В. Н. Непшекуева проводит ***комплексное*** лингвистическое исследование внутреннего социально-психологического конфликта личности, выявляя текстовые маркеры конфликтов [там же]. При этом исследователь оперирует принятым в отечественной психолингвистике термином *речевое действие*, который не получает психолингвистического описания. В рамках теории речевой деятельности А. А. Леонтьева речевое действие трактуется как минимальная единица деятельности, фиксирующая все структурные компоненты деятельности, причем одним из отличительных признаков действия является *осознанность* [Леонтьев 1969]. Однако по мере усложнения деятельности составляющие ее действия входят в состав более сложных действий, постепенно переставая осознаваться. Автоматизированные действия становятся операциями, осуществление которых не предполагает актуализации личностного отношения к предмету деятельности. Представляется, что посредством психолингвистического анализа речевых действий возможно выявить смысловые связи, которые неосознанно присваиваются индивидом в речевой коммуникации. Такие связи, как бессознательные речемыслительные операции, могут при известных условиях инициировать ВНК.

В целом, попытки лингвистического изучения ВНК не приводят к построению и верификации научных моделей, а завершаются более

или менее системным описанием парадигмы вербальных, невербальных, а также паравербальных средств репрезентации последнего.

Согласно нашей ***гипотезе***, ВНК закономерно детерминирован автоматизацией и деактуализацией речевых действий, репрезентирующих отношение индивида к внешнему миру, а также к собственной внутренней жизни. Автоматизация таких действий способствует неразличению индивидом собственного представления о реальности и реальности как таковой, а также ситуативному неразличению целостной личности и некоторой ролевой / статусной модели, воспроизводимой личностью в определенных условиях.

3. Психолингвистические параметры внутриличностного конфликта

В современной психологии среди ВНК принято различать мотивационные конфликты (например, конфликты между желаемым и возможным) и когнитивные конфликты (конфликты представлений) [Гришина 2009]. На наш взгляд, любой ВНК в известной степени характеризуется как мотивационными, так и когнитивными механизмами, поскольку любой психический процесс как деятельность включает интенциональную и операциональную составляющие [Леонтьев 2004].

Автоматизация как следствие усложнения действий закономерна и не обязательно инициирует ВНК, но любой конфликт, в том числе внутриличностный, предполагает наличие неосознанного смыслового перехода, принимаемого индивидом вместе с некоторым способом речевого поведения. Рассмотрим пример вербализации конфликтного состояния:

> «Эта тема Суда должна встать перед каждым человеком. Человек совестливый, человек честный должен был бы задавать себе этот вопрос изо дня в день и никогда не допускать, чтобы день прошёл без того, чтобы был произнесён суд, и если этот суд осуждает нас – чтобы было исправлено или, по крайней мере, не повторено то, за что совесть наша нам говорит: ты не прав!» [Яндекс Дзен URL].

В приведенном высказывании значительное количество средств репрезентации экспрессии не только реализуют воздейственный потенциал высказывания, но и свидетельствуют о ряде автоматизированных

идентификаций говорящего и мира с тем, что миром и говорящим не является / является лишь частично. Так, трижды упомянутое слово *Суд*, апеллирующее к ситуации Страшного суда, вводит субъекта речи в смысловую позицию ‘я виноват / я потенциально виноват’, поскольку суд – это «разбирательство чьей-то вины лицом, обличенным правом власти над кем-либо; наказание, возмездие» [Кузнецов 2000, с. 1287]. Актуализируемый возможный мир представляется индивиду в той или иной степени соответствующим или же вовсе не соответствующим реальности, однако сам факт осмысления индивидуальной практики посредством категории *суда* способствует тому, что смысл ‘я виноват’ в разной степени включается в познавательную деятельность, детерминирует если не собственно содержание, то некоторые способы психологической предикации.

Далее возможный мир, как представление о виновном человеке, намеренно совмещается субъектом речевого действия с представлением о реальном мире. Такому совмещению служат (1) многократное употребление глагола *должен,* препятствующее направлению внимания на возможную вариативность ситуации (допущение того, что человек не виноват); (2) побуждение к многократности действий переноса представления о виновности на представление адресата о себе, что реализуется, в частности, структурой *никогда не допускать ... день ... без того, чтобы ... суд.* Введением конструкции *если…, то* актуализируется возможный мир, в котором каждый человек должен быть осужден: *если этот суд осуждает нас*, при этом отождествлению реального и возможного миров способствует преобладание форм изъявительного наклонения *совесть говорит; ты не прав.* Подчеркнем, что личное отношение к возможному миру в таком контексте не представлено, что могло бы быть реализовано фразами *я убежден, я считаю* и т. п. Введение такого речевого действия снизило бы воздейственный потенциал высказывания, но, что важно для нас, акцентировало бы личную ответственность, личное отношение говорящего к содержанию высказывания. Отсутствие же вербализации последнего фиксирует психологическую неспособность говорящего выйти из познавательной позиции изначального несоответствия человека некоторому абстрактному эталону, вне зависимости оттого, как человек действует, т. е. из ситуации внутреннего противоречия.

Другой неосознаваемый смысловой переход представляет ситуативное отождествление индивидом своей личности с одной или несколькими познавательными смысловыми позициями, которые обусловлены ролью или статусом индивида. Стратегии действования нередко противоречат друг другу, поскольку ряд человеческих потребностей требуют одновременного удовлетворения (например, индивид в роли работника может испытывать потребность в пассивном отдыхе после рабочего дня, а в роли родителя – потребность в активном общении с ребенком). Конфликт возникает в том случае, если индивид полностью идентифицирует себя с одной из ролей, актуализируя представление о последней как смысловую доминанту всей своей практики, и таким образом препятствует реализации части личностных смыслов. Основой ВНК становится противоречие смысла, связываемого с качеством или ролью, и иного личностно значимого содержания, не относящегося в реализации последних. Так, психотерапевт И. Ялом приводит следующее высказывание одной из пациенток: «*Что ж, хоть и с неохотой, но я должна признать, что мне стало лучше*» [Ялом 2019, с. 104–105].

Нелогичное, на первый взгляд, сочетание компонентов *с неохотой признать* и *мне стало лучше* позволяет предположить противоборство двух значимых для пациентки личностных смыслов ‘я чувствую себя хорошо’ и ‘я хочу осуждать другого’. При этом идентификация со вторым смыслом автоматизируется и становится доминантой поведения в ситуациях, не требующих осуждения. Тогда применение конфликтных речевых стратегий, в частности, стратегий обвинения, перестает осознаваться индивидом, что еще более затрудняет осознание им ВНК.

Однако принципиальная динамичность речевой деятельности позволяет говорящему более осознанно отнестись к выбираемым способам действования со словом и таким образом выявить ВНК. Так, пациентке И. Ялома нетрудно проследить собственный конфликт, перестав отождествлять себя с позицией обвинителя, *осознав* таким образом неравенство между собой как целостной личностью и одной из частотно выбираемых стратегий речевого поведения:

«*Почему с неохотой? <…> Не знаю… просто некая постоянно присутствующая часть меня всегда насмехается над людьми, ищет в них дурные стороны. <…> Каково бы это было, если бы Вы смогли*

освободить позитивную часть себя и говорить прямо, без всяких “с неохотой”? – Я вижу, как вокруг меня кружат акулы» [там же].

Представляется обоснованным, что ВНК как часть психической деятельности субъекта строится на одной или нескольких автоматических операциях отождествления, неосознаваемый характер которых способствует переживанию конфликта как неразрешимого. В то же время индивид воспроизводит речевые действия, включающие такие операции отождествления, как структурную составляющую конкретных способов действования со словом. Отсюда мы предполагаем, что вербализация таких ложных идентификаций может выступить психолингвистическим параметром ВНК.

Поскольку, как было сказано выше, функционально речь направляет процессы саморегуляции, в том числе регуляции субъективного отношения к миру, то сокращение актов вербализации личного отношения к тем или иным событиям препятствует управлению этим отношением, а значит, препятствует выходу из ВНК.

4. Соотношение психологического значения и личностного смысла как модель описания смысловой динамики внутриличностного конфликта

На конфликт личностного смысла и психологического значения как движущую силу сознания указывал еще А. Н. Леонтьев: «Устранение личностного отношения ... как бы подразумевает устранение сознания как феномена жизни, как подлинного регулятора ее» [Леонтьев 1983, с. 236–237]. В динамическом состоянии сознания главным противоречием является несовпадение психологического значения и личностного смысла.

Психологическое значение слова как компонент представления выступает как неосознаваемый общественный ориентир: «общество представляет к каждому из своих членов известные требования, в соответствии с которыми эти требования должны осуществляться» [Леонтьев 1999, с. 229]. Поэтому для субъекта в психологическом значении фиксируются стереотипные деятельностные модели, воспроизведение которых позволяет индивиду не только объективировать отношение к предмету деятельности, но и наблюдать и оценивать себя в соответствии с той или иной *общественно принятой шкалой.*

Однако важно учитывать, что личностный смысл неотделим от представления индивида о себе как личности, которая может / имеет право формировать те или иные личностные смыслы: «Итак, то, что я актуально сознаю, то, как я это сознаю, какой смысл имеет для меня сознаваемое, определяется мотивом деятельности, в которую включено данное мое действие. Поэтому вопрос о смысле есть всегда вопрос о мотиве» [Леонтьев 1983, с. 366].

Тогда внутриличностный конфликт может быть рассмотрен как осознание индивидом невозможности сочетания его личностного смысла и психологического значения слова. В психологическом значении для него тогда вмещаются модели отношений, одобренные социумом, однако актуальный личностный смысл не позволяет выстроить свое отношение в соответствии с ними.

Мы полагаем, что модель соотношения психологического значения и личностного смысла способна объяснить некоторые аспекты опосредования внутриличностного конфликта *значениями* как инструментами речемыслительной деятельности.

Так, субъект вышеупомянутого речевого действия (пример 1) акцентирует значимость честности и совестливости как индивидуальных черт. «*Честный – отличающийся неспособностью врать, открытостью, прямотой*» [Кузнецов 2000, с. 1476]. «*Совестливый – стыдящийся делать что-то несправедливое, неблаговидное*» [там же, с.1226]. Психологическое значение слова *честный*, как и слова *совестливый*, закономерно отражает общественный опыт, в частности структурируется в зависимости от динамичных общественных оценок (например, понятие *неблаговидный* может связываться с разным предметным воплощением в зависимости от изменения общественных представлений).

Оценка индивидом себя как честного / нечестного, совестливого / бессовестного человека предполагает создание возможного мира как позиции наблюдателя за самим собой, при этом смысловая структура такого возможного мира во многом будет определяться психологическим значением слов *честный* и *совестливый*, а также контекстуально обусловленной связью этих понятий с представлением о необходимости судить себя. Личностно значимое содержание слов может не совпадать с контекстуально заданным, но в акте оценивания индивид в той или иной мере принимает позицию социума, чему способствует,

в том числе, одна из основных социальных потребностей человека – потребность в принадлежности и любви [Психологический словарь 2007]. Тогда возможный мир, заданный связью качеств честности и совестливости с необходимостью самоосуждения, направляет познавательную деятельность индивида в достаточно узкие рамки для оценивания всего многообразия собственных реализаций. При этом ситуативная смысловая доминанта стратегии самоосуждения противоречит другим объективно значимым для индивидуальной практики человека качествам и стратегиям (такт, гибкость, предусмотрительность, забота и т. д.). В результате автоматизации перехода на смысловую позицию группы индивид вынужден переосмыслить действия, частично или полностью не соответствующие представлениям социума о честности и совести. При этом устойчивая индивидуальная значимость переосмысливаемых стратегий как личностный смысл будет поддерживать психическое напряжение как составляющую ВНК.

Внутриличностный конфликт характеризуется тем, что индивид как бы в действии встает на позицию наблюдателя за самим собой и представление смыслов наблюдателя становится для него доминирующим мотивом, нежели представление своего личностного смысла. Такой переход осуществляется автоматически, что и не позволяет индивиду сознательно разделить позицию наблюдателя, с одной стороны, и свою личностную позицию – с другой.

Таким образом, переживание несоответствия общественному эталону как база ВНК формируется на основе ситуативной, обусловленной контекстом, попытки идентифицировать всё многообразие личностных смыслов индивидуальной практики с ограниченной смысловой структурой некоторой общественно заданной ролевой модели, так или иначе представленной в психологическом значении слова.

5. Заключение

Поскольку решение *противоречия* как основы внутриличностного конфликта предполагает формирование новых смысловых связей в мышлении, применение рассмотренной нами модели для изучения процесса разрешения ВНК оказывается весьма эффективным. Психолингвистические модели речевого действия, а также модель соотношения психологического значения и личностного смысла, во-первых, способны фиксировать постепенное, потенциально вариативное

становление смысловой ткани представлений и понятий (по сути, комплексов – в терминологии Л. С. Выготского [Выготский 2007]). Во-вторых, они учитывают возможные, сопутствующие смысловой доминанте интеллектуальные операции в сопредельных, ассоциативно близких смысловых областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2007. 352 с.

Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 544 с.

Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004. 152 с.

Козер Л. А. Функции социального конфликта. М. : Идея-Пресс, 2000. 205 с.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Купфер Л. В. Модели речевого поведения сотрудников организации: психолингвистический аспект : дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 228 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Смысл ; Академия, 1999. 288 с.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., Просвещение, 1969. 214 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2004. 352 с.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. 320 с.

Непшекуева Т. С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 58 с.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.

Полканова А. А. Понятие «конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 5 (584). С. 198–206.

Психологический словарь / под общ. науч. ред. П. С. Гуревича. М. : ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА Пресс Образование, 2007. 800 с.

Харченко Е. В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 470 с.

Ялом И. Дар психотерапии. М. : Эксмо, 2019. 352 с.

Яндекс Дзен. Блог Ахилла. URL : zen.yandex.ru/media/ahilla/velikii-ponedelnik-5ac1ce049e29a2e473d7cc1e (дата обращения: 15.02.2020).

REFERENCES

Vygotskij L. S. Myshlenie i rech'. M. : Labirint, 2007. 352 s.

Grishina N. V. Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb. : Piter, 2009. 544 s.

Gulakova I. I. Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedenija v konfliktnoj situacii obshhenija : dis. … kand. filol. nauk. Orel, 2004. 152 s.

Kozer L. A. Funkcii social'nogo konflikta. M. : Ideja-Press, 2000. 205 s.

Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb. : Norint, 2000. 1536 s.

Kupfer L. V. Modeli rechevogo povedenija sotrudnikov organizacii: psiholingvisticheskij aspekt : dis. … kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2015. 228 s.

Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki : uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M. : Smysl ; Akademija, 1999. 288 s.

Leont'ev A. A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M., Prosveshhenie, 1969. 214 s.

Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Smysl, 2004. 352 s.

Leont'ev A. N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: V 2-h t. T. II. M.: Pedagogika, 1983. 320 s.

Nepshekueva T. S. Vnutrilichnostnyj konflikt kak lingvisticheskij fenomen : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2006. 58 s.

Paviljonis R. I. Problema smysla: sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. M. : Mysl', 1983. 286 s.

Polkanova A. A. Ponjatie «konflikt» v lingvistike: osnovnye podhody k ego izucheniju // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. Vyp. 5 (584). S. 198–206.

Psihologicheskij slovar' / pod obshh. nauch. red. P. S. Gurevicha. M. : OLMA Media Grupp, OLMA Press Obrazovanie, 2007. 800 s.

Harchenko E. V. Mezhlichnostnoe obshhenie: modeli verbal'nogo povedenija v professional'nyh stratah : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2004. 470 c.

Jalom I. Dar psihoterapii. M. : Jeksmo, 2019. 352 s.

Jandeks Dzen. Blog Ahilla. URL : zen.yandex.ru/media/ahilla/velikii-ponedelnik-5ac1ce049e29a2e473d7cc1e (data obrashhenija: 15.02.2020).

УДК 81.23

В. А. Пищальникова, Пэй Цайся

Пищальников В. А., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Пэй Цайся, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: 1347681381@qq.com

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ РЕКЛАМА КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ

Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей китайской и русскоязычной антикоррупционной рекламы как поликодовых текстов. Коррупция, как распространенное преступное социальное деяние, является объектом активного исследования в психологии, социологии и юриспруденции; психолингвистика исследует психологическую актуальность коррупции для индивида специфическими методами; лингвистика изучает специфику антикоррупционной рекламного текста как средства воздействия на картину мира индивидов. Антикоррупционная реклама является уникальным средством распространения ценностей через Интернет и СМИ. Исследование языковой и культурной семантики знаков в антикоррупционных рекламах Китая и России позволяет выявить содержание базовых культурных ценностей народов двух стран.

Ключевые слова: антикоррупционная реклама; поликодовый текст; графический компонент; вербальный компонент; доминантный смысл; прагматический эффект.

V. A. Pishchalnikova, Pei Caixia

Pishchalnikova V. A., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Pei Caixia, Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: 1347681381@qq.com

ANTICORRUPTION ADVERTISMENTS AS POLYCODE TEXTS

The article carries out a comparative analysis of Chinese and Russian anticorruption advertisements regarded as polycode texts. Being a universal criminal social offense, corruption is widely discussed by psychologists, sociologists and law scholars. Researchers in the field of Psycholinguistics look into the psychological relevance of corruption for an individual; linguistic research aims to reveal the nature of anticorruption advertising texts as a means of influencing people's mind. Anticorruption advertising is a unique way of disseminating values via the Internet

and traditional mass media. A look into the linguistic form and the cultural content of signs in anticorruption advertisements in Chinese and Russian allows the authors of the article to identify the distinctions of Chinese and Russian basic cultural values.

Key words: anticorruption advertising; polycode text; graphical component; verbal component; dominant meaning; pragmatic effect.

Введение

В последние десятилетия исследователи различных лингвистических предметных областей отмечают тенденцию к усилению значимости иконических знаков в информационном пространстве, хотя изобразительные элементы сопровождают вербальные сообщения уже очень давно. Так, А. Г. Сонин, отмечая, что «стремление к максимальной очевидности и визуальной наглядности означаемого» едва ли можно считать специфической чертой современной коммуникации, подчеркивает зависимость использования изобразительных элементов от технических ограничений создателей речевых произведений; «революционными можно считать лишь достижения технического прогресса, открывающие новые возможности структурирования наглядной иконической информации, но не само стремление к ее широкому использованию» [Сонин 2005, с. 61].

Исследователи поликодовых (мультимодальных, креолизованных и др.) текстов изучают, прежде всего, прагматические эффекты, возникающие в результате взаимодействия его семиотически гетерогенных составляющих, при этом анализируя роль каждого компонента в репрезентации доминантного смысла текста. В свете прагматики поликодовых текстов исследуется специфика их восприятия и понимания.

Исследование

1. Составляющие поликодового текста и аспекты их исследования

Мы хотим акцентировать зависимость соотношения гетерогенных составляющих поликодового текста не только от сферы его функционирования, цели создания и прагматической направленности, но и от самого способа объединения этих составляющих, детерминированного внутренней формой языка и характером ее «овнешнения». Вслед за

А. Г. Сониным, мы понимаем под поликодовым текстом специфическое речевое произведение, образуемое взаимодействием изобразительной и вербальной составляющих в едином графическом и смысловом пространстве [Сонин 2006]. Под графическим структурированием текста понимается использование для выражения актуального личностного смысла совокупности разнородных элементов: цвета, разных отдельных элементов рисунка, пространственных планов, углов зрения, графем, которым приписывается особое содержание, знаков препинания и др. [Сонин 2006]. Все эти элементы направлены на представление смысловой доминанты, которая выступает смыслообразующим элементом текста. Возможность такого синкретичного представления смысла обусловлена спецификой человеческой коммуникации, в которой объединяются физический, перцептивный, эмотивный и символический аспекты. Физический аспект детерминирован взаимодействием тела человека с миром, вызывающим различные виды ощущений, в том числе и синестетических. Они так или иначе способны включаться в процессы концептуализации действительности и, таким образом, оказывают существенное воздействие на познавательные процессы. Поскольку мы анализируем рекламный печатный текст, некоторые типы ощущений здесь не могут быть актуальными, поэтому автоматически возрастает значимость его зрительного и вербального компонентов: «вербальные знаки взаимодействуют со знаками иконическими, более жестко задавая мыслительную репрезентацию содержания сообщения» [Сонин 2005, с. 98]. Перцептивный аспект предполагает специфичность восприятия, зависимую, во-первых, он врожденных особенностей индивида, во-вторых, от тех схем и моделей восприятия, которые приобретаются с опытом и определяют поведенческие реакции человека. Эмоции, будучи единственным внешним проявлением мотива в речевой деятельности, по сути, являются смыслообразующим компонентом доминанты. Поэтому эмоциональное содержание вербальной и графической составляющих поликодового текста, оказывающее существенное воздействие его понимание, должно составлять особый этап его анализа.

Наконец, велика роль языка как системы естественных знаков, символически фиксирующих реалии действительности, но она может быть подчеркнута только исследованием всех уже перечисленных аспектов коммуникативного процесса.

Все перечисленные аспекты весьма актуальны в создании и восприятии текстов социально важной антикоррупционной рекламы в силу необходимости их высокого прагматического эффекта.

Рис. 1. Когда душа разложена жадностью, человек становится узником [Вместе против коррупции URL]

2. Соотношение изобразительной и вербальной составляющих поликодового текста

Рассмотрим рекламный текст 当被贪欲侵蚀后，人就成了囚。 / Когда душа разложена жадностью, человек становится узником (см. рис. 1).

В качестве основного средства представления антикоррупционной идеи используются изобразительные возможности и значение иероглифов. Графическое поле рекламы заполнено разными иероглифами: в центре красный иероглиф 人 / *человек*, вокруг которого плотно располагаются другие, образующие явно очерченный черный квадрат: *деньги* / 金钱; *власть* / 权; *роскошная машина* / 豪车, *роскошная квартира* / 豪宅, *корыстолюбие* / 贪欲, *красавица* / 美色. Иероглиф 人 в квадрате 囚 символизирует новое значение: ‘узник, заключенный’. Иероглифы, окружающие центральный, по сути репрезентируют явления, влечение к которым превращает человека в коррупционера, преступника, которого обязательно ждет наказание. Эта идея поддерживается и цветовым решением текста: актуализацией символического противопоставления красного и черного цвета. Красный цвет – цвет крови – символ жизни, радости, счастья, праздника, благодатных знамений, приносящий успех, удачу и отпугивающий зло. Если в Древнем Китае черный цвет был символом воды и энергии инь, тайны и познания мира, в современном Китае черный цвет становится символом зла, печали, неудачи, незаконности. Черный

цвет в системе фэн-шуй связан с водой, которая в цикле разрушения гасит огонь: черный цвет гасит красный. В истории Китая это нашло отражение в том, что император Цинь выбрал династическим цветом черный, который символически должен был «погасить» влияние красного цвета предыдущей династии Чжоу. Такая символика аналогически актуализируется в приведенном рекламном тексте: коррупция уничтожает человека. Кроме того, возможно и метафорическое прочтение представленной идеи: преступник – узник жадности, поскольку в китайской культуре коррупция – следствие не давления системы, а собственного морального разложения конкретного человека [Пэй 2019]. Очевидно, что в анализируемом графически и вербально лаконичном тексте переплетаются содержания разных культурных символов, что делает его семантически многослойным, поэтому прагматически эффективным.

Можно связать такой эффект со спецификой иероглифического текста, при прочтении которого образование личностных смыслов осуществляется целостно: иероглиф воспринимается одновременно как наглядный образ и как знак понятия, поэтому исследователи считают, что при создании и восприятии китайского текста активно применяются холистические стратегии обработки когнитивной информации [Рубец 2015] и др.

Прагматически направленно используется в китайской социальной рекламе и рифма, когда слоги оканчиваются на одинаковые финали (см. рис. 2). Это задает рекламному тексту определенный ритм (подключаются ощущения другой модальности) и облегчает потребителю рекламы запоминание слоганов. Так, в рекламе 一人不廉，全家不圆 / Один бесчестный человек – вся семья неблагополучна – иероглифы 廉 (lian) и 圆 (yuan) имеют общие финали. Такой прием способствует легкому запоминанию текста рекламы и привлекает внимание слушателя, благодаря лаконичной и в то же время яркой форме изложения информации. В соответствии с содержанием вербального компонента текста его графическое пространство тоже разделено на две части. На одной из них представлены символы счастливой семьи: мать и ребенок, синее безбрежное море (символ нескончаемой жизни), синее небо (символ высоты человеческих помыслов), полная луна как символ счастья, успеха, благополучия. Ночное светило занимает значительную часть графического поля, соотносимого с благополучием

человека, и это вполне объяснимо: в китайской культуре луне отводится особое, священное. Луне посвящаются стихотворные произведения. Так, в «Сборнике стихотворений в период династии Тан» (《全唐诗》) содержится более 100 поэтических произведений, воспевающих красоту Луны, знаменитый китайский поэт Либо написал около 300 стихотворений, где метафорически сравнивает Луну с нефритовой тарелкой (известно, что для китайцев нефрит священен, он дает жизненную силу, крепкое здоровье и долголетие, а в Древнем Китае камень ценился дороже золота), а также с ледяным зеркалом, подчеркивая таинственность и красоту Луны, льющую на землю умеренный и мягкий свет, создающую спокойную атмосферу, что вполне соответствует традиционному правилу китайцев жить спокойно, размеренно. Таким образом, анализируемый графический компонент данного рекламного текста актуализирует множество культурных ассоциативных связей, которые входят в состав этнических констант и, следовательно, способствуют более однозначному толкованию поликодового текста. В этой части графического пространства на ярко-голубом фоне, символизирующем чистоту и прозрачность государственной политики, в левом верхнем углу изображен герб полиции Китая, состоящий из щита, схематичного изображения Великой китайской стены и сосновых ветвей. Щит символизирует главную обязанность полиции – защищать народ и страну; одновременно Великая китайская стена подчеркивает мысль о том, что народная полиция – это стена, противостоящая нарушениям общественного порядка и национальной безопасности; сосновая ветвь – очень распространенный символ в китайской культуре – символизирует мужество, духовную стойкость, постоянство и сдержанность народной полиции. Это важный рисуночный компонент поликодового текста, интегрирующий все смыслы в доминантный [Пищальникова 2005]: борьба с коррупцией – одно из проявлений защитной функции государства. В этой же части пространства доминантный смысл выражен вербально: 廉洁执法 / честное исполнение закона.

Вторая часть графического пространства текста (она составляет его треть, чем тоже подчеркивается значимость представленных здесь символов в жизни человека), изображен человек на фоне американских денежных купюр. Черный цвет символизирует внутреннее и окончательное разложение взяточника (вспомним, что внутренняя

Рис. 2. 一人不廉，全家不圆 [一人不廉，全家不圆 URL].

форма иероглифа 腐败 связана с актуализацией смыслового признака ‘гниение, разложение’). Талия человека опоясана символическим знаком доллара $, состоящим из золотых нитей, параллельные вертикальные черточки в котором одновременно являются прутьями решетки, а форма знака напоминает форму гельминта, съедающего человека изнутри. И снова, помимо наглядности, графический компонент актуализирует большое количество ассоциативных связей разного порядка: символических, цветовых, ассоциаций по форме, интегрированных резко отрицательной эмоцией.

Рассмотрим еще один китайский рекламный текст.

В этой рекламе последовательно изображен стебель зеленого лука и лежащие на тарелках два кусочка сыра тофу, представляя цифру 100, которая считается наивысшей в оценке деятельности чиновника. Цвет здесь глубоко символичен и отсылает воспринимающего к распространенному китайскому чэнъюю (фразеологизму) 一清二白, *букв.*

Рис. 3. 当被贪欲侵蚀后，人就成为了囚。/ Кристально чистый [People.cn URL]

Рис. 4. Отрежь себя от коррупции [Вместе против коррупции URL]

‘один зеленый и два белого цвета’, означающий ‘начисто, дочиста, безупречный, кристально чистый’. (Чэнъюи постоянно используются в речи в качестве элементов, придающих убедительность речи. Знание наиболее популярных чэнъюев является признаком образованности.) Таким образом, содержание текста репрезентируется за счет сочетания изобразительного и вербального компонентов, единство которых актуализирует мысль о том, что когда чиновник чист (честен), то его работа может быть оценена на 100 баллов. Кроме того, содержание рекламного текста соотносится с известным лозунгом о честности (чистоте) и неподкупности государственных служащих как о требовании закона.

Сравним проанализированные тексты с русской антикоррупционной рекламой.

Подобная доминантная идея текста – решительного дистанцирования человека от коррупции – представлена наглядно до прямолинейности и не опирается на какие-либо культурные символы, архетипы, которые могли бы вызывать дополнительные ассоциации, способствующие более глубокому воздействию текста. Рисуночный компонент не репрезентирует каких-либо конвенциональных ассоциаций, опираясь на которые можно было бы прагматически воздействовать на потребителя рекламы. Бумажка, на которую наматываются, как правило, остатки ниток, представляет собой свернутую долларовую купюру, однако это не меняет представлений о таких мотках ниток как остатках, которые, чаще всего, никем не будут востребованы. Иногда такие моточки соотносятся с представлением об аккуратности, возможно, даже излишней. Понять, каким образом такой состав устойчивых ассоциативных связей может способствовать пониманию рекламного текста, сложно. А если так, то прагматический эффект воздействия такого текста остается проблематичным (см. рис. 4).

Во втором русском рекламном тексте (см. рис. 5) в составе слогана содержится ненормированное слово *подкупность* вместо *подкуп*, что вызывает негативную реакцию на рекламу в целом. Графически текст выстроен непродуманно. Слова, синонимически связанные с лексемой *коррупция*, занимают основное пространство текста, при этом слоган «Названий много, подкупность, взяточничество, продажность, суть одна – нам не по пути» немотивированно разделен на две части, границы которых неочевидны. Фон слогана представляет собой

Рис. 5. Суть одна – нам не по пути [Вместе против коррупции URL].

редупликацию слова *коррупция*, которое воспринимается нечетко, так как изображается красным на красном фоне.

В рекламе «Ожидание – реальность» (см. рис. 6) изображена лестница из купюр, по которой поднимается коррумпированный чиновник. В конце лестницы слева – традиционный мешочек с деньгами как символ ожиданий чиновника, справа – черная решетка тюрьмы как реальность. И снова потребитель рекламы видит в тексте прямолинейно реализованную идею, которая на фоне реальной неэффективной борьбы с коррупцией представляется лживой. Иконические знаки настолько прямолинейно представляет идею рекламного текста, что вербальный компонент кажется излишним. Автор рекламы не продумывает актуализацию в изобразительном компоненте дополнительных ассоциативных связей, которые способны выделить доминирующий смысл текста. Не представлены и эмоциональные компоненты текста, которые могли бы усилить прагматический эффект рекламы.

Рис. 6. Ожидание – реальность [Вместе против коррупции URL]

Выводы

Таким образом, анализ показывает (см. рис. 1–3), что иконический знак в рекламном тексте может выступать как синтетический знак, соединяя в себе признаки иконичности, эмоциональности и символичности, что не исключает его нормативного функционирования в виде знака-

копии. Использование такого знака в поликодовом тексте – одновременно попытка преодоления стереотипных схем восприятия, когда за счет изоморфности разных видов деятельности образуются познавательные модели более высокой степени абстрактности. В этом случае можно говорить о том, что свойства знака способны изменяться в процессе речевой деятельности индивида в соответствии с мотивом их включения в речесмыслопорождение. Рисуночный компонент не только представляет доминантный личностный смысл, в том числе эстетически значимыми компонентами (например, цветом), но и акцентирует вербальный компонент, подчеркивает содержание мотива деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вместе против коррупции // Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы. URL : www.anticorruption.life/ (дата обращения: 28.12.2019).

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М. : МГЛУ, 2005. Ч. 1. 296 с.

Пэй Ц. Антиценность ‘коррупция’ / ‘腐败’ как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев. М., 2019. 236 с.

Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: ИЯ РАН, 2005. 220 с.

Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.

People.cn. URL : opinion.people.com.cn/GB/8213/49132/ (дата обращения: 28.12.2019).

一人不廉，全家不圆. URL : tsjw.cnts.gov.cn/Disp.Aspx?ID=2742&ClassID=80 (дата обращения: 28.12.2019).

REFERENCES

Vmeste protiv korrupcii // Mezhdunarodnyj molodezhnyj konkurs social’noj antikorrupcionnoj reklamy. URL : www.anticorruption.life/ (data obrashhenija: 28.12.2019).

Pishhal'nikova V. A. Istorija i teorija psiholingvistiki. M. : MGLU, 2005. Ch. 1. 296 s.

Pjej C. Anticennost' ‘korrupcija’ / ‘腐败’ kak fragment jazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev. M., 2019. 236 s.

Sonin A. G. Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt. M.: IJa RAN, 2005. 220 s.

Sonin A. G. Modelirovanie mehanizmov ponimanija polikodovyh tekstov : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006. 323 s.

People.cn. URL : opinion.people.com.cn/GB/8213/49132/ (data obrashhenija: 28.12.2019).

一人不廉，全家不圆. URL : tsjw.cnts.gov.cn/Disp.Aspx?ID=2742&ClassID=80 (data obrashhenija: 28.12.2019).

УДК 347.78.034

В. И. Фролов

кандидат филологических наук,
доцент кафедры переводоведения и практики английского перевода
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: pretransfallacy@gmail.com

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Вооружившись методологией теории речевой деятельности, автор пытается сформулировать новое психолингвистическое определение перевода. Предварительно в статье дается краткий обзор определений, которые предложили переводоведы. При этом выясняется, что все существующие определения описывают определяемое понятие либо «изнутри», либо «извне». Автор считает методологически верным первый путь и определяет перевод как процесс порождения высказывания, включающий все неотъемлемые, с точки зрения теории речевой деятельности, факты такого процесса. С одной стороны, полученное психолингвистическое определение оказывается безоценочным, с другой – оно позволяет четко отделить перевод от смежных, но квазипереводных типов деятельности.

Ключевые слова: определение перевода; внутренняя программа речевого высказывания; теория речевой деятельности; психолингвистика перевода.

V. I. Frolov

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Translation Studies
and English Translation, Moscow State Linguistic University;
e-mail: pretransfallacy@gmail.com

DEFINITION AND LIMITS OF TRANSLATION FROM PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

Equipped with the theory of speech activity methodological framework the author of the article gives a new psycholinguistic definition of translation, which is preceded by the brief review of the definitions offered by other translation theorists. This review allows saying that all existing definitions can describe the notion either from within or from outside. Believing the first way to be the right one the author defines translation as the process of producing the utterance with all inherent phases described within the theory of speech activity. One the one hand the paper's new psycholinguistic definition is non-evaluative, yet on the other hand it provides a clear line of demarcation between translation and similar quasi-translational types of activity.

Key words: translation definition; inner programme of the speech act; theory of speech activity; psycholinguistic theory of translation.

CC BY

Введение

Эвристический потенциал психолингвистического подхода к изучению такого явления, как перевод, не вызывает сомнений уже давно. Однако все ли исследователи, говоря о такого рода психолингвистическом подходе, подразумевают одно и то же? Безусловно, нет. Определение «психолингвистический» может относиться к очень разным исследовательским программам и методологиям, поэтому исследователям всегда нужно начинать с терминологического прояснения. Мы в данной работе, говоря о «психолингвистичности» своего подхода, подразумеваем конкретную методологическую базу – теорию речевой деятельности в том виде, в котором она была сформулирована А. А. Леонтьевым [Основы … 1974; Леонтьев 2014] и развита его учениками и последователями (Т. В. Ахутина, И. А. Зимняя и др.). Продуктивность теории речевой деятельности как методологической основы для изучения перевода в его процессуальном, деятельностном аспекте отмечалась еще классиками лингвистического переводоведения. Так, А. Д. Швейцер писал: «К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности» [Швейцер 1988, с. 21]. Ссылается на работы А. А. Леонтьева в своей статье, посвященной когнитивным аспектам перевода, и В. Н. Комиссаров [Комиссаров 2020, с. 108]. В ряде наших статей [Фролов 2018; Фролов 2019] было обосновано использование теории речевой деятельности в качестве методологической основы для описания и изучения перевода как междисциплинарного объекта. В последней из них нами было дано определение эквивалентности – одного из ключевых понятий переводоведения – с позиций теории речевой деятельности. В рамках же данной работы нам бы хотелось продвинуться еще глубже к основам и дать психолингвистическое определение самому феномену перевода.

Для этого сначала сформулируем ряд допущений, из которых далее будем исходить.

1. ***Перевод – подвид речевой деятельности***. Слово «деятельность» в данном случае наполнено конкретным терминологическим содержанием, поскольку используется как ключевое понятие теории речевой деятельности и, шире, психологической теории деятельности. Таким образом, мы исходим из того, что все, что было сказано

в рамках теории речевой деятельности в отношении ее объекта, всецело применимо и к переводу.

2. ***Перевод есть прежде всего факт порождения высказывания***. Формулируя это допущение, мы прежде всего намереваемся принципиально отказаться от рассмотрения перевода как двухсоставного процесса, включающего отдельно рецептивную и продуктивную (или репродуктивную) фазы. Подобный подход, в частности, использовался И. А. Зимней [Зимняя 2001]. Однако не стоит забывать о том, что она рассматривала перевод в контексте собственной концепции обучения иностранному языку, в рамках которой момент восприятия высказывания был, без сомнения, существенен. С нашей же точки зрения, такие рецептивные виды речевой деятельности, как «слушание» и «чтение», хотя и являются неотъемлемой частью перевода как некоего коммуникативного события (в широком смысле), но никакой спецификой не обладают. Проще говоря, слушает и читает переводчик точно так же, как и тот, перед кем задачи осуществить перевод не стоит.

3. ***Истолкование исходного высказывания имманентно присутствует в акте перевода***. Это допущение очень важное и при этом во многом дискуссионное. По нашему мнению, момент интерпретации переводчиком текста оригинала также не следует рассматривать как некий дискретный этап в рамках некоторой последовательности совершаемых переводчиком действий. Иными словами, истолкование – первая и неотъемлемая часть процесса порождения высказывания.

В данном случае мы опираемся на идеи М. М. Бахтина о принципиальной диалогичности всякого высказывания, исходя из того, что любое высказывание порождается как ответ на высказывание другого, при этом ответ возможен лишь после того, как имело место понимание. Как наше высказывание неотделимо от понимания, так и понимание неотделимо от провоцируемого им ответа: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим. Пассивное понимание значений слышимой речи – только абстрактный момент реального целостного активно ответного понимания» [Бахтин 1986, с. 260].

Определение перевода

Вполне закономерно, что такое сложное понятие, как «перевод», имеет множество определений. Закономерно и то, что каждый автор и теоретик, предлагающий свой вариант определения, опирается на конкретные теории и исходит из некоторых допущений. Подробный обзор различных определений перевода был сделан Д. М. Бузаджи, который, проанализировав целый ряд работ крупных переводоведов, формулирует и собственное определение [Бузаджи 2011]. При этом он разделяет определения на те, в которых присутствует качественный момент (определение перевода по сути является определением «хорошего» перевода), и те, которые охватывают и «плохие» переводы. На наш же взгляд, качественный аспект вторичен по отношению к более глубинному основанию, в соответствии с которым все определения перевода можно разделить на две группы: в первую очередь важно то, формулируется ли определение «изнутри», исходя из внутренней логики, структуры и сущности перевода, или же оно формулируется «извне», как некое объективное описание явления перевода со стороны.

Все определения, которые давались в рамках наиболее значимых переводоведческих подходов и теорий, могут быть отнесены к одной из двух названных нами групп. В рамках научного периода развития теории перевода традиционно выделяются три основных подхода (переводовед Э. Пим в своем исчерпывающем своде подобных подходов даже называет их «парадигмами» – см. [Pym 2014]): лингвистическая теория перевода, «теория скопос» и дескриптивизм. Представителями двух последних подходов определение перевода дается «извне»: так, создатели «теории скопос» предлагают считать переводом деятельность, результат которой соответствует поставленной цели [Chesterman 1997/2016, с. 31], в то время как дескриптивисты предлагают считать переводами все высказывания, которые в данной культуре в принципе могут быть названы переводами [Toury 1995/2012, с. 27]. В рамках же лингвистической теории перевода, несмотря на различия в подходах ее представителей, перевод всегда определялся «изнутри». Широко известно определение, данное Л. С. Бархударовым, согласно которому перевод есть «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов 1975, с. 11]. Не менее известно и определение В. Н. Комиссарова:

«…перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором … создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу», который «во всем заменяет оригинал, является его полноценным представителем» [Комиссаров 1990, с. 45]. Как мы видим, авторы лингвистических «определений изнутри» всегда исходят из идеи о наличии некоего инварианта. В первом случае это структуралистский «план содержания», во втором – понятие коммуникативной равноценности, сформулированное под влиянием идей П. Грайса.

Необходимо также упомянуть работу, автор которой был одним из первых, кто предложил включить методологический аппарат теории речевой деятельности в переводоведение. А. А. Яковлев в своей обзорной монографии, всецело посвященной психолингвистическим аспектам перевода, дает следующее рабочее определение: «Перевод – это речемыслительная деятельность по нахождению способа выражения смысла текста средствами языка перевода в конкретных условиях ситуации общения» [Яковлев 2015, с. 37].

Возвращаясь к сопоставлению обозначенных нами двух подходов к определению перевода, отметим, что второй из них, а именно – попытки определить перевод «извне», оправдан лишь в том случае, если перед исследователем стоит задача историографического описания. Если же речь идет о «феноменологии» перевода, выявлении сущностных характеристик изучаемого объекта, то подходящим может быть лишь определение «изнутри». Итак, исходя из этих рассуждений, а также перечисленных во введении допущений, мы предлагаем следующее определение перевода:

> Перевод – это порождение речевого высказывания на основе внутренней программы, заданной извне.

Необходимо оговориться, что понятие «внутренняя программа» мы используем в классической трактовке А. А. Леонтьева, причем, как мы указывали в нашей предыдущей работе [Фролов 2019], именно такую программу, определяемую как систему «функционально “нагруженных” смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами», он считал «инвариантом при переводе» [Леонтьев 2014, с. 172]. Понятие предметно-изобразительного (предметно-схемного) кода А. А. Леонтьев заимствует у Н. И. Жинкина, который понимал под ним особый,

невербальный, субъективный «код образов и схем» на стыке мышления и речи [Жинкин 1964]. А. А. Леонтьев выделяет фазу внутреннего программирования как часть общей структуры речевого действия. При этом «программирование заключается в двух взаимосвязанных процессах оперирования с единицами внутреннего (субъективного) кода. Это: а) приписывание этим единицам определенной смысловой нагрузки; б) построение функциональной иерархии этих единиц» [Леонтьев 1974, с. 183]. Так вот, по нашему убеждению, и процесс внутреннего программирования, и процесс дальнейшего лексико-грамматического развертывания программы при переводе аналогичны таким же процессам, происходящим в рамках любого речевого действия. Специфика же в том, что «программа, лежащая в основе создания текста перевода, отличается от обычных программ, создаваемых в процессе речемыслительной деятельности, лишь тем, что возникла в результате свертывания содержания иноязычного текста, а не на основе самостоятельного формирования мысли» [Комиссаров 2020, с. 108]. Именно это отличие и обозначено в нашем определении словами «заданной извне».

Предвосхищая упреки в схематичности и абстрактности данного нами определения, заметим, что этим «страдают» все определения перевода, которые мы назвали «определениями изнутри». Впрочем, стремление предложить такое определение, «которое изначально не было бы идеализированным и оторванным от жизни» [Бузаджи 2011, с. 45], побуждало представителей лингвистического переводоведения к тому, чтобы формулировать новые определения перевода. При этом заметим, что наше определение в первую очередь призвано стать отправной точкой для дальнейшего исследования перевода как междисциплинарного объекта, поэтому степень его «идеализированности» не представляется релевантной.

Границы перевода

В связи с тем, что данное нами определение гласит, что переводом может считаться только полновесное *порождение высказывания* в том конкретном понимании этих терминов, которое мы находим в теории речевой деятельности, всякая механическая подстановка одних слов другими по определению переводом считаться не будет. Мысль эта внешне банальна, но имеет очень далеко идущие последствия,

поскольку в соответствии с новым определением переводами не могут считаться: а) «переводы», авторы которых не смогли понять смысла исходного высказывания[1]; б) любые виды машинных переводов. Мы предлагаем называть данные явления квази-переводами. К ним следует отнести и так называемые подстрочники.

Главный принцип состоит в следующем: если не был пройден весь путь от активного понимания и интерпретации исходного высказывания, формирования на его основе внутренней программы и последующего ее развертывания, то и о переводе речи идти уже не может. Говоря в терминах интерпретативной теории Д. Селескович, мы не можем констатировать факт перевода, если за стадией «понимания» не последовала стадия «девербализации» [см. Seleskovitch 1984], т. е. в категориях теории речевой деятельности, если исходное высказывание не было «свернуто» до внутренней программы, до единиц предметно-схемного кода и их функциональной иерархии. Но без такого «свертывания» уже нельзя говорить о полноценном порождении речевого высказывания, что противоречит сформулированному нами определению.

Проведем небольшой эксперимент. Предлагается представить человека, которому дали указание прочитать вслух некое написанное на листе бумаги предложение (к примеру, «Я бы не отказался от чашки кофе»). Со стороны, т. е. с позиции внешнего наблюдателя, сам акт произнесения этим человеком данной последовательности слов в целом не будет отличаться от ситуации, когда аналогичное высказывание будет порождено человеком самостоятельно, исходя из его личных потребностей. При этом странно было бы спорить с тем, что первый случай процессом *порождения высказывания* не является. Это очевидно даже с «наивной» точки зрения и совершенно ясно с позиции теории речевой деятельности. По-видимому, данные рассуждения могут быть экстраполированы и на процесс перевода. Замена исходных слов их словарными эквивалентам и даже последующее их сопряжение по всем правилам грамматики[2] отнюдь не означает,

[1] Такого рода «переводы» всегда описывались качественно и оценочно как «плохие», «неправильные», «неудовлетворительные», но с позиций данной работы они не могут быть названы «переводами» совсем.

[2] Вспомним знаменитую «глокую куздру» академика Л. Щербы, которая, помимо прочего, показывает, что понимание и соблюдение правил грамматики и понимание смысла текста – вещи друг от друга независимые.

что текст был понят. Мы согласны с Б. А. Успенским, который писал: «Для того чтобы понять текст, адресат должен представить себе такую ситуацию, в которой он мог бы породить такой же или аналогичный (с его точки зрения) текст» [Успенский 2007, с. 112]. Действительно, без такого рода «моделирования ситуации» полноценное порождение высказывания, включающее этап внутреннего программирования, невозможно.

Обратимся еще к одному показательному примеру – проблеме актуального членения при переводе. Как верно отмечает А. А. Леонтьев, «актуальному членению соответствует различная языковая реализация в языках различной структуры <…>. По-видимому, должен существовать какой-то код, в котором “актуальное членение” выражается инвариантным способом… Естественно предположить, что таким кодом и является код внутреннего программирования» [Леонтьев 2014, с. 165–166]. Отсюда следует, что актуальное членение «вписано» во внутреннюю программу высказывания и адекватно реализуется в последующем синтаксическом развертывании. Если же весь процесс порождения высказывания места не имел, то и логические элементы данного высказывания не были выстроены необходимым образом. Возьмем банальный пример:

A boy entered the room.

1. *Мальчик вошел в комнату*.
2. *В комнату вошел мальчик*.

Переводом английского предложения – в соответствии с нашим определением – можно считать лишь второй вариант. В первом случае имела место подстановка вместо одних слов других. Приведем более сложный пример с небольшим контекстом. Это – первые два предложения из книги литературоведа Дж. Стайнера (*Tolstoy or Dostoevsky*, Faber & Faber, 1960) и официально опубликованного русского перевода («Толстой и Достоевский», М. : АСТ, 2019).

Literary criticism should arise out of a debt of love. In a manner evident and yet mysterious, the poem or the drama or the novel seizes upon our imaginings.	Литературная критика должна рождаться из долга любви. Очевидным, но и таинственным, путем стихотворение, пьеса или роман захватывают наше воображение.

Второе предложение не является переводом, поскольку переводчик попросту не представил себя в ситуации, в которой он порождает подобный текст, и просто заменил английские слова русскими. С нашей точки зрения, это – квазиперевод. Верным, с точки зрения актуального членения, мог бы быть вариант: «Стихотворение, пьеса или роман подхватывают плоды нашего воображения столь понятным и одновременно столь таинственным образом»[1]. Ошибки на актуальное членение в переводах встречаются часто, и, по-видимому, свидетельствуют они о том, что исходное высказывание не было свернуто до уровня внутренней программы, а, следовательно, не было порождено и новое полноценное высказывание.

Заключение

Представляется, что данное нами определение перевода как процесса порождения речевого высказывания на основе внутренней программы, заданной извне, в будущем позволит объяснить и более четко проанализировать такие явления, как языковая интерференция при переводе и ошибки на актуальное членение предложения. Лингвистическая теория перевода может объяснить эти явления только при помощи анализа последней фазы речевого действия, фазы реализации программы, поскольку лишь на этой фазе выбора отдельных операций использование того или иного языка уже оказывается релевантным [Леонтьев 2014, с. 151–153]. Но что, если проблема лежит глубже, в плоскости внутренней программы, до которой переводчик может и не добраться? Эти вопросы требуют дальнейшего, более подробного и скорее всего экспериментального изучения, но исходным методологическим пунктом для них, на наш взгляд, как раз и должно стать представленное в данной работе психолингвистическое определение перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.

[1] Нами представлен лишь один из множества возможных вариантов перевода, при этом все отличия от приведенного выше варианта, кроме порядка слов, для данной статьи неважны и разбираться не будут.

Бузаджи Д. М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. 2 (30). М. : Р. Валент, 2011. С. 44–55.

Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.

Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.

Комиссаров В. Н. Когнитивные аспекты перевода / Переводческие исследования: Избранные статьи 1968–2005. М. : Р. Валент, 2020. С. 107–122.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.

Леонтьев А. А. Исследования грамматики / Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. С. 161–187.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. стереотип. М., 2014. 316 с.

Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Наука, 1974. 368 с.

Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М. : РГГУ, 2007. 320 с.

Фролов В. И. Перевод с точки зрения теории речевой деятельности // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.). Выпуск 20. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 243–248.

Фролов В. И. Эквивалентность как психологическое качество перевода // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 4(820). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 269–276.

Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 214 с.

Яковлев А. А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск : СФУ, 2015. 158 с.

Chesterman A. (1997/2016) Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory (Revised edition). Amsterdam and Philadelphia : Benjamins.

Pym A. (2014) Exploring Translation Theories (2nd ed.). London / New York : Routledge.

Seleskovitch D. and Lederer M. (1984) Interpréter pour traduire. Paris: Didier.

Toury G. (1995/2012) Descriptive Translation Studies–and beyond (Revised edition). Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.

REFERENCES

Bakhtin M. M. (1986) The Problem of Speech Genres. In: Speech Genres and Other Late Essays. University of Texas Press.

Barkhudaov L. S. Yazyk i perevod [Language and Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.

Buzadzhi D. M. K voprosu op opredelenii ponyatiya “perevod” [On the definition of translation] // Mosty. 2(30). Moscow: R. Valent, 2011. pp. 44–55.

Chesterman A. (1997/2016) Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory (Revised edition). Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.

Frolov V. Perevod s tochki zreniya teorii rechevoy deyatel’nosti [Translation in terms of the theory of speech activity] // Yazykovoye bytiye cheloveka I etnosa. 15-e Berezenskiye chteniya. Vypusk 20. Moscow: INION RAN, 2018. pp. 243–248.

Frolov V. Ekvivalentnost’ kak psikhologicheskoye kachestvo perevoda [Equivalence as the translation’s psychological quality] // Vestnik MSLU. Gumanitarnye nauki. 4(820). Moscow, 2019. pp. 269–276

Komissarov V. N. Kognitivnye aspekty perevoda [Cognitive aspects of translation] / Perevodcheskiye issledoanitya: Izbranniye stat’i 1968-2005. Moscow : R. Valent, 2020. pp. 107–122.

Komissarov V. N. Teoriya perevoda (Lingvisticheskiye aspekty) [Transaltion theory (Linguistic aspects)]. Moscow : Vyshaya shkola, 1990.

Leont’ev A. A. Issledovaniya grammatiki [Studies of grammar] / Osnovy teorii rechevoy deyatel’nosti. Moscow : Nauka, 1974. pp. 161–187.

Leont’ev A. A. Psikholingvisticheskiye edinitsy I porozhdeniye rehevogo vyskazyvaniya [Psycholinguistic units and Speech generation]. Moscow, 2014.

Pym A. (2014) Exploring Translation Theories (2nd ed.). London/New York: *Routledge.*

Seleskovitch D. and Lederer M. (1984) Interpréter pour traduire. Paris: Didierю

Shveitser A. D. Teoriya perevoda: Status, Problemi, Aspekty [Translation studies: Status, problems and aspects]. Moscow: Nauka, 1988.

Toury G. (1995/2012) Descriptive Translation Studies–and beyond (Revised edition). Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.

Uspensky B. A. Ego Loquens: Yazyk i kommunikatsionnoye prostranstvo [Ego Loquens: Language and communication space]. Moscow : Russian State University for the Humanities, 2007.

Yakovlev A. A. Psikholingvisticheskie aspekty perevoda [Psycholinguistic aspects of translation]. Krasnoyarsk: SFU, 2015.

Zhinkin N. I. O kodovykh perekhodak vo vnutrenney rechi [On code shifts in inner speech] // Voprosy yazykoznaniya. 1964. #6. pp. 26–38.

Zimniaya I. A. Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel’nosti [Linguistic psychology of the speech activity]. Moscow: Psychological Social Institute, 2001.

УДК 81'139

А. И. Хлопова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: chlopova_anna@mail.ru

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ *ARBEIT / РАБОТА* ПО ДАННЫМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЧАТОВ

Основной целью статьи является исследование содержания базовой ценности Arbeit / работа в немецкоязычных чатах, в которых проявляется живой процесс изменения значения слова. Данные чатов верифицируются данными лексикографических источников и данными двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет в 2013 г. и в 2019 г. Установлено, что динамика базовой ценности *Arbeit / работа* проявляется в появлении новых признаков в текстах чатов. Самым важным признаком, который явно и скрыто проявляется в ассоциативном поле чатов, является зарплата, которая сама становится в ряд ценностей.

Ключевые слова: немецкоязычные чаты; ассоциативное поле; свободный ассоциативный эксперимент; динамика базовой ценности.

A. I. Khlopova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology
and Stylistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: chlopova_anna@mail.ru

DYNAMICS OF THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE BASIC VALUES "ARBEIT / WORK" ACCORDING TO THE DATA OF THE GERMAN ONLINE CHATS

The article analyzes German online forums to reveal the dynamic change in the content of the basic value "Arbeit / work" the way it is reflected in the meaning of the corresponding word. The received data are verified by the data of lexicographic sources and by the data of two free associative experiments held in 2013 and 2019 among German native speakers aged between 17 and 23. It is established that the dynamics of the basic value "Arbeit / work" is manifested in emergence of new associations, previously not registered, the most important of which is salary. It is concluded that frequently referred to in online forums, salary is becoming a value.

Key words: German online chats; associative field; free associative experiment; dynamics of the basic value.

CC BY

Введение

Ученые, занимающиеся изучением базовых ценностей, полагают, что они остаются устойчивыми на протяжении двух-трех поколений [Маслоу 1997; Рубинштейн 1997]. Но в постоянно меняющихся социокультурных условиях базовые ценности, составляющие ядро культуры, меняются быстрее, и проявляется это в изменении не только периферических, но и понятийных компонентов семантических полей лексем, номинирующих базовые ценности. То есть статус таких ценностей как базовых не меняется, но их содержательные компоненты иерархически перестраиваются; возможна также смена коннотации лексемы, называющей базовую ценность. В структуре психологического значения происходит семантический сдвиг. И хотя пути развития такого сдвига могут быть принципиально разными, наиболее психологически актуальные компоненты, отраженные в системе частотных ассоциатов, с течением времени располагаются все ближе к ядру значения. Периферические значения, которые раньше были неактуальными, становятся актуальными. При этом лексикографические источники не фиксируют и не могут зафиксировать эту динамику. Поэтому для определения психологически актуального содержания базовой ценности *Arbeit* / *работа* и обнаружения закономерностей динамики ее содержания мы обращаемся к результатам проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) и к их сопоставлению с данными немецкоязычных чатов.

Интернет-чаты – это средство обмена сообщениями в режиме реального времени. По мнению Е. А. Подгорной и К. А. Демиденко, чат «является гибридным жанром между устной и письменной речью, совершенно новым видом речевой деятельности, для которой характерен опосредованный компьютером синтетический тип устно-письменной коммуникации, дополненный особенностями электронного канала передачи сообщений» [Подгорная, Демиденко URL].

В чатах всегда обсуждаются актуальные проблемы, важные для пользователей Интернета, поэтому и вопросы, связанные с базовыми ценностями, часто возникают именно в чатах и обсуждаются здесь представителями разных поколений, но чаще молодежи.

Динамика значения ценности может по-разному проявляться в разных речевых актах. Естественно, в литературной речи она проявляется реже, в чатах – чаще, так как чаты являются наиболее

спонтанным речевым актом. Это самая динамичная форма обыденной речи, в которой проявляются тенденции в изменении значения слов. Для верификации нашей гипотезы об изменении значения ценности мы сравниваем различные речевые акты. Если динамика подтверждается в разных речевых актах, то можно говорить об изменении содержания ценности. При этом отметим, что в разных речевых актах скорость изменения содержания ценности может проявляться по-разному. Однако язык имеет общие тенденции к изменению. Ранее нами было установлено, что динамика значения слова начинается с изменения эмоционально-оценочного компонента [Хлопова 2018].

1. Определение семантического поля *Arbeit / работа*

Объектом нашего исследования является базовая ценность *Arbeit / работа*. На основе анализа лексемы *Arbeit / работа* с опорой на дефиниции, представленные в толковых словарях немецкого языка [DUDEN URL; WAHRIG 2011; Agricola 2012], были установлены ядерные и периферийные элементы ее значения; ядерными являются [Хлопова 2018]:

(1) *Anstrengung* / *напряжение*;
(2) *körperliche und geistliche Tätigkeit* / *физическая или умственная деятельность*;
(3) *Produkt / продукт*;
(4) *Gemachte* / *сделанное*;
(5) *Werk* / *произведение*;
(6) *Beruf* / *профессия*.

2. Сопоставление результатов двух ассоциативных экспериментов

Для моделирования ассоциативного поля мы использовали данные свободного АЭ, который проводился в г. Фрайбурге, г. Берлине, г. Фехте. Респонденты – студенты в возрасте от 17 до 23 лет. Чтобы выявить некоторую динамику в ассоциативном поле (далее – АП), сравним сведения 2019 г. с уже проанализированными данными 2013 г. [Хлопова 2018]. В 2013 г. на слово-стимул *Arbeit* / *работа* было получено 530 реакций. Методом случайной выборки было отобрано 100 реакций для релевантного сравнения с реакциями, полученными в 2019 г. Классифицируем полученные реакции в соответствии с избранной моделью [Пищальникова 2007] и распределим их внутри АП

в соответствии с актуальными признаками, составляющими семантическую структуру лексемы *Arbeit* / *работа*:

- ‘зарплата’ (*Gehalt* / зарплата (13), *Geld* / деньги (10) – 23);
- ‘карьера’ (*Erfolg* / успех (8), *Karriere* / карьера (2), *Chance* / шанс (2) – 14);
- ‘отношение к работе как к виду деятельности’:
  – положительные эмоционально-оценочные реакции (*Spaß* / удовольствие (10), *Vergnügen* / удовольствие – 11);
  – отрицательные эмоционально-оценочные реакции (*Schwierigkeiten* / трудности, *Qual* / мучение, *schrecklich* / ужасно, *langweilig* / скучно – 4);
  – представления (*Verantwortung* / ответственность (8), *früh aufstehen* / рано вставать – 9);
  – понятия (*Hobby* / хобби – 11);

Всего: 36;

- ‘социальный компонент, обусловливающий работу’ (*Arbeitslosigkeit* / безработица – 14);
- ‘место работы’ (*Büro* / бюро – 7);
- ‘социальная значимость работы’ (*Gesellschaft* / общество (3), *Freiheit* / свобода, *Proletariat* / пролетариат – 18);
- ‘феминизм’ (*Femininum* / женский род – 1).

Обратимся к данным 2019 г.:

- ‘зарплата’ (*Geld verdienen* ‘зарабатывать деньги’ 5, *Einkommen* ‘доход’ 5, *Mindestlohn* ‘минимальная оплата труда’, *eine ordentliche Entlohnung* ‘соответствующая оплата’ – 12);
- ‘карьера’ (*Vorschuss* ‘продвижение’ 3, *Beförderung* ‘повышение по службе’ 3, *Aufstiegschancen* ‘возможности развития’, *seriös wirken* ‘казаться солидным’ – 8);
- ‘отношение к работе как виду рабочей деятельности’:
  – положительные эмоционально-оценочные реакции (*Kreativität* ‘креатив’, *Leidenschaft* ‘страсть’ – 2);
  – отрицательные эмоционально-оценочные реакции (*stressig* ‘напряженный’ 5, *Stress* ‘большое количество работы’ 5, *anstrengend* ‘напряженно’, *nervig* ‘нервный’, *Scheiße* ‘дерьмо’, *zeitintensiv* ‘отнимающий много времени’ – 14);
  – представления (*Zeitdruck* ‘нехватка времени’ 4, *zufrieden sein* ‘быть довольным’, *eifrig* ‘усердно’, *etwas Wichtiges tun*

‘делать что-то важное’, *Lohnungerechtigkeit* ‘несправедливость в зарплате’, *erst die Arbeit, dann das Vergnügen* ‘делу время, потехе час’ – 9);

Всего: 25;

- ‘социальный компонент, обусловливающий работу’ (*Urlaub* ‘отпуск’ 4, *Arbeitserlaubnis* ‘разрешение на работу’, *Arbeitslosenversicherung* ‘страхование на случай безработицы’, *Arbeitszeitkonto* ‘личный счет рабочего времени’, *Mittagspause* ‘перерыв на обед’, *Personenabteilung* ‘отдел кадров’, *Produktionsprozess* ‘производственный процесс’, *Sozialversicherung* ‘социальное страхование’, *Schichtarbeit* ‘сменная работа’, *viele Bewerbungen schreiben* ‘писать большое количество заявлений о приеме на работу’*, er hat seine Stelle gewechselt* ‘он сменил место работы’, *ihm wurde gekündigt* ‘его уволили’, *Stellanzeigen in der Zeitung lesen* ‘читать в газете объявления о приеме на работу’ – 16);
- ‘место работы’ (*Büro* ‘бюро’ – 1);
- ‘социальная значимость работы’ (*Team* ‘команда’ (8), *Arbeitsklasse* ‘рабочий класс’, *Gewerkschaften* ‘профсоюзы’, *Kaffee* ‘кофе’, *Kollegen* ‘коллеги’, *Kommunikation* ‘коммуникация’, *Organisation* ‘организация’, *internationales Team* ‘международная команда’, *Teamgeist* ‘командный дух’ – 18);
- ‘временная форма работы’ (*Berufsverkehr* ‘часы пик’, *früh aufstehen* ‘рано вставать’, *Feierabend* ‘конец рабочего дня’, *täglich* ‘каждый день’, *Tag* ‘день’, *Termin* ‘срок’, *Überstunden* ‘сверхурочные часы’, *ununterbrochene Tätigkeit* ‘непрерывная деятельность’, *7-17 arbeiten* ‘работать с 7 до 17’ – 9);
- ‘сфера рабочей деятельности’ (*Kunde* ‘клиент’, *Marketing* ‘маркетинг’, *Meeting* ‘встреча’ – 3);
- ‘перенос на какой-либо вид деятельности’ (*Computer* ‘компьютер’, *Excel* ‘эксель’, *Krawatte aussuchen* ‘выбирать галстук’ – 3);
- ‘способ выполнения рабочей деятельности’ (*Freiberufler* ‘фрилансер’ – 1).

Реакции, соответствующие признаку «отношение к работе как к виду деятельности», преобладали в 2013 г. (36 %) и составляли четверть всех реакций в 2019 г. (25 %). Среди реакций, репрезентирующих выделенный признак, выделены эмоционально-оценочные, положительные и отрицательные, реакции-представления и понятия.

Реакции, отражающие признак «зарплата», составлял в 2013 г. около четверти от общего количества ассоциатов (23 %). В 2019 г. количество реакций, отражающих этот признак, уменьшилось и составило 12 % от общего количества. Можно предположить, что опрошенная группа респондентов 2019 г. уделяет меньше внимания материальному аспекту работы, чем респонденты 2013 г.

Важно отметить, что экспериментальные данные показывают резкое изменение коннотации эмоциональных реакций с положительной в 2013 г. на отрицательную в 2019 г.: положительных реакций в 2013 г. – 11, в 2019 г. – 2; отрицательных реакции в 2013 г. – 4, в 2019 г. – 14. Такое резкое изменение коннотации свидетельствует о начале изменения смысловой структуры ценности.

Признак «место работы» отмечен в реакциях 2013 г. и 2019 г., но в 2013 г. этот признак был частотным, а в 2019 г. отмечен единичный ассоциат, представляющий этот признак.

Признак «карьера» выделен среди реакций 2013 г. и 2019 г. Реакции 2013 г., отражающие признак «социальная значимость работы», количественно совпадают с реакциями 2019 г. Другие признаки: «сфера рабочей деятельности», «вид рабочей деятельности», «способ выполнения рабочей деятельности», «временная форма работы» – выделены только в ассоциативном поле 2019 г.

3. Установление содержания базовой ценности *Arbeit / работа* на основе немецкоязычных чатов

Мы полагаем, что при всей объективности АЭ полученные данные должны быть верифицированы. По мнению В. А. Пищальниковой, использование в психолингвистическом исследовании нескольких видов экспериментов способствует взаимной верификации их результатов и обеспечивает надежность и достоверность сделанных выводов [Пищальникова 2007, с. 117].

Мы предлагаем верифицировать данные, полученные на основе АЭ, материалом немецких чатов, отражающими психологически актуальную речевую деятельность [Deutsche verbringen immer mehr Zeit mit Arbeit URL, Weniger Work, mehr Life: 30-Stunden-Woche ahoi! URL]. Всего было проанализировано 100 контекстов, но поскольку из-за ограниченного объёма статьи невозможно представить все контексты, мы приведем наиболее яркие примеры, репрезентирующие как признаки, выявленные в АЭ, так и дополнительные.

Основные темы, которые обсуждают участники немецких чатов, посвящены заработной плате, безработице, отсутствию свободного времени, сложностям, которые связаны с работой на себя и плохими условиями работы.

Анализ чатов позволяет выделить признаки, которые актуализируют семантические компоненты понятия *Arbeit / работа*:

Работа – зарплата
(26 контекстов):

Es ist doch alles superteuer geworden. Der Lohn ist nicht gestiegen. – *Всё стало супердорого. Зарплата не выросла*.

Die Lebenshaltungskosten steigen unaufhaltsam, aber die Löhne nicht. – *Стоимость жизни неудержимо растет, только зарплаты нет*.

Der Mensch darf sich nicht ausbeuten lassen durch Zeitarbeit, Niedriglöhne, fehlenden Arbeitsschutz und unbezahlten Überstunden. – *Человек не должен давать эксплуатировать себя временной работой, низкой зарплатой, отсутствием социальной защищенности и неоплачиваемых переработок*.

Признак «зарплата» проявляется практически в каждой реплике чатов. Обсуждение любой темы, так или иначе связанной с работой, заканчивается обсуждением зарплаты: работа – только повод к разговору о своих потребностях и желательном количестве денег; качество работы при этом не анализируется.

Пользователи часто актуализируют несоответствие между усилиями, затраченными на работу, и низкой зарплатой. Самые актуальные признаки работы, реализуемые в чатах: «зарплата растет» / «зарплата не растет», что свидетельствует о зарплате как самостоятельной ценности, практически не осознаваемой как результат работы. В чатах усиливается оценочное отношение к признаку «зарплата», что, как было нами отмечено в предыдущих исследованиях, может говорить о начинающемся изменении семантической структуры базовой ценности *Arbeit* / *работа*.

Обратимся к другим признакам, характеризующим ценность «работа» в чатах.

Самозанятость
(18 контекстов):

Das Thema Scheinselbständigkeit schlägt dem Fass echt den Boden aus. – *Тема кажущейся самостоятельности пробила в бочке дно*.

Wild – *Дико*.

Papierkramm. – *Бумажная волокита*.

Selbständigkeit ist politisch auch nicht gewollt! – *Самозанятость также политически не желаема*.

Wer einmal selbständig war und ist weiß wie hoch die Hürden sind. – *Тот, кто однажды был самозанятым или сейчас самозанятый, тот знает, насколько высоки преграды*.

Wild. – *Дико*.

Признак «самозанятость» актуализирует самостоятельность, независимость от начальства, проявление творческих и организаторских способностей. Понятие *самозанятость* не предполагает какой-либо оценки. Однако пользователи чатов характеризуют условия самозанятости как *дикие*, связанные с различными препятствиями и преградами: *расходы на мед. страхование*, *бумажная волокита*, *налоги*, *закон*, *дикость*, *политика*. Таким образом, понятийный компонент признака развивает эмоционально-оценочное значение.

Бюрократизация работы
(12 контекстов):

Die Menschen verbringen anscheinend nicht genug Zeit mit unsinnigen Dokumentationen. Und dann wundert man sich, warum der Gründergeist verloren ging... Wir haben keine Zeit für Visionäres, wir müssen Stunden aufschreiben. – *Такое ощущение, что люди тратят недостаточно времени на бессмысленную документацию. И тогда возникает вопрос, почему желание творить утеряно <...>. У нас нет времени для того, чтобы творить, мы должны записывать часы*.

Bei solchen Methoden kann man zwar Anwesenheit aber keine Leistung messen. – *Такими методами можно измерить присутствие, но не результат*.

Also werde ich bestraft, wenn ich meine Arbeit schneller mache. Gut für langsam arbeitende. – *Значит, меня будут штрафовать, если я сделаю свою работу быстрее. Хорошо для тех, кто медленно работает*.

Признак «бюрократизация» закономерно сопровождается отрицательными характеристиками: *недовольство, отсутствие результата, не стоит ничего, нет времени, боль, глупость, ограничения, политика, бумажная волокита, налоги, закон.*

Интенсификация труда
(7 контекстов):

Immer weniger Arbeitnehmer müssen immer mehr Leistung bringen und jene Ex-Kollegen mitfinanzieren, welche wegrationalisiert warden. – *Все меньше работников должны выполнять все больше работы и софинансировать бывших коллег, которых рациональности ради сократили*.

Dabei beginnt mein Tag morgens um 6 Uhr und ist vom Augenblick des Weckerklingelns an komplett fremd bestimmt; Kinder, Chef, Kunden, wieder Kinder... meine Freizeit beginnt abends gegen 21 Uhr und endet i.d.R. damit, dass ich nach einer halben Stunde eingeschlafen bin. Ob ich etwas optimieren könnte... ich habe da doch milde Zweifel. – *Мой день начинается в 6 часов утра и далек от того момента, когда зазвонит будильник; дети, шеф, клиенты, снова дети ... мое свободное время начинается в 9 вечера и заканчивается там же. Потому что я засыпаю через полчаса. Могу ли я что-то оптимизировать. Что-то я сомневаюсь*.

Признак «интенсификация труда» актуализирует следующие семантические признаки: *много работы*, *нет оптимизации*, *справляться*, *важно*, *нет времени*, которые указывают на нехватку времени из-за большого объема работы, на невозможность ее выполнения. При этом можно выделить положительный признак *важно*, который указывает на социальную значимость работы.

Отношение к работе как виду деятельности
(21 контекст):

– «всемогущий шеф»:

Abhängig von einem Chef. – *Зависимый от шефа*.
Weltfremde Verordnungen. – *Распоряжения не от мира сего*.
Spielball der großen Kräfte. – *Игра в мяч всемогущих*.

– «обман»:

Typisch deutsche Lüge und die allgemeine Gleichgültigkeit lassen meinen Blutdruck steigen. Ich komme mir vor wie im Irrenhaus. – *Типично немецкая ложь и всеобщее безразличие повышают мое давление. Мне кажется, я в сумасшедшем доме*.

– «эксплуатация»:

Der Mensch darf sich nicht ausbeuten lassen durch Zeitarbeit, Niedriglöhne, fehlenden Arbeitsschutz und unbezahlten Überstunden. – *Человек*

не должен давать эксплуатировать себя временной работой, низкой зарплатой, отсутствием социальной защищенности и неоплачиваемых переработок.

– «жалобы»:

Wer will das Gejammer groß hören :-) ? – *Кто еще хочет послушать жалобы?*

– «угрозы»:

Oftmals ist die Wahrheit die, dass schon der Versuch eine Auskunft einzuholen die Kündigung droht. – *Часто правда в том, что даже попытка получить информацию грозит сокращением.*

– «трусость»:

Mitarbeiter als Kollektiv sind viel zu feige, gemeinsam Lohnerhöhungen durchzusetzen. – *Как коллектив сотрудники слишком трусливы, чтобы вместе пробивать повышение зарплаты.*

– «система»:

Völlig krankes System. Entweder man macht den Job oder man erzieht Kinder. Das Problem unserer Gesellschaft ist, dass man beides machen muss, um über die Runden zu kommen. – *Полностью больная система. Либо вы делаете работу, либо воспитываете детей. Проблема нашего общества заключается в том, что нужно делать и то, и то, чтобы свести концы с концами.*

Во всех приведенных выше контекстах признаки, связанные с работой, содержат отрицательную коннотацию: *угрозы, трусость, страх, эксплуатация, нарушение достоинства, жалобы* и т. д. Отметим компонент *типично немецкая ложь*, указывающий на устойчивость ассоциативной связи «работа – обман».

Феминизм
(7 контекстов):

Die Wahrheit ist: die männlichen Kollegen bekommen nicht 200€ sondern 800€ netto mehr. – *Правда такова: Коллеги-мужчины получают не 200 евро, а 800 евро.*

Auch wenn es eigentlich nicht erlaubt war über Gehälter zu sprechen, war mir das ziemlich egal. Und durfte dann feststellen, dass unser Vorstand keinen

Unterschied zwischen Männern und Frauen gemacht hat. – *Хотя говорить о зарплатах было запрещено, мне было все равно. И тогда я смог установить, что наше руководство не делает никакого различия между мужчинами и женщинами*.

В чатах обсуждается, с одной стороны, несправедливое отношение к женщинам на работе: женщинам урезают зарплату, не повышают в должности. Однако, согласно другим мнениям пользователей чатов, руководство не делает различий между мужчинами и женщинами, а различия в зарплате не зависят от гендерного фактора.

Социальная значимость работы
(9 контекстов):

Soziale Kontakte sind mir sehr wichtig. – *Для меня важны социальные контакты*.

Wenn zu Hause keine Frau und Kind auf einen warten, ist man richtig froh, auf Arbeit unter Leute zu kommen und einen Job zu haben. – *Если дома тебя не ждут жена и ребенок, то ты радуешься, что ты на работе среди людей и, что у тебя есть*.

Arbeit ist wichtig für die Psyche unserer Männer. – *Работа важна для психологии мужчин*.

Заключение

Сопоставим семантическое поле (далее – СП) и три АП *Arbeit* / *работа* (на основе двух АЭ и анализа немецких чатов).

Таблица 1

Признаки базовой ценности *Arbeit* / *работа* (в %)

Признак	СП	АП (АЭ 2013 г.)	АП (АЭ 2019 г.)	АП (чаты)
Отношение к работе как виду деятельности	–	36	26	21
Зарплата	–	23	12	26
Социальная значимость работы	–	18	18	9
Социальный компонент, обусловливающий работу	–	14	16	18

Признак	СП	АП (АЭ 2013 г.)	АП (АЭ 2019 г.)	АП (чаты)
Карьера	–	14	8	–
Место работы	–	7	1	–
Феминизм	–	1	–	7
Самозанятость	–	–	–	18
Напряжение	16	–	–	–
Физическая и умственная деятельность	16	–	–	–
Сделанное	16	–	–	–
Произведение	16	–	–	–
Профессия	16	–	–	–
Продукт	16	–	–	–
Временная форма работы	–	–	10	–
Бюрократизация	–	–	–	12
Интенсификация труда	–	–	–	7
Сфера рабочей деятельности	–	–	3	–
Перенос на какой-либо вид деятельности	–	–	3	–
Способ выполнения рабочей деятельности	–	–	1	–

Из таблицы видно, что, по сравнению с семантическим полем, в ассоциативных полях выделяются иные признаки, характеризующие работу как деятельность. Признаки, выделенные в АП *работа* и в материале чатов, не совпадают с признаками работы, представленными в лексикографических источниках.

Ядро ассоциативных полей совпадает по количеству признаков и по их составу, но отличается по их содержанию и иерархии. В АП, смоделированном в 2013 г., представлены признаки «отношение к работе как виду деятельности», «зарплата», «социальная значимость работы», «социальный компонент, обусловливающий работу», «карьера».

В АП, смоделированном в 2019 г., представлены признаки «отношение к работе как виду деятельности», «социальная значимость работы» и «социальный компонент, обусловливающий работу», «зарплата», «временная форма работы», в АП, смоделированном на основе чатов, «зарплата», «отношение к работе как виду деятельности», «самозанятость», «бюрократизация», «социальная значимость работы».

Во всех трех ассоциативных полях в ядерные входят признаки «отношение к работе как виду деятельности», «зарплата», «социальная значимость работы», причем в АЭ 2013 г. и в АЭ 2019 г. признак «отношение к работе как виду деятельности» доминирует, а в чатах занимает вторую позицию.

В чатах доминирует признак «зарплата». Зарплата не просто связана устойчивой ассоциативной связью с ценностью *Arbeit* / *работа*, она сама становится ценностью, более важной, чем работа. Признаки «карьера» и «социальный компонент, обусловливающий работу» в чатах не проявились, но появились новые признаки, не выделенные в семантическом и ассоциативных полях: «самозанятость», «бюрократизация», «интенсификация труда», «феминизм».

Таким образом, динамика базовой ценности *Arbeit* / *работа* по данным АЭ и чатов обнаруживается в появлении новых признаков, не отмеченных в семантическом поле *Arbeit* / *работа*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А. М. Татлыдаевой ; науч. 8. ред. Н. Н. Акулиной. СПб. : Евразия, 1997. 430 с.

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики : Курс лекций : в 2 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2007. 228 с.

Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // Концепт. 2014. № 09 (сентябрь). ART 14254. 0,5 п. л. URL : e-koncept.ru/2014/14254.htm. Гос. рег. Эл № ФС 7749965. ISSN 2304-120X (дата обращения: 23.12.2019).

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М. : Наука, 1997. 713 с.

Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 213 с.

Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 2012. 818 S.

Deutsche verbringen immer mehr Zeit mit Arbeit. URL : www.spiegel.de/karriere/statistisches-bundesamt-die-deutschen-arbeiten-immer-mehr-a-1050139.html (дата обращения: 17.01.2020).

DUDEN. Universalwörterbuch. URL : www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (дата обращения: 19.04.2019).

Weniger Work, mehr Life : 30-Stunden-Woche ahoi! URL : www.karriere.de/blog/30-stunden-woche-arbeitstitel.html (дата обращения: 17.01.2020).

Wahrig-Burfeind R. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. Brockhaus, 2011. 1730 S.

REFERENCES

Maslou A. G. Dal‘nie predely chelovecheskoj psihiki / per. s angl. A. M. Tatlydaevoj ; nauch. 8. red. N. N. Akulinoj. SPb. : Evrazija, 1997. 430 s.

Pishhal‘nikova V. A. Istorija i teorija psiholingvistiki : Kurs lekcij : v 2 ch. Ch. 2. Jetnopsiholingvistika. M. : Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2007. 228 s.

Podgornaja E. A., Demidenko K. A. Lingvisticheskie harakteristiki internet-chatov kak vida kommunikacii // Koncept. 2014. № 09 (sentjabr‘). ART 14254. 0,5 p. l. URL : e-koncept.ru/2014/14254.htm. Gos. reg. Jel № FS 7749965. – ISSN 2304-120X (data obrashhenija: 23.12.2019).

Rubinshtejn S. L. Chelovek i mir. M. : Nauka, 1997. 713 s.

Hlopova A. I. Verbal‘naja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej : dis. … kand. filol. nauk. M., 2018. 213 s.

Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 2012. 818 S.

Deutsche verbringen immer mehr Zeit mit Arbeit. URL : www.spiegel.de/karriere/statistisches-bundesamt-die-deutschen-arbeiten-immer-mehr-a-1050139.html (data obrashhenija: 17.01.2020).

DUDEN. Universalwörterbuch. URL : www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (data obrashhenija: 19.04.2019).

Weniger Work, mehr Life : 30-Stunden-Woche ahoi! URL : www.karriere.de/blog/30-stunden-woche-arbeitstitel.html (data obrashhenija: 17.01.2020).

Wahrig-Burfeind R. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. Brockhaus, 2011. 1730 S.

УДК 81'282.4

С. С. Скорвид

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований
Института филологии и истории РГГУ; e-mail: slavcenteur@gmail.com

РУССКИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ В ЧЕШСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В статье на материале островных чешских говоров на Северном Кавказе и в Западной Сибири, находившихся в длительном контакте с русским языком и испытавших его влияние на разных уровнях языковой системы, обсуждаются проблемы, связанные с вычленением в них русских семантических калек, в первую очередь – с разграничением калек и адаптированных заимствований. В значительной мере эти проблемы порождает изначально близкое родство русского языка и чешских говоров как славянских. Автор намечает пути их решения с учетом разных аспектов создания калек, включая отражаемые ими изменения в языковой картине мира двуязычных носителей изучаемых чешских идиомов.

Ключевые слова: чешские говоры в России; языковой контакт; семантические кальки; адаптированные заимствования; языковая картина мира.

S. S. Skorvid

PhD (Philology), Associate Professor;
Chief of the Slavic and Central European Studies Department of the Institute
for History and Philology, Russian State University for the Humanities (Moscow);
e-mail: slavcenteur@gmail.com

RUSSIAN SEMANTIC CALQUES IN THE CZECH IMMIGRANT DIALECTS OF RUSSIA

The paper reports on a study of insular Czech dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia that have been influenced by Russian at different system levels as a result of a long-standing contact with this language. The author discusses problems of identifying Russian semantic calques in Czech dialects and pays special attention to differentiating calques and adapted borrowings. These difficulties appear to be rooted in the close affinity of the Russian language and Czech dialects,

which have a common Slavic origin. The article offers approaches to solving these problems by examining various aspects of calque formation, including the fact that this process reflects shifts in the linguistic worldview of bilingual users of the studied Czech dialects.

Key words: Czech dialects in Russia; language contact; semantic and lexical calques; adapted borrowings; linguistic worldview.

Введение

В 2017 г. в МГЛУ была защищена кандидатская диссертация М. А. Елизарьевой «Лексическое и семантическое калькирование как фактор формирования языковой картины мира (на примере немецко-чешского языкового контакта)», которая легла в основу ее монографии [Елизарьева 2019]. Подход исследовательницы, рассматривавшей важный аспект устройства лексико-семантической системы современного чешского языка через призму его многовековых контактов с немецким, показался автору этих строк весьма плодотворным и заслуживающим применения к описанию последствий иного, пусть менее продолжительного, но актуального по сей день контакта ряда периферийных форм существования чешского языка с русским. Речь идет о говорах чешских переселенческих диаспор, довольно широко распространенных на территории России во второй половине XIX и начале XX вв., а в настоящее время представленных лишь несколькими «островками» на Северном Кавказе и одним – в Западной Сибири.

Начатое всего десять лет назад, когда названные говоры оказались на грани исчезновения, изучение этих идиомов сосредоточилось прежде всего на установлении их генезиса по ряду признаков, относящихся к фонетико-фонологическому, грамматическому и в меньшей степени – лексическому уровню [Скорвид 2014; Поляков 2014; Скорвид 2016; Skorvid 2017; Ананьева, Скорвид 2018]. В итоге было выявлено разное происхождение двух групп островных чешских диалектов на Северном Кавказе, с одной стороны, и в Сибири – с другой:

а) говоры сел Кирилловка под Новороссийском, Варваровка под Анапой и Тешебс под Геленджиком (последний дошел до наших дней уже лишь в виде идиолекта единственной носительницы 1926 г. р., а первые два насчитывают по 5–6 активных носителей в возрасте от 60 до 95 лет) возводятся к южночешским или, шире, юго-западночешским диалектам;

б) говоры села Анастасиевка под Туапсе и хутора Мамацев под Майкопом в Республике Адыгея (с аналогичным количеством носителей того же возраста), а также сел Новоградка, Воскресенка и Репинка в Омской обл. Сибири (около 25 носителей в возрасте от 60 лет) восходят к восточночешским или, шире, северо-восточночешским диалектам.

При этом в противоположность северокавказским чешским говорам, формировавшимся с конца 1860-х гг., западносибирский говор возник в начале XX в. вследствие вторичной миграции части жителей поселения Чехоград, ныне – Новгородковка (укр. Новгородківка) в Мелитопольском р-не Запорожской обл. Украины. Вероятно, прибытие переселенцев из Восточной Чехии по меньшей мере еще в два района Северного Кавказа представляло собой часть большого потока колонизации, которая охватила всю территорию Украины, начавшись на Волыни и распространяясь на юг и юго-восток. Вдоль Черноморского побережья Северного Кавказа между Анапой и Геленджиком, напротив, селились представители другой волны чешских колонистов.

В ходе исследования указанных говоров обращалось внимание также на последствия их взаимодействия с русским языком, в первую очередь опять-таки на фонетико-фонологическом и грамматическом уровнях. В лексике констатировалось присутствие в этих идиомах многочисленных заимствований из русского языка окружения. Был сделан вывод, что «в настоящее время практически весь запас лексических единиц, известных российским чехам из региональных устных или из более “высоких” форм существования русского языка, вместе с их сочетаемостью вплоть до построения фраз и нередко с сохранением их русского фонетического облика и грамматического оформления, является неотъемлемой составной частью того или иного говора» [Ананьева, Скорвид 2018, с. 296]. В данной статье предметом рассмотрения будут не прямые заимствования, а семантические кальки – новые значения давних, ранее существовавших в говоре слов, развившиеся под влиянием семантики их русских когнатов.

Сразу же оговоримся, что феномен семантического калькирования в изучаемых говорах бывает непросто с достаточной надежностью отличить от адаптации заимствований, т. е. от фонетического и грамматического приспособления единиц, усвоенных из русского языка-«донора», к системе идиома-реципиента. Причина тому – тесное родство чешского

и русского языков, наличие в них множества близких, хотя по структуре значений не обязательно совпадающих слов либо образований от общих корней, опирающихся на схожий репертуар аффиксальных морфем. Это позволяет двуязычным диалектоносителям без труда воспользоваться механизмом «пересчета» и прибегнуть к заимствованию, в результате чего в говор может войти русская лексема, омонимичная исконно чешской, но с другим (русским) значением. В дальнейшем мы, анализируя конкретный материал чешских говоров в России, попытаемся установить, возможно ли – и на основе каких критериев – выявить в них русские семантические кальки, отделив их от адаптированных заимствований. Вслед за М. А. Елизарьевой мы также зададимся вопросом, в какой степени такие кальки отражают изменения в языковой картине мира (далее – ЯКМ) носителей исследуемых идиомов, произошедшие на протяжении последних 100–150 лет.

Поскольку набор русских калек в разных группах этих идиомов не вполне совпадает, приводимые ниже – в фонетической записи – примеры сопровождаются сокращениями, указывающими на то, почерпнуты ли они из северокавказского чешского говора Кирилловки под Новороссийском (СКЧк), Варваровки под Анапой (СКЧв), Анастасиевки под Туапсе (СКЧа) или из западносибирского чешского говора в Омской обл. (ЗСЧ). Всем этим переселенческим говорам противополагается современный чешский язык метрополии (ЧМ).

Субстантивные кальки: *виноград*, *дерево*, *зерно* и др.

Для вывода о том, что та или иная лексема в островном чешском говоре представляет семантическую кальку соответствующей ей русской, следует прежде всего убедиться, что данная лексема известна говору также в исконно чешском значении; тогда появление у нее значения, присущего русскому когнату, можно отнести за счет семантического калькирования. Иногда, однако, даже в таких случаях остается спорным, не идет ли речь, скорее, об адаптации лексического заимствования. Рассмотрим типичный пример.

Чешское слово *vinohrad* имеет значение ‘виноградник’; синонимом его является слово *vinice*. В значении рус. *виноград* в ЧМ употребляется полисемичное слово *víno*, обозначающее также ‘вино’. Все три лексемы в исконно чешских значениях зафиксированы в СКЧк и СКЧв:

(1) *každej mn'el svúj plán a vin'ice / tadi bilo hodn'e vinohradú // za čehunkou bili <...> tadi bili vinohradi / múj táta mn'el taki tadi vinohrát* ‘у каждого был свой надел и виноградники... здесь было много виноградников – за чугункой были <...> тут были виноградники, у моего папы тут тоже был виноградник’;

(2) *tam jenom víno / a neš vono uzr'aje / než ho vimačkají / než ho prodají* ‘там один виноград, и пока-то он созреет, пока его подавят, пока продадут...’.

В примере (1), кроме трижды употребленной в чешском значении лексемы *vinohrad* в формах мн. и ед. ч. (в последнем случае – с вторичным продлением гласного в слоге, который является ударным в рус. *виноград*), заслуживают внимания еще два русизма: укоренившееся в СКЧк старое народное название железной дороги *чугунка* (здесь – с диссимиляцией гласного в начальном слоге относительно последующего) и иноязычный по происхождению официальный термин времен межевания земли *план* ‘земельный участок’, поныне известный русским диалектам [СРНГ 27, с. 80]. Европеизм Нового времени со значениями от ‘чертеж’ до ‘намерение’, следует думать, не входил в словарный запас крестьян-переселенцев XIX в., но был ими усвоен из русского языка той поры, а в других значениях – их потомками в советский период, несомненно, в качестве омонима более раннего русизма.

Иное толкование кажется более точным в отношении воспринятого северокавказскими чехами из русского языка значения слова *vinohrad*:

(3) *ďedoušek umřel f štiricátím roku <...> vinohrát uš mu uzrál <...> a potom mu ho komun''isti vzali <...> ďeda mn'el vinohrat nu vejš než do stropu <...> a za ti časi kolik von'i ho drželi / von'i takovíhle křički bili / uš to an'i vinohrat nedávalo* ‘дед умер в 40-м году... виноград у него уже созрел... а потом его коммунисты забрали... виноград у деда был выше потолка... а пока коммунисты его держали, там были вот такие кустики, они уже и винограда-то не давали’ (СКЧк);

(4) *jakí mn'eli pjekní vinohradí / takoví dobrí sortá // šašla / pedro // teť to nevipouščej* ‘какой у них был хороший виноград... такие хорошие сорта: шасла, педро, теперь таких (вин) не выпускают’ (СКЧк).

В примере (3) слово *vinohrad*, вначале произнесенное с продлением гласного в слоге, который является ударным в рус. *виноград*,

обозначает растение и его плоды. В примере (4) интересно употребление формы мн. ч. *vinohradí* (с фразовым продлением флексии) в значении «сорт винограда», что возможно для чеш. *víno*, но не рус. *виноград*. Всё это дает основания сделать вывод, что в СКЧк произошло расширение семантики исконной лексемы *vinohrad* под влиянием русского когната, то есть семантическое калькирование.

В заключение отметим, что семантическое соотношение исконно чешских лексем *víno* и *vinohrad* сопоставимо с соотношением нем. *Wein* и *Weingarten*. Разумеется, нельзя с полной уверенностью утверждать, что именование растения, его плодов и напитка из них одним словом, а места выращивания этой культуры – другим, сложным с ним, представляет собой проявление давнего контакта чешского языка с немецким и отражение общего для них языкового членения данного фрагмента действительности (ЯКМ). Следует отметить, что в тех же значениях, что нем. *Wein* и чеш. *víno*, употреблялась лексема *вино* еще в старославянском языке, где вместе с тем у композита *виноградъ* наблюдается развитие наряду с первичным, складывающимся из значений компонентов, также вторичного значения, совпадающего с современным русским. Независимо от этого подобное же развитие в северокавказских чешских говорах с очевидностью явилось результатом контакта этих идиомов с русским языком и усвоения их носителей элемента русской ЯКМ.

Аналогичное развитие под русским влиянием претерпела в чешских говорах на Северном Кавказе семантика существительных *les* и *dřevo*. Первое в ЧМ имеет значение ‘множество деревьев’, а второе – ‘древесина’. Эта семантическая дифференциация является довольно поздней и может быть объяснена контактом чешского языка с немецким и воздействием соответствующего элемента немецкой ЯКМ (ср. нем. *Wald* и *Holz*): в древнечешском языке XIV–XV вв. у первого слова зафиксировано также значение «древесина», а у второго – значение «(отдельно стоящее) дерево», которое впоследствии закрепилось уже только за его давним синонимом *strom*. В северокавказских чешских говорах произошел частичный возврат к древнечешской ситуации – без сомнения, в результате калькирования семантической структуры русских лексем *лес* и *дерево*:

(5) *aha / nařezávali // liďi mn’eli i <u>les</u> svúj i mn’eli tadi pole <...> stavjeli si domi / nu a stavjeli si moʒ dlouho <...> nemn’eli pen’íze anebo třebas*

les nebo neco // nevim ‘так вот, нарезáли (землю), и у людей был свой лес и поле ... строили дома, но очень долго – не было денег или, может, леса, или еще чего-то, не знаю’ (СКЧк);

(6) *tadi máte kamen / budete brát / tadi dřevo budete brát / zemn’e budete i vinohrad budete sázeť* ‘вот тут камень будете брать, дерево, землю и будете сажать виноград’ (СКЧк);

(7) *tam bil velikej // veliká jelma / dřevo taková* ‘там был большой вяз, дерево такое’, *mi po dřevách sme lazili* ‘мы по деревьям лазили’ – но также *protože sem lazila po stromách* ‘потому что я лазила по деревьям’ (СКЧк), а в СКЧа даже *teť <...> si pišou sví dřevo / u̯ot* ‘сейчас составляют свое дерево (родословное), вот’.

Сравнение приведенных выше контекстов с лексемами *les* и *dřevo* в северокавказских чешских диалектах позволяет сделать одно более общее наблюдение. Нетрудно видеть, что у некоторых чешских существительных при калькировании семантики их русских когнатов в островном чешском говоре происходит совмещение конкретного предметного значения, какое допускает образование у соответствующих существительных в русском языке форм мн. ч., и более абстрактного вещественного значения, которое форм мн. ч. в принципе не предполагает. В современном чешском языке такие значения нередко выражают разные лексемы. Другой аналогичный случай:

(8) *mandel <...> snopi vážou a ložejí zrnama do prostřetku <...> i dosíchalo to / zrno* ‘копна... снопы связывают и кладут зернами к центру... и оно досушивалось, зерно’ (СКЧк).

В примере (8) лексема *zrno* употреблена сначала во мн. ч. в значении «семя злаков», как и в ЧМ, а затем – в ед. ч. в русском собирательном значении, какое в ЧМ издавна выражается образованием *zrní*.

Вообще расширенное употребление в описываемых чешских говорах существительных в формах ед. ч., имеющих собирательное значение, не характерное для форм ед. ч. этих лексем в современном чешском языке, но типичное для соответствующих форм их русских когнатов, по-видимому, следует отнести к области семантического калькирования. Показательна в данном смысле лексема *ryba*, формы ед. ч. которой, в отличие от рус. *рыба*, и в ранний период развития чешского языка не употреблялись в значении собирательного множества:

(9) *mi sme nehdá // jeli na ribálku / ribi chitat // i koukáme / tam je <...> tolika ribi je / i až hrn'e ta riba přet s'ebou vodu* ‘мы как-то ездили на рыбалку, рыбу (букв. *рыбы*, мн. ч.) ловить... и глядим, там рыбы (ед. ч.) столько, что эта рыба прямо гонит перед собой воду’ (СКЧк).

Только первое употребление существительного *ryba* во мн. ч. здесь типично чешское, в иных случаях калькируется рус. *рыба* в формах ед. ч. с собирательным значением. То же самое наблюдается в примере из ЗСЧ с лексемой *fčela* ‘пчела’ во мн. и ед. ч.:

(10) *u̯ot to co / to co taji fčeli přivážejí / já víte / dřiu̯ já sem držel s’ib’irskou éto / s’ib’irskou fčelu // no u̯ona je zlosná* ‘вот каких сюда пчел привозят ... я, знаете, раньше держал сибирскую это, сибирскую пчелу – но она злая’.

Подобное снятие у форм ед. ч. целого ряда чешских наименований живых существ и предметов, таких как *fčela*, *ryba*, *zrno*, семантической маркированности по признаку (экземплярной) единичности под влиянием русских когнатов, вероятно, отражает усвоение носителями описываемых идиомов соответствующего фрагмента русской ЯКМ.

Адъективные кальки: *бедный*, *свободный*

Результаты семантического калькирования в исследуемых чешских идиомах иногда демонстрирует как существительное, так и (исторически) производное от него прилагательное вместе с наречием. При этом остается неясным, идет ли здесь речь об одном процессе либо о параллельном независимом развитии и не имеем ли мы дело в каком-то из этих случаев с адаптированным заимствованием или лексической калькой, возникшей по русской модели путем поморфемного «перевода». Так, в ЧМ существительное *bída* имеет значение «нужда, нищета», а прилагательное *bídný* – «убогий, жалкий» и «подлый». В чешских диалектах на территории России указанное значение лексемы *bída* проявляется лишь изредка:

(11) *diš se to fšecko uladilo / tak sem přijel a poďíval se jaká je tadi bída* ‘когда все уладилось, он приехал сюда и посмотрел, какая здесь нищета’ (СКЧк).

На материале СКЧк можно проследить процесс развития у этой лексемы также значения ее русского когната *беда* ‘несчастье’.

В примере (12) оно накладывается на исходное чешское значение «нехватка средств к существованию», а в (13) предстает уже как переносное:

(12) *na jaře bída / liďi umíraji* ‘весной – беда, люди умирают’;
(13) *jenom bída / viďím škareďe* ‘беда только, что вижу я плохо’.

Между тем прилагательное *bídný* в чешских говорах как Северного Кавказа, так и Сибири употребляется уже только в русских значениях «небогатый» и «несчастный», в ЧМ выражаемых соответственно лексемами *chudý* и *nešťastný*, ср.:

(14) *a von bil ... z bídnej takovej tej roďiny* ‘а он был из такой бедной семьи’; *a liďi načali / takoví co / sou tam bídn’ejší liďi / načali vistupovat* ‘а люди начали, которые там победнее, выступать’ (СКЧк); *nu a sou ňákí trošku bohatí, trošku bídňejší* ‘ну а есть какие-то, которые чуть богаче, чуть беднее’ (ЗСЧ);

(15) *žencká bídná Líza ... muší ho poslouchat* ‘бедная женщина, Лиза ... должна его слушаться’ (СКЧк).

Это прилагательное в значении «небогатый» образует наречие на *-е* или *-о* – второе, вероятно, по аналогии с рус. *бедно*:

(16) *Čechi žili bídn’e f Čechách / tak se sem verbovali* ‘чехи жили бедно в Чехии, поэтому сюда и вербовались’ (СКЧв); *stejn’e tenkrát tak bídno sme žili* ‘все равно мы так бедно тогда жили’ (ЗСЧ).

Подобным образом, независимо от асимметричного семантического разграничения русских существительных *свобода* и *воля* и их когнатов *svoboda* и *vůle* в ЧМ, в чешских говорах на территории России произошло полное калькирование значения производного от первого из них русского прилагательного *свободный* и образуемого от него наречия:

(17) *vona š ťe nepusťí / já uš sem svobodná a tebe nepusťí* ‘она же тебя не отпустит, я уже свободная, а тебя не отпустит’ (СКЧв); *diš f S’ib’'ir’i tejiti zemn’e bili svobodní* ‘в Сибири-то эти земли были свободные’ (ЗСЧ);

(18) *potom uš svobodn’e fšecki sme i do kostela choďili* ‘потом мы все уже свободно и в церковь ходили’ (СКЧк); *maj ros’'ijski hražd'anstvo i herm'anski / i von’i svobodno jezďej* ‘у них и российское, и германское гражданство, и они свободно ездят’ (ЗСЧ).

Во всех этих случаях в ЧМ ожидались бы прилагательное *volný* и наречие *volně*. Уже под вторичным воздействием современного чешского узуса это прилагательное использовала в рассказе о детстве носительница ЗСЧ, переехавшая на жительство в Прагу (притом, однако, в сочетании с существительным *zem*, которое в исследуемых чешских говорах, явно не без влияния его русского когната, продолжало употребляться в значении ‘пахотная земля’, устаревшем в Чехии): *na S’ib’íři je hodn’e volnej zemi* ‘в Сибири много свободной земли’. Напротив, изолированное употребление «исходного» чешского существительного *vůle* носителем СКЧк, видимо, представляет собой лексическую кальку с русского: *viďelat nado neco abi // chce abi člověk žil ve vúli / ne?* ‘надо что-то заработать, чтобы... хочется, чтобы человек жил вволю, верно?’

Глаголы: *чистить, сесть, звонить, требуется*

У многих чешских глаголов, совпадающих в основных значениях с однокоренными русскими, в анализируемых идиомах также наблюдается калькирование вторичных значений, которые развились у их соответствий в русском языке. Например:

– глагол *čistit* с основным значением «удалять грязь», как у рус. *чистить*, употребляется и в русском значении «удалять кожуру и т. п.» (в ЧМ его выражают глаголы *loupat* / *škrábat*), ср.

(12) *a potom nás rostavuvali / koho na kuchin’ tam čisťid brambori a komu řezad dříví* ‘а потом нас расставляли, кого на кухню чистить картошку, а кого пилить дрова’ (СКЧк);

– глагол *sednout* (*si*) с основным значением «принять сидячее положение», как и у рус. *сесть*, приобретает чисто русское второе значение «сесть на транспорт» в сочетаниях с названиями транспортных средств в вин. п. с предлогом *na* (в ЧМ его выражают глаголы *nastoupit* / *nasednout* с предлогом *do* + род. п.), ср.:

(13) *tam sme sedli na paróm* ‘там мы сели на паром’ (СКЧк), *já dicki si sednu na ten aft'obus*... ‘я всякий раз сажусь (букв. *сяду*) на этот автобус...’ (ЗСЧ);

– глагол *zvonit* с основным значением «издавать звон», как у рус. *звонить*, под русским влиянием получает второе значение

«связываться / общаться по телефону» (в ЧМ оно выражается глаголами *volat* / *telefonovat*), ср.:

(14) *i jag zvon bil / jag zvon'ili dicki / to si pamatuji* 'и как был колокол, как всякий раз звонили, это я помню', но также *přijížďí i zvon'í i píše* 'приезжает, и звонит, и пишет' (СКЧк).

Во всех этих случаях общее исходное значение чешского и русского глаголов выступало в качестве *tertium comparationis*, а совпадающее с русским развитие в островных чешских диалектах вторичных значений данных глаголов, появлявшихся в течение XX в., следует думать, отражало выстраивание у их носителей определенных фрагментов ЯКМ по русской модели. Остается добавить, что структурирование этих фрагментов в ЧМ вновь демонстрирует чешско-немецкий параллелизм, сравнительно ранний в случае сответствия нем. *schälen* ~ чеш. *loupat* (действие по очищению от кожуры / шелухи получило номинацию от корня, обозначающего объект «отшелушивания» или связанные с ним процессы, ср. с чешским глаголом рус. *облупиться* и т. п.), в других же двух случаях сложившийся только в XIX–XX вв.

Чешский глагол *nastoupit* с поморфемной точностью соотносится с нем. *einsteigen*, и оба в соответствии с их внутренней формой одинаково вербализуют идею вхождения, «вступления» в транспортное средство без ассоциации с посадкой на лошадь либо другое ездовое животное, как в рус. *сесть на транспорт*. Появление в чешском языке аналогичного глагола с корнем *-sed-* можно объяснить контаминацией новообразования *nastoupit* и издавна употреблявшегося у славян в значении посадки на лошадь глагола с приставкой *v-* (в современном чешском языке – *vsednout*, также в СКЧк *von honem na kon'e fset* 'он мигом вскочил на коня'), который, впрочем, находит точное соответствие в нем. *aufsitzen*. При этом глагол *nasednout* употребляется в чешском и в значении 'сесть на коня' (или по аналогии на велосипед: *nasednout na kolo*) с дублированием приставки в предлоге, а в значении 'сесть на транспорт' перенимает сочетаемость глагола *nastoupit* (*do* + род. п.). Предлог *do* при обоих этих глаголах выражает значение движения внутрь, в отличие от предлога *на* в рус. *сесть на транспорт*, а также *ехать на транспорте*, который подразумевает, по крайней мере, имплицитно заложенное в таких сочетаниях представление о движении на поверхность и нахождении на поверхности чего-либо.

Чешские глаголы *zvonit* и *volat* семантически и по употреблению дифференцируются аналогично нем. *klingeln* и *(an)rufen*. Вторые члены в обеих парах имеют основное значение «кричать, звать», на базе которого в XX в. развилось вторичное значение «звонить по телефону». Ассоциация телефонного звонка с вызовом абонента закрепилась в ЯКМ носителей не только этих двух языков, но, например, также английского (глагол *to call*). Напротив, в русской ЯКМ возобладала ассоциация со звуком звонка, усвоенная и носителями чешских говоров в России, которые сохранили глагол *volat* и производный совершенного вида лишь в основном значении, например:

jag <...> budou vilítávat fčeličkі <...> tak ti mi zavoláš ‘как будут вылетать пчелки (из улья), ты мне крикнешь / меня позовешь’ (СКЧк).

Также и у глаголов в изучаемых говорах иногда трудно однозначно идентифицировать русскую кальку как семантическую или лексическую. Например, чешский глагол *potřebovat* ‘иметь надобность, нуждаться в чем-л.’, по значению и функционированию соответствующий нем. *brauchen*, сохраняет свою исконную семантику и употребление у чехов Северного Кавказа:

mi sme tahali přes rameno ... švejnou maš'inku // nač vona nám bila potřebná / řekn’ite / že sme ji potřebovali? ‘мы таскали через плечо швейную машинку: зачем она нам была нужна, скажите, какая нам в ней была надобность?’ (СКЧк).

В то же время соотносительный возвратный глагол используется как калька рус. *требоваться*, ср. в речи разных носителей СКЧк:

(15) *fšechni svátki kerí prošli / fšechni sme je to / provedli tak jak se potřebuje* ‘все праздники, которые прошли, все мы провели так, как требуется’; *jak končíš tadi insťitut ... vot posílaj tam hde se potřebuje ten / ťechn’ik nebo inžen’'er* ‘как кончишь институт, то вот посылают туда, где требуется техник или инженер’.

Остается неясным, усматривать ли здесь расширение употребления глагола *potřebovat* (при сохранении по сути того же модального значения надобности) под влиянием возвратного русского когната или лексическую кальку, то есть создание по русской модели новой глагольной лексемы с опорой на имеющуюся исконную.

Рассмотрение лексических калек не входит в задачи данной статьи.

Основные выводы

1. При анализе результатов контакта близкородственных идиомов, какими являются русский язык и чешские говоры в России, в большинстве случаев оказывается невозможным провести четкое разграничение между русскими семантическими кальками и адаптированными заимствованиями. Для адекватной интерпретации соответствующих языковых фактов чаще всего вполне достаточно отнести их к некоторой переходной области на стыке калькирования и адаптации заимствованной лексики.

2. Выявление русских семантических калек в описываемых чешских говорах требует учета разнообразных факторов, связанных с историей и функционированием рассматриваемых лексем. Следует также иметь в виду возможность сложной межъязыковой интерференции при калькировании, как в примере (4) выше со словом *vinohrad* во мн. ч. со значением ‘сорта винограда’.

3. Русские семантические кальки в исследуемых идиомах отражают усвоение их носителями элементов русской ЯКМ. При этом иногда они встраиваются в сохраняющийся более ранний фрагмент чешской ЯКМ, схожий с немецким (*víno* ‘виноград’ и ‘вино’ × *vinohrad* ‘виноградник’ ~ нем. *Wein* × *Weingarten/Weinberg* наряду с *vinohrad* ‘виноград’), а в других случаях вытесняют один из членов такого более раннего фрагмента или препятствуют развитию более нового фрагмента ЯКМ, который сложился в ЧМ (*volat* – ‘звать’ × *zvonit* ‘издавать звон’ и ‘звонить по телефону’, в отличие от соврем. чеш. *volat* ‘звать’ и ‘звонить по телефону’ × *zvonit* ‘издавать звон’ ~ нем. (*an*) *rufen* × *klingeln*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Н. Е., Скорвид С. С. Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 269–300.

Елизарьева М. А. Языковой контакт как фактор формирования языковой картины мира (на примере немецко-чешского языкового контакта). М. : МГИМО-Университет, 2019. 221 с.

Поляков Д. К. Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах. М. : Институт славяноведения РАН, 2014. С. 132–147.

Скорвид С. С. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.

Скорвид С. С. Генезис чешских переселенческих говоров в РФ в свете данных лексической части «Чешского языкового атласа» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. М. : Институт славяноведения РАН, 2016. С. 93–111.

Словарь русских народных говоров. Вып. 27 (СРНГ 27) / гл. ред. Ф. Ф. Сороколетов. СПб. : Наука, 1992. 400 с.

Skorvid S. A nejčkyn ešče neco vo češskym jazyku na Kaukázoj i ponad Irtyšem // Uličný, Oldřich (ed.). Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci. Liberec : Technická univerzita v Liberci, 2017. S. 161–172.

REFERENCES

Ananyeva N. E., Skorvid S. S. Ostrovnye zapadnoslavyanskie dialekty na territorii Rossii // Slavyanskoye yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi syezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiyskoy delegatsii. M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 2018. P. 269–300.

Yelizaryeva Елизарьева М. А. Yazykovoy kontakt kak faktor formirovaniya yazykovoy kartiny mira (na primere nemetsko-cheshskogo yazykovogo kontakta. M. : MGIMO-Universitet, 2019. 221 p.

Polyakov D. K. Interferentsionnye protsessy i gibridizatsiya v pereselencheskikh govorakh // Gibridnye formy v slavyanskikh kulturakh. Гибридные формы в славянских культурах. M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. P. 132–147.

Skorvid S. S. Cheshskiye pereselencheskiye govory na Severnom Kavkaze i v Zapadnoy Sibiri // Slavyanovedeniye. 2014. Nr 1. P. 44–58.

Skorvid S. S. Genezis cheshskikh pereselencheskikh govorov v RF v svete dannykh leksicheskoy chasti „Cheshskogo yazykovogo atlasa“ // Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 18. M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 2016. P. 93–111.

Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 27 / ed. F. F. Sorokoletov. SPb. : Nauka, 1992. 400 p.

Skorvid S. A nejčkyn ešče neco vo češskym jazyku na Kaukázoj i ponad Irtyšem // Uličný, Oldřich (ed.). Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci. Liberec : Technická univerzita v Liberci, 2017. S. 161–172.

УДК 81.373.237

С. Б. Копина

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sbkop@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(на примере слова «архитектор»)

В статье предпринимается попытка проследить возникновение, становление и распространение термина «архитектор» в европейских языках. С опорой на литературные памятники Античности и Средневековья автор статьи анализирует процесс перехода индоевропейского слова «работник по дереву» из общеупотребительной лексики в разряд специальных слов и его становление в качестве термина. Полученные в результате анализа данные позволяют сделать вывод о том, что на протяжении веков в разных языках семантика слова «архитектор» претерпевает множество изменений, обусловленных историческим контекстом и толкованием данного слова разными авторами.

Ключевые слова: история; термин; архитектор; значение; функция.

S. B. Kopina

External PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: sbkop@yandex.ru

EVOLUTION OF EUROPEAN ARCHITECTURAL TERMS
(an etymological analysis of the word “architect”)

The article looks into the origin of the word “architect” with a special accent on the history of its evolution and its spread in Europe. With reliance on some writings of Antiquity and the Middle Ages the author analyses the semantic changes in this word and describes the transition of this word with the original meaning “wood worker” into a term that is used to denote a person who plans and supervises construction work. Analysis has also shown that among the extralinguistic factors that influenced the evolution of the term the decisive one was a change in the attitudes to construction and its perception as a science.

Key words: history; term; architect; value; function.

Введение

В последнее время проблема терминологизации общеупотребительной лексики активно изучается на материале разных языков и в разных аспектах; при этом особое внимание уделяется определению слова

CC BY

«термин» и разработке критериев, позволяющих устанавливать принадлежность некоторой единицы языка к специальной (научной) лексике.

В работах, посвященных вопросу природы термина, авторы приводят возможные варианты дефиниций слова «термин», выработанные в течение последнего столетия (А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, Б. Н. Головин, В. М. Лейчик, С. В. Гринев). Тем не менее все эти работы объединяет утверждение, что терминологи до сих пор не сошлись во мнении о том, какую лексику можно относить к разряду терминов.

Обзор научной литературы по данной проблематике позволяет говорить о том, что в роли термина может выступать любое слово. По справедливому замечанию Г. О. Винокура, термин – это не само слово, а та функция, которую это слово выполняет, иначе говоря, термин – это «функция наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [Винокур 1939, с. 5]. С другой стороны, «судьба слова-термина никак не связана с судьбой других слов, потому что в его истории нет проблем лексической сочетаемости, синонимии, антонимии, его отличают специализированность значения, точность семасиологических границ, сфера употребления» [Капанадзе 1965, с. 78].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать процесс терминологизации слова «архитектор» и связанные с данным процессом семантические изменения с опорой на толкования данного термина разными авторами в разные культурные эпохи.

История возникновения слова «архитектор»

Проведенный нами в ходе данного исследования анализ словарных статей показывает, что в русском языке слово «архитектор» обозначает человека, который проектирует сооружения, и, кроме того, является термином в области строительства и архитектуры. Остановимся более подробно на истории становления слова «архитектор» в качестве термина, для этого обратимся к энциклопедии Брокгауза и Ефрона, где оно приводится впервые и получает следующее толкование: «Архитектор – слово греческое <…>. В Европе это название привилось уже около 400 лет тому назад <…>. У нас до Петра I слово «архитектор» не употреблялось, и строителей обозначали словами «зодчий, палатный мастер, муроль, каменный и плотничный староста»» [Брокгауз 1890, т. 2, с. 269].

С точки зрения этимологии слово «архитектор» имеет греческое происхождение (гр. ἀρχιτέκτων) и состоит из двух компонентов, выраженных префиксом árchi- (гр. ἀρχι) и существительным *técton* (гр. τέκτων). Компонент ἀρχι- восходит к греческому глаголу ἄρχω – «начинать», «управлять», «командовать», который, в свою очередь, происходит от протоиндоевропейского глагола *h_2erg^h- со схожими значениями [The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots URL]. Второй компонент слова выражен лексемой «tecton» (гр. τέκτων) со значением «плотник», «ремесленник», «строитель». Во французском издании этимологического словаря греческого языка Пьера Шантрена [Шантрен 1968, с. 110] отмечается, что лексема τέκτων происходит из микенского языка и встречается в выражении *tekotonoape*, что означает «требуется плотник». В санскрите эта лексема имеет созвучный аналог *tàksan* – рус. *плотник*. Таким образом, это слово восходит к протоиндоевропейскому корню со значением «работа с топором».

Греческое происхождение слова «архитектор» дает основания полагать, что соответствующий термин развился именно в древнегреческом языке. Проследить процесс терминологизации можно на материале дошедших до нас памятников древнегреческой литературы.

В VIII веке до н. э. слова «архитектор» еще не существовало, для описания мастеров, выполняющих строительные работы, использовалось слово *tecton* (гр. τέκτων). У Гомера персонаж, обозначенный словом *tecton*, строит суда [Илиада, песнь 5, §59], заготавливает лес [там же, песнь 13, §390], возводит дома [там же, песнь 23, §711].

«...Вождь Мерион Ферекла повергнул
Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеслые строил
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих»
[Илиада, песнь 5, §59].

В примечаниях к переводу Н. И. Гнедича встречается интересное пояснение к слову *tecton* филолога А. И. Зайцева: «У Гомера Ферекл именуется сыном Тектона, внуком Гармона. Оба имени, Тектон и Гармон, «говорящие», характеризующие их носителей как плотников или строителей. Гомер, очевидно, хочет указать на то, что это ремесло

было наследственным в роду, как это и в самом деле часто имело место в гомеровские времена» [Гомер 1990, с. 395]. Примечательно, однако, что Гомер в Илиаде использует *tecton* также в значении мастера рога [Илиада, песнь 4, §110].

О том, что у слова *tecton*, наряду со значением «плотник», есть также и другие значения, например: «атлет», «поэт» можно судить на основе лирических произведений классического периода V в. до н. э. Так у Софокла в «Трахинянках», в момент, когда Геракл облачился в отравленный плащ, посланный ему супругой Деянирой, ткань окутывает его и прилипает к телу:

«Стан и члены Ткань облепила – как ваяют
Художники» [Софокл 1979, Трахинянки, § 768].

Софокл использует слово *tecton* в значении «художник», «скульптор». У Еврипида в «Алкесте» со словом *tectones* ассоциируются циклопы – кузнецы, помощники Зевса. Аполлон на пороге дворца царя Адмета восклицает:

«...злою долей Сыновнею разгневанный, в ответ:
Я перебил киклопов, ковачей Его перуна грозного»
[Еврипид 1999, Алкеста, § 5].

Метафоричен образ плотника у Пиндара в эпиниках. Так в песне в честь победителей Немейских игр словом *tecton* названы соревнующиеся юноши, распевающие победоносные гимны (прив. по: [Пиндар, Немейские песни 3,5]), а в Пифийских песнях – поэты, целители (прив. по: [Пиндар, Пифийские песни 3,113].

Исходя из приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что если слово *tecton* используется античными авторами не в прямом значении, оно приобретает оттеночное значение «искусный мастер-умелец».

Несмотря на наличие целого ряда значений, таких как «скульптор», «кузнец», «резчик по рогу», «атлет», «поэт» – слово *tecton* чаще всего встречается в контексте строительства кораблей или домов (прив. по: [LSJ URL].

Можно предположить, что формирование значения «работающий с деревом» началось в тот же период на основе произведений, в которых в рамках одного повествования встречаются наименования

различных профессий, связанных друг с другом значением «мастеровой». Например, реконструируя отдельный исторический эпизод в своей «Истории», Фукидид рассказывает об организации военного похода и описывает, в частности, мастеровых, принявших участие в этом походе, среди которых σιτοποιοὺς – *пекари*, λιθολόγους – *каменщики*, τειχισμὸν – *плотники*:

> «За боевыми кораблями, кроме того, следовало 30 транспортов с продовольствием, имея на борту пекарей, каменщиков, плотников с необходимыми инструментами для строительства осадных сооружений» [Фукидид книга VI, 44].

Слово *архитектор* появляется в древнегреческой литературе в V в. до н. э. в «Истории» Геродота [LSJ URL]. Автор трижды обращается к термину «архитектор», при этом каждый раз обозначая мастеров разных родов деятельности. В этом произведении слово «архитектор» (гр. αρχιτέκτων) впервые встречается в значении «создатель сооружений»:

«Строителем же этого водопроводного сооружения был Евпалий, сын Навстрофа, мегарец. Одного из трех самых больших сооружений во всей Элладе» [Геродот 1972, т. 3, с. 157]. В своих историях Геродот упоминает и других «архитекторов», восхищаясь их мастерством, например: Мандрокла Самосского, построившего мост через Босфор, чтобы обеспечить прохождение персов, во время Греко-персидских войн или: «Третье сооружение – величайший из известных нам храмов. Первым строителем (в оригинале ἀρχιτέκτων) этого храма был Рек, сын Филея, самосец. Ради этих-то сооружений я и рассказал более подробно о самосских делах», – пишет Геродот [там же].

В «Истории» этим необычным сооружениям посвящен целый параграф, своего рода отступление от повествования о военных походах персидского царя Камбиса. Это не единственный пример того, насколько важно было Геродоту рассказать о великих творениях человека: «Египтяне сотворили больше чудес, чем все прочие люди», то все эти чудеса – непревзойденное ваяние, живопись, зодчество, мудрость и легкость, и крепость жизни – суть чудеса мира» (цит. по: [Мережковский, с. 160]. Из приведенных выше примеров очевидно, что для Геродота «архитектор» – творец, создатель необыкновенного инженерного сооружения.

Однако нередки случаи, когда слово *архитектор* относится не только к сфере строительства частных и общественных зданий или строительства кораблей, а используется для номинации других видов деятельности, не имеющих прямого отношения к строительству, но связанных с этим значением различными ассоциациями. Например, оратор Демосфен назвал «архитектором» руководителя театра: «...Но что же было мне делать? Написать предложение, что не следует допускать послов, которые за тем и пришли, чтобы вести переговоры с вами? Или предложить, чтобы архитектор не отводил им почетных мест в театре?..» [Демосфен 1994, т. 2, с. 219]. Переводчик Демосфена С. И. Радциг в комментариях отмечает: «Архитектором (ἀρχιτέκτων) назывался антрепренер, взявший на откуп театральную постановку. Послам иностранных государств, как и высшим должностным лицам и именитым людям своего государства, отводились на представлениях в первых рядах почетные места. Все остальные зрители располагались на общих местах» [там же].

Для историка Ксенофонта *архитектор* – человек, который должен много знать. В «Воспоминания о Сократе» Сократ в диалоге с Евтидемом, посмеивается над заносчивостью молодого человека, который гордится собранием свитков, написанных «пресловутыми мудрецами», и спрашивает, кем же он собирается стать после их прочтения:

> «...Уж не архитектором ли? И для этого нужен сведущий человек» [Ксенофонт 1993, с. 118].

Таким образом, в Античности слово *архитектор* имеет довольно широкую семантику, выступая средством именования как представителей конкретной профессии, так и людей, занятых созидательной деятельностью. Связь со строительством или проектированием жилья не всегда эксплицирована. В слове доминирует значение «архэ» – «главный», «командующий».

Закрепление слова «архитектор» в древнегреческом языке

Во всей древнегреческой литературе, дошедшей до наших дней, слово *архитектор* встречается не более восьми раз (прив. по: [LSJ URL]).

Сложно сказать, в какой момент за словом *архитектор* закрепляется значение «управляющий ремесленниками», однако первое

определение и описание круга обязанностей, которые выполняет названный этим словом человек, появляются в IV в. у философов.

В своем известном сборнике сочинений «Метафизика» Аристотель формулирует общее понятие науки и создает классификацию, разделив науки на три уровня: высшие науки, которые не имеют прикладных целей, направлены на познание, например философия; второй уровень – это практические науки, которые ведут к нравственному совершенству – этика; третий уровень – продуктивные науки, например инженерные науки.

У Аристотеля человек, называемый ἀρχιτέκτων, противопоставлен тому, кто «обладает опытом» простого строителя-ремесленника χειροτέχνης: «...Опытный кажется более мудрым, чем имеющие [только] способность к ощущениям, какова бы ни была она, владеющие искусством [мудрее] обладающих опытом, зодчий [мудрее] рабочего, а умозрительные изыскания выше чисто практической деятельности» [Аристотель 2006, с. 33]. Очевидно, что у Аристотеля «архитектор» еще не является термином, тем не менее, у него появляется связь «архитектора» с наукой третьего уровня «строительным искусством».

Идея искусства, наделяющего знанием, уже прослеживается в одном из поздних произведений Платона, а именно, в диалоге «Политик»: «А строительные искусства и все вообще ремесла обладают знанием, как бы вросшим в дела и, таким образом, они создают вещи, которых раньше не существовало». Там же относительно роли архитектора: «Ведь и любой зодчий не сам работает, а только управляет работающим» [Платон 1994, т. 4, с. 4].

Очевидно, что в контексте своего философского учения Платон начинает традицию разграничения двух понятий: *архитектора* как человека, обладающего знанием, от *ремесленника* – как человека, обладающего опытом.

Таким образом, уже в древнегреческом языке произошло развитие двух значений слова *архитектор* – «обладающий знанием» и «управляющий рабочими».

Римское влияние

С момента завоевания Греции римляне во многом ассимилируют греческую культуру. Начиная с III в. до н. э. греческая литературная традиция оказывает заметное влияние на развитие латинской

литературы. Однако, несмотря на большой поток заимствований из греческого, связанный с распространением греческой философии, мифологии и литературы, латинский язык развивается по своим законам. Для номинации зодчего в латинском языке существовали такие слова, как *machinator* – «изобретатель», «механик», *faber* – «строитель» и *magister* – «начальник», «глава». Поэтому появление транслитерированной формы *architecton* – от *греч.* ἀρχιτέκτων – не было обусловлено отсутствием эквивалента в латинском языке. Тем не менее эта словоформа встречается у Плавта, который, следуя образцу греческой драматургии, не мог обойтись без заимствований. В комедии «Приведение», действие которой происходит в Афинах, это слово появляется в речи раба Траниона: «Какой-то архитектор, по его словам, твою постройку очень расхвалил ему» [Плавт 1987, т. 2, с. 231]. В этом контексте Плавт использует греческое слово для выражения идеи «тот, кто строит здание». Эта же словоформа используется им снова в реплике раба в комедии «Пуниец», но уже для обозначения «ловкача-прохвоста». Раб Мильфион, считающий пунийца Ганнона притворщиком, восклицает язвительно: «Какой ловкач! Хитрец и плут умнейший и пронырливый! Как плачет, чтобы к делу подойти верней! Меня забьет он, главного строителя» [там же, с. 402]. Нужно заметить, что в комедии «Приведение» в репликах благородного юноши Филолахета, для выражения идеи «тот, кто строит здание» Плавт использует «faber»: «И хвалят все строителя, берут себе в пример его» [Плавт 1997, т. 2].

Вероятно, Плавт использует грецизмы для художественной выразительности и привнесения оттенка сниженной разговорной речи. У римлян грек ассоциируется с проворным пройдохой (прив. по: [Голенищев-Кутузов 1972]).

Транслитерация греческого слова *architecton* встречается в письменных памятниках довольно редко, можно предположить, что оно использовалось только в специальных контекстах. Еще одно свидетельство употребления формы *architecton* относится уже к IV в. н. э. и было зафиксировано в рукописи «Маршруты Александра» анонимного автора, найденной в библиотеки Замка Амбрас (прив. по: [Morreale 1959]). Согласно испанскому исследователю Маргарите Морреале, во всей истории латинской литературы термин *architecton* встречается не более десятка раз. Тем не менее эта форма найдет свое широкое применение в Средние века (прив. по: [Morreale 1959]).

Позднее, к концу I в. до н. э., в латинском языке появляется неологизм *architectus*, который получил самое широкое распространение в европейских языках, благодаря трактату Витрувия «Об Архитектуре».

Форма *architectus* имела в латинском языке широкую семантику, которая включала такие значения, как «руководитель», «конструктор», «инженер». Конкретное значение зависело от определяющего слова: *architectus armamentarius* – «архитектор, отвечающий за вооружение», «architectus navalis» – «военно-морской архитектор». В Римской империи человек, называемый *architectus*, решает множество задач: он отвечает за строительство зданий, за городское планирование, за гидравлические установки, за расположение лагерей, а также за гражданские и военные механизмы.

В I в. до н. э. в Риме появляется трактат «Об архитектуре» Марка Витрувия Поллиона, где используется слово *architectus*. Произведение Витрувия – первый научный труд, посвященный архитектуре как науке о сооружении зданий и градостроительстве. В нем Витрувий дает определение слову «архитектор». С этого момента можно говорить о переходе слова из общеупотребительной лексики в термин. *Архитектор* для Витрувия – это генератор идей, а также инженер и интеллектуал (прив. по: [Витрувий 2012]). Чтобы соответствовать серьезным задачам, он должен быть очень образованным, тем самым Витрувий наделяет слово новым значением – «всесторонне образованный человек», которое впоследствии послужит образцом для гуманистов эпохи Возрождения и воплотится в XV в. в vir universalis Да Винчи.

В латинской раннехристианской литературе со словом «architectus» отождествляли Бога-Творца, создателя мира. Несмотря на то, что в греческой религиозной терминологии для обозначения Создателя Мира существовал термин *демиург* (гр. δημιουργός) – «творец», этот термин не получил широкого распространения в латыни, и его место в латинском языке занял термин «architectus». В этом значении слово *architectus* встречается в философских трактатах Цицерона, который изучает греческих философов и, вдохновленный Платоном, стремится познакомить римлян с религиозными учениями греческих философских школ. В диалоге «О Природе Богов» он рассуждает о Боге как о зодчем, которому повинуются стихии (прив. по: [Цицерон

1985]). Затем среди христианских апологетов, таких как Святой Августин, чье философское мнение находится под сильным влиянием Цицерона (прив. по: [Голенищев-Кутузов 1972]), используется образ Бога-строителя в «О Граде Божием» [Августин 2000]. Апостол Павел сравнивает труд апостола с работой архитектора: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание» [Апостол Павел, Карф. 3.10].

Согласно этимологическому словарю Эрну и Мейе, в латинском языке существовала еще одна форма, производная от *греч.* ἀρχιτέκτων – это форма *architector*, которая встречается реже транслитерированной *archtecton*, появляется позднее в латинской литературе (прив. по: [Ernout et Meillet 2001]). Эта форма близка по звучанию русскому «архитектор» и образуется по единой словообразовательной модели существительных третьего спряжения. В итальянском языке есть устаревшее слово *architettore*, производное именно от слова *architector*. Эту форму Джоржо Вазари использует применительно к Микеланджело Буонаротти в XVI в. (прив. по: [Treccani URL]).

В XIII в., главной характерной чертой которого было переосмысление культурного наследия всей христианской цивилизации, к работам Аристотеля обращается Фома Аквинский и называет архитектора «главным человеком в искусстве», «тем кто инициирует и развивает любое сооружение», «тем, кто руководит и контролирует мастеров, ответственных за работы» (цит. по: [Аквинский 2002]).

В эпоху Возрождения в своем стремлении систематизировать накопленные знания ученые создают новые научные труды, основываясь на опыте античных авторов. К их числу принадлежит Леон Батиста Альберти, который пишет новый трактат, посвященный архитектуре, – «О Зодчестве».

В трактате «De re aedificatoria» Альберти создает целый корпус новых архитектурных терминов и таким образом избавляет язык науки от грецизмов, например, он не использует слово *архитектура* в заглавии (прив. по: [Nencioni 2000]). Тем не менее античный термин греческого происхождения «architectus» закрепляется в его трактате и обретает границы. Альберти сужает значение термина «архитектор» до «проектировщика, руководителя строительством» и разграничивает понятия «architectus» и «faber», акцентируя внимание на том, что руки строителя служат инструментом для архитектора, тогда как сам

он в соответствии со своими размышлениями и воспользовавшись серьезными и достойными приемами способен создать и добиться воплощения произведения (прив. по: [Альберти 1977]).

Выводы

Таким образом, процесс формирования и закрепления значения слова может занять несколько столетий, важную роль в формировании значения играют экстралингвистические факторы. Пример слова *архитектор* показал, что на первом этапе своего развития, в VIII в. до н. э., основным значением лексемы *tecton* было значение «плотник». Затем, в V–IV вв. до н. э., происходит развитие словоформы *architecton*, а в период расцвета философского учения Аристотель наделяет слово *architecton* принципиально новым значением, создавая оппозицию *tecton* (опытный) – *architecton* (мудый).

О процессе терминологизации слова «архитектор» можно говорить начиная с I в. до н. э., в период, когда Витрувий посвящает трактат учению об Архитектуре. Спустя 15 столетий у Леона Батиста Альберти слово «архитектор» приобретает статус термина, согласно следующему ряду критериев: появление научной среды и развитие терминологической системы, в рамках которой за словом «архитектор» закрепилось значение «проектировщик, руководитель строительством»; у термина «архитектор» появились специализированное значение и четкие семасиологические границы.

История данного термина тесно связана с латинской письменной традицией и распространением научного гуманизма и Итальянского Возрождения в Европе. Труды Витрувия и Альберти служили образцами для развития научной литературы по архитектуре в национальных европейских языках и были «проводником» термина «архитектор» в европейскую научную традицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августин А. О Граде Божием. М. : АСТ, 2000. 1296 с.

Аквинский Ф. Комментарии к XII книге Метафизики. М. : Директ-Медиа, 2002. 148 с.

Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве : в 2 т. М., 1935. Т. 1. 392 с.

Аристотель. Метафизика. Институт философии, теологии и истории св. Фомы. М., 2006. 229 с.

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению / под ред. М. В. Сергиевского, Д. Н. Ушакова, Р. О. Шор., М., 1939. Т. V. С. 3–54.
Витрувий. Десять книг об архитектуре. М. : Либроком, 2012. 320 с.
Геродот. История в девяти книгах. Наука, 1972. Т. 3. 604 с.
Гомер. Илиада. Л. : Наука, 1990. С. 395–416.
Демосфен. Речи : в 3 т. Т. 2. М. : Памятники исторической мысли, 1994. 608 с.
Еврипид. Трагедии : в 2 т. М. : Наука, Ладомир, 1999. Т. 1. 644 с.
Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного языка. М., 1965. С. 75–85.
Ксенофонт. Сократические сочинения. М. : Наука, 1993. 383 с.
Мережковский Д. С. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Дмитрий Сечин, 2017. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон. 807 с.
Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М. : Наука, 1980. 504 с.
Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 4. 830 с.
Плавт. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Искусство, 1987. Т. 2. 803 с.
Софокл. Трахинянки / пер. С. В. Шервинского // Софокл. Трагедии. М., 1979. 411 с.
Фукидид. История. М: Ладомир. АСТ. 1999. 736 с.
Цицерон М. Т. Философские трактаты. М. : Наука, 1985. 384 с.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. С.-Петрбургъ, 1890. Т. 2. 497 с.
Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. 1368 p.
Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Klincksieck, 2001. 833 p.
Enciclopedia italiana Treccani. URL : www.treccani.it/vocabolario/ricerca/architector/ (дата обращения: 15.01.2020).
LSJ: A Greek-English Lexicon. Liddell and Scott's lexicon. URL : lsj.gr (дата обращения: 27.12.2019).
Morreale M. Apuntes para la historia del termino arquitecto // Hispanic Review: Joseph E. Gillet Memorial Volume. 1959. Vol. 27, No. 1. Part I. P. 123–136.
Nencioni G. Saggi e Memorie, Collana: Strumenti e testi, Scuola Normale Superiore. Pisa, 2000. 484 p.
Rykwert J. On the Oral Transmission of Architectural Theory // RES: Anthropology and Aesthetics. 1982. No. 3. P. 68–81.

REFERENCES

Avgustin A. O Grade Bozhiem. M. : AST, 2000. 1296 s.
Akvinskij F. Kommentarii k HII knige Metafiziki. M. : Direkt-Media, 2002. 148 c.
Al'berti L. B. Desjat' knig o zodchestve : v 2 t. M., 1935. T. 1. 392 s.

Aristotel'. Metafizika. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, M., 2006. 229 s.
Vinokur G. O. O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoj tehnicheskoj terminologii // Sbornik statej po jazykovedeniju / pod red. M. V. Sergievskogo, D. N. Ushakova, R. O. Shor., M., 1939. T. V. S. 3–54.
Vitruvij. Desjat' knig ob arhitekture. M. : Librokom, 2012. 320 s.
Gerodot. Istorija v devjati knigah. Nauka, 1972. T. 3. 604 s.
Gomer. Iliada. L. : Nauka, 1990. S. 395–416.
Demosfen. Rechi : v 3 t. T. 2. M. : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 1994. 608 s.
Evripid. Tragedii : v 2 t. M. : Nauka, Ladomir, 1999. T. 1. 644 s.
Kapanadze L. A. O ponjatijah «termin» i «terminologija» // Razvitie leksiki sovremennogo jazyka. M., 1965. S. 75–85.
Ksenofont. Sokraticheskie sochinenija. M. : Nauka, 1993. 383 s.
Merezhkovskij D. S. Sobranie sochinenij : v 20 t. M. : Dmitrij Sechin, 2017. T. 14: Tajna Treh: Egipet i Vavilon. 807 s.
Pindar, Vakhilid. Ody. Fragmenty. M. : Nauka, 1980. 504 s.
Platon. Sobranie sochinenij : v 4 t. M. : Mysl', 1994. T. 4. 830 s.
Plavt. Sobranie sochinenij : v 3 t. M. : Iskusstvo, 1987. T. 2. 803 s.
Sofokl. Trahinjanki / per. S. V. Shervinskogo // Sofokl. Tragedii. M., 1979. 411 s.
Fukidid. Istorija. M: Ladomir. AST. 1999. 736 s.
Ciceron M. T. Filosofskie traktaty. M. : Nauka, 1985. 384 s.
Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. S.-Petrburg#, 1890. T. 2. 497 s.
Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. 1368 r.
Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Klincksieck, 2001. 833 p.
Enciclopedia italiana Treccani. URL : www.treccani.it/vocabolario/ricerca/architector/ (data obrashhenija: 15.01.2020).
LSJ: A Greek-English Lexicon. Liddell and Scott's lexicon. URL : lsj.gr (data obrashhenija: 27.12.2019).
Morreale M. Apuntes para la historia del termino arquitecto // Hispanic Review: Joseph E. Gillet Memorial Volume. 1959. Vol. 27, No. 1. Part I. P. 123–136.
Nencioni G. Saggi e Memorie, Collana: Strumenti e testi, Scuola Normale Superiore. Pisa, 2000. 484 p.
Rykwert J. On the Oral Transmission of Architectural Theory // RES: Anthropology and Aesthetics. 1982. No. 3. P. 68–81.

УДК 811.112.22

О. В. Пантелеева

аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: breatney2007@mail.ru

БАВАРСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается прагматика использования баварских диалектизмов в современном немецкоязычном медиадискурсе. Материалом для исследования послужили тексты следующих интернет-газет и журналов: Süddeutsche Zeitung, Merkur, Die Welt, а также корпус немецкого языка DWDS, на основе которых представляется возможным проследить как частотность употребления баварских диалектизмов, так и тип медиадискурса, в котором они встречаются. В статье применяется контекстуальный метод анализа диалектизмов, выявляются частотность, тип диалектизма и его функции в контексте.

Ключевые слова: баварский диалектизм; медиадискурс; политический дискурс; контекстуальный анализ; оценочность; эмотивность; культурная специфика.

O. V. Panteleeva

Postgraduate student, Department of Lexicology and Stylistics
of the German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: breatney2007@mail.ru

BAVARIAN DIALECTAL WORDS IN POLITICAL DISCOURSE

The article considers the pragmatic aspect of Bavarian dialectal words usage in contemporary German media discourse. Analysis is based on texts of German online-newspapers *Süddeutsche Zeitung*, *Merkur*, *Die Welt* and German language Corpus DWDS, with reliance on which the frequency of dialectal words usage, their functions and the type of the media discourse are explored. Contextual analysis is applied to identify and describe the parametres in question.

Key words: bavarian dialect; media discourse; political discourse; contextual analysis; evaluation; emotivity; cultural reflection.

Введение

Средства массовой информации всегда находятся в эпицентре событий. Одним из типов медиадискурса является политический дискурс, который согласно Е. И. Шейгал включает любые речевые образования, относящиеся к сфере политики [Шейгал 2000, с. 23]. Относясь к институциональному типу дискурса и выражая мнения

CC BY

правительства и партий в виде определенных норм и ритуалов, данный тип дискурса является одним из инструментом воздействия на ценностные ориентиры широкой аудитории.

Лингвисты выделяют следующие свойства политического дискурса: идеологичность – насыщенность системой взглядов и идей [Чудинов 2007], манипулятивность – действия, направленные на контроль и управление людьми путем навязывания собственного мнения, заведомо ложного, ради собственной выгоды [Михалёва 2009]. Данные свойства косвенно реализуются посредством различных языковых средств, включая диалектизмы. В политическом дискурсе нередко можно встретить пейоративную лексику, чаще, нежели более мягкую лексику с негативной коннотацией, часто переходящую в речевую агрессию, что вызвано главным свойством политики – агональностью [Карамова 2013]. Примером могут служить отдельные слова типа «Depp», «Sakra!» и др.

Политический дискурс всё чаще напоминает обыденную речь. Это происходит также в силу снятия стилистических, этических ограничений, что скорее всего диктуется потребностями адресата или конкретного социального института. Диалектизмы делают реальность более ощутимой, придают описанию события региональную окраску, возможно, некую курьёзность, подчеркивают стиль родины. Этнолог Г. Баузингер пишет: «Диалект – это обращение на «ты» и характеристика человека, с которым ты на «ты» и который хочет объединения (мы), стремится к солидарности [Bausinger 1977, с. 15]. Говорящий на диалекте автоматически считается более дружелюбным, приветливым и привлекательным. Л. Цахетнер отмечает, что говор традиционно употреблялся в коротких смешных рассказах, сатире, полемике [Zahetner 1985].

Примеры использования диалектизмов в политическом дискурсе

Лексические средства, значение которых известно не всем носителям немецкого языка: дифференциация / интеграция:

> Berlin – Am Ende machte er es kurz: Auf gut Bayerisch mit einem *“**Habe die Ehre, servus, pfiat eich**“* dankte Karl-Theodor zu Guttenberg am Montagabend ab (*Merkur. 08.02.2011*). – Берлин – В конце он кратко

попрощался: На хорошем баварском: «***Всего доброго, до свидания, храни вас Бог***», – ушел с поста Карл-Теодор Гуттенберг в понедельник вечером.

В данном контексте можно видеть баварское традиционное прощание, что подчеркивает приверженность традициям и ценностям баварской культуры, это свидетельствует о некой дифференциации с учетом использования данных речевых формул вне Баварии.

Wenn Rahimi heute durch Deining läuft ... dann heißt es oft "***Servus***", "***Griaß di***" und "***Habe die Ehre***" (*Süddeutsche Zeitung. 01.05.2019*). – Проходя сегодня по Дайнингу (район в Баварии) … Рахими часто слышал баварские приветствия: «***Здравствуйте***, ***Приветствую***, ***Честь имею***».

Данная статья рассказывает о том, как баварцы демонстрируют беженцам свою культуру и свое отношение к ним с надеждой на их будущую интеграцию. Частотность употребления данного диалектизма в газете Süddeutsche Zeitung высокая – 102 совпадения.

- *Лексико-фразеологические средства приветствия и прощания для демонстрации сопричастности к народу, искренности, для установления контакта с аудиторией*

"***Servus, pfiats eich*** und reißt's eich zam", sagte Bause am Dienstag bei ihrer kurzen Abschlussrede im Plenarsaal (*Süddeutsche Zeitung 17.10.2017*). – «***До свидания, Бог в помощь***, держитесь», – сказала Баузе во вторник во время короткого прощания в пленарном зале.

Данное прощание было адресовано членам партии с целью показать искреннее сожаление по причине ухода из ландтага. Такое прощание является эмотивным, а также располагает к себе аудиторию.

Im Schneechaos Anfang des Jahres haben die Helfer nach Einschätzung des bayerischen Innenministers Joachim Herrmann (CSU): "Enormes geleistet und Schlimmeres verhindert. '***Vergelt's Gott*** *hierfür*'" (*Merkur. 04.03.2019*). – В снежном хаосе в начале года помощники, по мнению баварского министра внутренних дел Йоахима Германна (ХСС): «Проделали очень большую работу и предотвратили худшее. «***Благослави вас Бог за это***».

Данное выражение благодарности показывает большую степень благодарности и является более искренним, тем самым располагает к себе аудиторию. Частотность – 47 (средняя).

- *Диалектизмы приветствия, использующиеся для привлечения внимания конкретной аудитории:*

„***Griaß Euch***, liebe Kinder! Ich bin ja so stolz! Was für ein Tag! Heute ist ein historischer Nockherberg! Sowas hat es hier noch nie geben! Noch nie hatte Bayern so viele Ministerpräsidenten – und zwar ZWEI – einen amtierenden und einen gefühlten»! (*Merkur.* 28.02.18). – «***Приветствую Вас***, дорогие дети! Я так горда. Что за день! Сегодня исторический Нокхерберг. Такого здесь еще никогда не было. Никогда еще в Баварии не было так много премьер-министров – целых два – один назначенный, второй – ощущаемый».

Обращение на баварском диалекте является традиционным на территории Баварии. В данном контексте Мама Бавария обращается к конкретной аудитории (жителям Баварии). Начиная свою речь с обращения на баварском диалекте, оратор привлекает внимание конкретной аудитории, располагает к себе адресата и получает доверительное отношение к себе. Частотность – 131 (высокая).

- *Оценочные лексико-фразеологические средства, которые используются в целях стереотипизации явления путем навязывания оценок, что приводит к формированию положительного или отрицательного отношения к явлению:*

Boris Johnson – der Unvermeidliche. Die Schwäche der Gegner ist seine größte Stärke…Er war als Außenminister ein Desaster, gilt als gewohnheitsmäßiger Lügner, Ehebrecher und Betrüger seiner Lebensgefährtinnen und selbst seine Anhänger sehen ihn als ***Schlawiner.*** Seine Gegner aber halten ihn für einen gefährlichen Scharlatan, arbeitsscheu, egozentrisch und grenzenlos ehrgeizig (*Deutsche Welle. 11.06.2019*). – Борис Джонсон – неизбежность. Слабость противников – его самая сильная сторона. В качестве министра иностранных дел он был катастрофой, считался лжецом, прелюбодеем и обманщиком своих спутниц жизни, и даже его сторонники видят в нем ***хитреца***. Его противники считают его опасным шарлатаном, не любящим трудиться, эгоцентричным и безгранично честолюбивым.

Данный диалектизм подразумевает оценочность, формируя конкретное стереотипное мнение о политике, призывает читателей не доверять ему. Частотность – 1 (низкая).

Er erklärt die SPD zu einer ***Adabei-Partei*** – klein, aber immerhin nütze, der Union zur Mehrheit zu verhelfen (*Berliner Zeitung. 24.07.2015*). – Он объявляет СДПГ партией ***снобов***, маленькой, но все-таки нужной для получения большинства голосов Христианско-демократическим союзом.

Данный диалектизм имеет отрицательную коннотацию и является оценочным. Значение диалектизма: человек, который «везде сует свой нос», хочет казаться значимым. В данном контексте имеет место дискредитация партии в силу агональности (отражения борьбы за власть) политического дискурса, а также унижение партии оппозиции с целью формирования определенного мнения у читателя. Частотность – 8 (низкая).

Franz Josef Strauß, der als "***Hundling***" galt, was so viel wie "Draufgänger, Tatmensch" bedeutet (*Berliner Morgenpost. 02.10.2008*). – Ф. Й. Штраус считался «***хорошим парнем, хитрецом***», что в данном контексте означает «смельчак» и человек дела».

Баварский диалектизм является эмоционально-оценочным. В данном контексте он взят в кавычки и далее следует разъяснение. Диалектизм обладает положительной коннотацией и формирует позитивное отношение читателя к лидеру баварской партии ХСС. Частотность – 2 (низкая).

"Langsam bekommt die CSU was Verzweifeltes." Doch das Allerwichtigste sei: Aber Guttenberg werde schon wiederkommen, "unser ***Bazi***, unser adliger" (*Die Welt. 23.03.2011*). – «Постепенно ХСС отчаивается». Всё же самое важное – это то, что Гуттенберг скоро вернется, «наш ***хитрец***, наш дворянин».

Данная лексема подразумевает негативное отношение баварцев к Гуттенбергу. Диалектизм, имея положительную коннотацию, употреблен в контексте, предполагающем сарказм. Частотность – 15 (средняя).

- *Лексико-фразеологические средства, с помощью которых можно отнести людей к категории: «свой / другой / чужой»:*

К категории «свой» относятся слова и фразы, которые отражают культурную специфику федеральной земли, общее мировоззрение:

Doch der Minister mahnte auch: “Gerade wenn es uns gut geht, sollten wir ***Vergelt's Gott*** sagen” (*Merkur. 04.10.2015*). – Но министр также предупредил: «Как раз когда у нас все хорошо, мы должны говорить «***Благослави Бог***».

Частотность – 45 (средняя). Данный призыв соответствует картине мира баварцев относительно их религиозности и верности традициям. Таким образом, министр относится к категории «свой».

Bevor Klaffki den Raum betritt, kündet davon ein Dialog von Tisch zu Tisch. “Du, wo is‘n dei Babba?” – “Der is ned dahoam!” – “Wo is er‘n?” – “Buenos Aires”... (*Süddeutsche Zeitung. 17.05.2010*). – Прежде чем Клаффки входит в комнату, об этом свидетельствует диалог людей, сидящих за соседними столами: «Где твой папа? – Он не дома. А где он? – в Буэнос Айресе».

Заголовок «Входной Билет для Местного Политика – Мальчик». Данный отрывок показывает роль баварского диалекта в преддверии выборов. Разговор на диалекте помогает политику приблизиться к народу, идентифицировать себя с ним, расположить его к себе. Частотность – 3 (низкая).

К категории «чужой» относятся слова, маркирующие различия в мировоззрении и характеризующие человека как предателя.

Auf dem Bild ist eine Frau im Dirndl, mit Brezel und einer Maß Bier zu sehen. Dazu lautet der Slogan: „Tradition bewahren“. Ausgerechnet für sein Traditionsbewusstsein erntet Schneider aber Kritik. Ein User macht sich über das ungewöhnliche Dirndl lustig und schreibt: “Hab noch nie n ***Dirndl*** mit Reißverschluss gesehen.” Schneider, der sich mit diesem Motiv offenbar bei bayerischen Wählern beliebt machen will, wird von diesen als ahnungslos und “***Saupreiß***” beschimpft (*Kölner Stadt Anzeiger. 31.08.2017*). – На плакате изображена женщина в баварском национальном платье, с брецелем и кружкой пива. Слоган гласит: «Храните традиции». Но как раз за такое осознанное сохранение традиций на Шнайдера посыпалась критика. Один пользователь насмехается над нетрадиционным баварским платьем и пишет: «Никогда еще не видел ***баварское платье*** с молнией». Шнайдер, который хочет данным приемом стать популярным среди баварских избирателей, теперь будет назван несведующим ***небаварцем***.

Частотность – 2 (низкая). В данной статье показана любовь баварцев к своим традициям, а манипуляция политика с помощью

баварских ценностей закончилась отторжением аудитории от политика, что причислило его к категории «чужой».

- *Лексико-фразеологические средства, описывающие культуру Баварии*

"Wir halten, was die CSU verspricht", war fortan der Slogan der AfD, die sich als "bessere CSU" zu inszenieren versuchte. …die niederbayerische Spitzenkandidatin Katrin Ebner-Steiner trat vorzugsweise im ***Dirndl*** auf (*Berliner Zeitung. 14.10.2018*). – «Мы сдерживаем обещания ХСС» – так звучит слоган партии Альтернатива для Германии, которая пыталась выставить себя в лучшем свете, чем ХСС. <…> Нижнебаварский кандидат в лидеры партии Катрин Эбнер-Штайнер оделась в ***баварское национальное женское платье***.

Слово *Dirndl* создает образность. Читатель представляет себе веселую, привлекательную девушку, которая ценит традиции Баварии, что несомненно располагает к себе аудиторию. Данный национальный костюм ассоциируется с фестивалем Октоберфест, весельем и легкостью. Частотность – 566 (очень высокая).

- *Эмоционально-оценочная лексика*

Die Stadt schenkte 1000 Mark, der Bürgermeister begrüßte ihn als „netts ***Wuzerl***" und wurde Pate… (*Berliner Zeitung. 14.03.14*). – Город подарил 1000 марок, мэр назвал его «милым ***ребеночком***» и стал крестным отцом…

Данная статья описывает происходящее в Мюнхене, соответственно очень гармонично используется баварский диалектизм. Слово используется в прямом значении, имеет эмотивную функцию и отражает культурную специфику Баварии. С помощью данного диалектизма мэр показывает свою заботу, не безразличие, тем самым располагает к себе. Частотность – 2 (низкая).

- *Лексико-фразеологические средства экспрессивности:*

Als ***Schmatzer*** gelten Akteure, die zu viel reden. Im Landtag sitzen berufsbedingt viele Schmatzer. Ministerpräsident Markus Söder hat sich sogar als ein so begnadeter Schmatzer hervorgetan, dass ihm der Kabarettist Bruno

Jonas den Ehrentitel Mausdoudschmatzer verpasst hat (*Süddeutsche Zeitung. 09.09.2019*). – К «***губошлепам***» относятся деятели, которые слишком много говорят. В ландтаге заседает много губошлепов. Премьер-министр Маркус Зёдер настолько «одарен» этим умением, что эстрадный актер Бруно Йонас передал ему почетный титул болтуна.

Диалектизм является экспрессивно-оценочным, характеризуя, в частности, политика как человека, который много обещает, при этом ничего не делает. В данном отрывке присутствует ирония и она является средством дискредитации политика. Частотность 5 – низкая.

- *Лексико-фразеологические средства речевой агрессии – инвективы*

Seehofer hat dann auch noch schnell bei der FDP vorbeigeschaut, eine halbe Stunde lang. Auch da passte das Wort Anstand: FDP und CSU haben sich in ihrer letzten gemeinsamen Regierung vor vier Jahren schließlich gegenseitig als ***Wildsau*** und Gurkentruppe beschimpft (*Mitteldeutsche-Zeitung. 18.10.2017*). – Зеехофер также ненадолго заглянул к партии СВДП, на полчаса. И вот подошло время выразить претензии: СВДП и ХСС в последнем совместном правительстве четыре года тому назад наконец-то назвали друг друга ***дикарями*** (***свиньями***) и слабой спортивной командой.

Данный диалектизм является экспрессивно-оценочным, выражает резко негативное отношение к человеку. Метафорическая модель относится к животному миру, что часто встречается в политическом дискурсе [Чудинов 2001]. Частотность – 3 (низкая).

- *Возгласы, включающие баварские диалектизмы*

Sakradi! Aber wie groß sind die Chancen eines noch so akzentfrei sprechenden Bayern, Kanzlerkandidat zu werden? Klein (*Berliner Zeitung. (8) 03.01.2011*). – ***Вот проклятье!*** Но как велики шансы для такой еще говорящей безакцентной Баварии выдвинуть кандидата в канцлеры? Малы.

Данный диалектизм экспрессивен, в этом случае служит для привлечения внимания и выражения недовольства. Частотность – 8 (низкая).

Заключение

Исходя из анализа вышеприведенных примеров использования диалектизмов в политическом массмедиа дискурсе, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что диалектизмы не являются широко распространенным языковым средством в сфере политики, при этом они служат для достижения следующих целей: расположить адресата к себе, навязать стереотипное видение ситуации или явления, выразить эмоции, добавить экспрессии, что оказывает еще большее воздействие на читателя, продемонстрировать приверженность культурным традициям федеральной земли Бавария с целью отнести себя к категории «свой» и дискредитировать оппонента, что относит его к категории «чужой». Диалектизмы встречаются не только в газетах, напечатанных на территории Баварии, но и в центральном регионе, что говорит о необходимости их использования в силу их ёмкости и экспрессивности. Диалектизмы полностью соответствуют целям автора статьи: привлечение внимания читателя, воздействие на него и выполнение развлекательной функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карамова А. А. Современный политический дискурс: конец XX – начало XXI вв. : дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2013. 411 с.

Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 251 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

Bausinger H. Zur kulturalen Dimension von Identität // Zeitschrift für Volkskunde. 1977. H.73. S. 210–215.

Zahetner L. Das Bairische Dialektbuch. München : Verlag C. H. Beck, 1985. 300 S.

REFERENCES

Karamova A. A. Sovremennyi politicheskii diskurs: konets XX–nachalo XXI vv. : dis. … d-ra filol. nauk. Ufa, 2013. 411 s.

Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya. M. : Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii. Ekaterinburg. : Ural. gos. ped. un-t, 2003. 251 s.

Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) : monografiya. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 s.

Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. : dis. … d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000. 431 s.

Bausinger H. Zur kulturalen Dimension von Identität // Zeitschrift für Volkskunde. 1977. H.73. S. 210–215.

Zahetner L. Das Bairische Dialektbuch. München : Verlag C. H. Beck, 1985. 300 S.

УДК 811.512.33

Бямбажав Баяржаргал

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

УСТАНОВЛЕНИЕ ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ В ПЕРЕВОДЕ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ» XX ВЕКА

В статье рассматриваются монгольские послелоги, встречающиеся в переводе эпоса «Сокровенного сказания монголов» и двух литературных произведениях XX в.; устанавливается реальная употребляемость данных послелогов, исследуется их сравнительная встречаемость в трех текстах. По каждому послелогу высчитана частотность, которая иллюстрируется в графиках, также приведены таблицы соответствия.

Ключевые слова: монгольский язык; послелог; “Сокроенное сказание монголов”; частотность упротребления; архаизм.

Byambajav Bayarjargal

Postgraduate student, Department of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

USAGE FREQUENCY OF POSTPOSITIONS IN THE 20th CENTURY TRANSLATION OF THE “SECRET HISTORY OF MONGOLS”

The article studies Mongolian postpositions as they were used in 20th century translations of the epic “The Secret History of Mongols” and two literary works of the 20th century. Research seeks to establish the frequency of this type of postpositions and compares the rate of their occurrence in three texts. As a result, usage frequency is estimated, the received data are reflected in graphs, correspondence tables are given for each postposition.

Key words: Mongolian language; postposition; “The Secret History of Mongols”; usage frequency; archaism.

CC BY

Введение

Данная статья – это фрагмент большой работы, целью которой является исследование динамики употребления послелогов в истории монгольского языка. Исследование будет выполняться на материале текста «Сокровенного сказания монголов» XIII в. и его современного перевода, сделанного в 1947 г. Однако известно, что современный перевод намеренно архаизирован, поэтому мы сначала должны установить реальную употребляемость послелогов, содержащихся в этом тексте, на том же синхронном срезе. Для этого была исследована сравнительная встречаемость послелогов в переводе «Сокровенного сказания монголов» (далее используется сокращение ССМ) и в двух литературных произведениях: роман «Тунгалаг тамир» («Прозрачный Тамир»), написанный известным монгольским литературоведом Чадраабалын Лодойдамба в 1971 г. (далее – ПТ) [Лодойдамба 1971]; сборник стихов «Сумтэй бударын чулуу» («Священные камни»), написанный известным монгольским поэтом Ренчиний Чойном в 1990 г. (далее используется сокращение СК) [Чойном 1990].

Следует подчеркнуть, что послелоги указаны в том варианте, в каком встречаются в тексте XIII в. «Сокровенного сказания монголов» [Buck 1955, с. 86–119].

Анализ послелогов

Послелог adali – «как, подобно, одинаково с»

Данный послелог довольно с высокой частотностью встречается во всех трех текстах, но может соотноситься с иными своими формами (*adil*, *adilxan*) с разными падежными окончаниями.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§197)*

Ter	xün	ba	tüün-ii	mori,	či-nii
Тот	человек	и	он-GEN	конь,	ты-GEN

sur-dag-tai	***adil***	bai-na.
спрашивать-PRS-COM	***как***	быть-PRS.

рус.: Тут есть и человек, и конь, как раз такие, ***как*** ты спрашиваешь.

- *«Прозрачный Тамир»*

Xarin	bi	bol	teden-tei	***adil***	biš.
А	я	есть	они-COM	***подобен***	не.

рус.: А я не ***подобен*** им.

- *“Священные камни”*

...Gangar	šaadzan	***adil***	cav	cagaan...
...Тонкий	фарфор	***как***	пребелый-IDENTIF	белый...

рус.: ...белый-пребелый ***как*** тонкий фарфор...

Таблица 1

Соответствия послелога *adali* в текстах

ССМ	ПТ	СК
adil	adil adilxan	adil adilxan

Послелог *büri* – ***«каждый, всякий»***

Данный послелог встречается в трех текстах в разных падежных формах, но в современном языке, тем более в разговорной речи, начинает заменяться послелогом *bolgon*, что видно из анализа текста СК.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§31)*

Ted	irgen	ögüül-rüün:
Они	гражданин	ответить-PST:

“Ödör	bür	negen	xün
«День	каждый	один	человек

man’-d	ir-j
мы-DAT/LOC	приходить-PTCP

eseg (cegee)	uu-j	od-no”.
кумыс	пить-PTCP	уходить-PRS»

рус.: Люди те отвечали: «Каждый день заходит к нам человек угостится кумысом и уходит».

- *«Прозрачный Тамир»*

Tal	***bür***	xaiguul
Сторона	***каждый***	поисковик

turšuul	tav-in...
разведчик	отправлять-PTCP...

рус.: Отправляя во все стороны (в ***каждую*** сторону) поисковиков и разведчиков...

- *«Священные камни»*

Baišin	***bür***-iin	conx
Дом	***каждый***-GEN	окно

baraan	nüd	šig	širte-j…
тёмный	глаз	как	разглядывать-PTCP...

рус.: Окна ***каждого*** дома, словно темные глаза, разглядывали (меня)...

Таблица 2

Соответствия послелога *büri* в текстах

ССМ	ПТ	СК
bur	bur	bur bolgon

Послелог čuq – «с, вместе»

Данный послелог встречается в тексте XIII в. «Сокровенного сказания монголов», однако в ССМ и ПТ послелог не используется вовсе, что, видимо, связано с широким употреблением послелога *xamt* с тем же значением. В СК наблюдается небольшой рост частотности, но в современном языке, тем более в разговорной речи, послелог *cug* чаще заменяется послелогом *xamt*.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§19)*

Šireet	övgön	Alan
Ширгету	старик	Алан

Nayaa	xoyor	xövüün-ii	***xamt***…
Наяа	два	сын-COM	***вместе***...

рус.: Ширгету-Евген ***вместе*** со своими сыновьями Алахом и Наяа...

- *«Прозрачный Тамир»*

Xamt	yavax-uu?
Вместе	идти-INT.PTCL?

рус.: Пойдем ***вместе***?

- *«Священные камни»*

Ider	nas-ni	min’	gunig	ixenx
Молодой	возраст-GEN	мой	грусть	больший

am’dral-d-n’	***cug***	yav-laa.
жизнь-DAT / LOC-POSS	***с***	идти-PRS.PST.

рус.: ...Грусть моей молодости шла ***со мной*** большую часть моей жизни...

- *«Священные камни»*

Naidz	nöxö-d-tei-göön	bi
Друг	товарищ-PL-COM-POSS	я

xamt	ötlöx	yostoi.
вместе	состариться	должен.

рус.: ...Должен я с друзьями своими встретить старость ***вместе***.

Таблица 3

Соответствия послелога *čuq* в текстах

ССМ	ПТ	СК
xamt	xamt	cug xamt

Послелог dorona – «восток, на востоке»

Данный послелог, встречающийся в тексте XIII в. «Сокровенного сказания монголов», уже в XX в. был архаичным. ССМ, ПТ и СК послелог употребляется лишь в роли существительного или прилагательного. В современном языке данный послелог чаще заменяется словосочетанием *züün züg*, *züün tal* с тем же значением в разных падежных формах.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§214)*

Ex-iin	ger-t	***züün***	***tal-d***
Мать-GEN	юрта-DAT/LOC	***левая***	***сторона***-DAT / LOC

suu-j	bai-san	Altani ...
сидеть-PTCP	быть-PST	Алтани...

рус.: Алтани, сидевшая в ту пору ***слева*** в материнской юрте...

- *«Прозрачный Тамир»*

Züün	***tal-in***	oron
Левая	***сторона***-GEN	кровать

deer	3-4	nas-tai	xüüxed	unta-j	bai-laa.
на	3-4	лет-COM	ребёнок	спать-PTCP	быть-PRS.PST.

рус.: ...на кровати ***с левой стороны*** (юрты) спал ребенок 3-4 лет.

- *«Священные камни»*

Uragšaa,	xoišoo,	baruun	tiišee,
Вперед,	назад,	правый	в сторону,

züün	***tiišee***…
левый	***в сторону***...

рус.: На юг (вперед), на север (назад), на запад (направо), ***на восток*** (***налево***)...

Таблица 4

Соответствия послелога *dorona* в текстах

ССМ	ПТ	СК
züün züg züün tal	züün züg züün tal	züün züg züün tal

Послелог dutum / tutum – «каждый, всякий раз, как только»

Данный послелог встречается в ССМ и ПТ почти с одинаковой частотностью, в СК немного реже. Однако в современном языке данный послелог, как и послелог *bur*, чаще заменяется синонимичным послелогом *bolgon*.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§ 193)*

Amid	xün	***tutam***	er	bur	šönö
Живой	человек	***каждый***	мужчина	каждый	ночь

tavan	angi	gal
пять	отдельный	костёр

tül-j	gal-aar	sür	badr-uulya.
зажигать-PTCP	костёр-INSTR	мощь	процветать-IMP.

рус.: Пусть ***каждый*** человек, каждый мужчина ночью зажжет по пяти костров сразу в различных местах, будем наводить страх множеством костров.

- *«Прозрачный Тамир»*

Margaaš-naas-n’	exle-n	Tömör-iin	bie
Завтра-ABL-POSS	начинать-PTCP	Тумур-GEN	здоровье

ödör	irex	tutam	saijir-č…
день	приходить	каждый	улучшаться-PTCP…

рус.: Начиная со следующего дня, с каждым днём состояние здоровья Тумура становилось лучше...

- *«Священные камни»*

Üseg	***tutam***-d	minii	cus	bui.
Буква	***каждый***-DAT / LOC	мой	кровь	есть.

рус.: …за ***каждой*** буквой есть моя кровь.

Таблица 5

Соответствия послелога *tutum* в текстах

ССМ	ПТ	СК
tutam	tutam	tutam

Послелог metü – «как, подобно, словно»

Данный послелог имеет высокую частотность как в ССМ, так и в ПТ, однако в СК, из-за использования в современном языке послелога *šig*, частотность сокращается.

- *«Сокровенное сказание монголов» (§209)*

Odoo	Xubilai,	Zelme,	Zev,	Sübeedei	ta
Теперь	Хубилай,	Чжельме,	Чжебе,	Субеетай	вы

dörv-üül	sain	noxo-d	***met***	itgeltei	nöxö-d	mön.
четыре-COL	хороший	пёс-PL	***словно***	верный	друг-PL	есть.

рус.: Теперь вы, Хубилай, Чжельме, Чжебе и Субеетай, – четыре моих верных друга, ***словно*** хорошие дворовые псы.

- *«Прозрачный Тамир»*

…end	am’d	am’tan-güi	***met***	ajee.
...здесь	живой	животное-NEG	***будто***	есть-PST.

рус.: ...здесь ***будто*** нет ни одной живой души.

- *«Священные камни»*

Bi	l	ai-dag-güi	xün
Я	лишь	бояться-PRS.NEG	человек

gej	sarmagčin	***met***	zagnasaar.
будто	мартышка	***как***	вести себя-PTCP.

рус.: …ведя себя, ***как*** мартышка, будто ничего не боюсь.

Таблица 6

Соответствия послелога *metü* в текстах

ССМ	ПТ	СК
met	met	met

Заключение

Анализ послелогов, встречающихся в переводе «Сокровенного сказания монголов», показал, как с течением времени частотность употребления некоторых послелогов в монгольском языке сокращается ввиду распространения других более частотных послелогов. Подобные послелоги постепенно становятся архаизмами.

Так, из графиков можно увидеть, что лишь у послелога *adali* частотность употребления отстается возрастающей в трех анализируемых текстах. А послелоги *büri*, *čuq*, *dorona*, *tutum* и *metü* теряют свою частотность, их выбор при написании перевода «Сокровенного сказания монголов» обусловлен необходимотью стилизации исторического произведения.

Поскольку первоначальной целью данной статьи не являлось исследование причин вышеупомянутых процессов, была проведена работа лишь по анализу определенных послелогов в текстах XX в., выявлению частотности их использования.

Список сокращений

ABL	исходный падеж
COL	собирательное числительное
COM	совместный падеж
DAT/LOC	дательно-местный падеж
GEN	родительный падеж
IDENTIF	усилительная частица к словам с начальным «ца»
IMP	повелительное наклонение
INSTR	орудный падеж
INT.PTCL	вопросительная частица
NEG	отрицание
NOM	именительный падеж
PL	множественное число
POSS	притяжательный маркер

PRS	настоящее время
PST	прошедшее время
PTCP	причастие
ПТ	роман «Прозрачный Тамир»
СК	сборник тихов «Священные камни»
ССМ	эпос «Сокровенное сказание монголов»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дамдинсурэн Ц. Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1947.

Лодойдамба Ч. Тунгалаг Тамир. Улаанбаатар : Монгол улсын хэвлэлийн хороо, 1971. 453 х.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М. : Институт востоковедения РАН, 2000. 182 с.

Чойном Р. Сүмтэй будрын чулуу. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990.

Языки мира: Монгольские языки, Тунгусо-маньчжурские языки, Японский язык, Корейский язык/ В. Н. Ярцева и др. М. : Индрик, 1997. 408 с.

Buck F. H. Comparative study of postpositions in Mongolian dialects and the written language. Cambridge : Harvard University Press, 1955. 158 p.

Racewiltz Igor de, Rybatzki V. Introduction to Altaic Philology: Turkic, Mongolian, Mancu. Boston: Brill, 2010. 494 p.

Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания» / В. Н.Солнцев и др. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 343 с.

Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 301 p.

REFERENCES

Damdinsuren C. Mongolyn nuuc tovchoo. Ulaanbaatar : Ulsin hevlelyn gazar, 1947.

Lodoidamba Ch. Tungalag tamir. Ulaanbaatar: Mongol ulsin hevleliin horoo, 1971. 453 s.

Orlovskaja M. N. Jazik mongoliskih tekstov XIII–XIV vv. M.: Institut Vostokovedenija RAN, 2000. 182 s.

Choinom R. Sumtei budarin chuluu. Ulaanbaatar : Ulsin hevleliin gazar, 1990.

Jaziki mira: Mongoliskie jaziki, Tunguso-manijurskie jaziki, Japonskii jazik, Koreiskii jazik / V. N. Jarceva i dr. M. : Indrik, 1997. 408 s.

Buck F. H. Comparative study of postpositions in Mongolian dialects and the written language. Cambridge : Harvard University Press, 1955. 158 p.

Racewiltz Igor de, Rybatzki V. Introduction to Altaic Philology : Turkic, Mongolian, Mancu. Boston: Brill, 2010. 494 p.

Mongolica: K 750-letiju “Sokrovennogo skazanija” / V. N.Solncev i dr. M. : Nauka, 1993. 343 s.

Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 301 p.

УДК 81

Н. А. Козловцева

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, преподаватель переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: nati_shud@mail.ru

СЕРИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье представлен обзор трудов, посвященных изучению глагольных конструкций (или глагольных словосочетаний) в удмуртском языке. В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению такого понятия, как «сериальные глагольные конструкции». Изучив труды, посвященные удмуртскому глаголу, мы выяснили, что в удмуртской лингвистике вместо данного термина используются такие понятия, как «сложные глаголы», «спаренные глаголы», «аналитические глагольные конструкции». Мы выяснили, какие основные типы глагольных образований выделяют исследователи; на какие типы эти глагольные образования делятся по их семантическим и синтаксическим признакам.

Ключевые слова: сериальные конструкции в удмуртском языке; сложные глаголы; аналитические глагольные конструкции

N. A. Kozlovtseva

Postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics, Lecturer at the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: nati_shud@mail.ru

SERIAL VERB CONSTRUCTIONS IN UDMURT LINGUISTICS

This article presents a review of linguistic works that highlight different aspects of verbal constructions (or verbal phrases) in the Udmurt language. In contemporary linguistics special attention is paid to the study of the concept "serial verb constructions". Research into the theory of the Udmurt verb has shown that in Udmurt linguistics the term "serial verb constructions" is replaced by the terms "complex verbs", "paired verbs" and "analytical verb constructions". Analysis served to reveal the main types of verbals distinguished by researchers and the types of verbals identifeied with regard to their semantic and syntactic features.

Key words: serial verb constructions in the Udmurt language; complex verbs; analytical verb constructions

Введение

В настоящее время в лингвистике объектом активных обсуждений стали сериальные конструкции в типологическом плане. Примерно с начала 1960-х гг. в научной литературе идет активное обсуждение

CC BY

синтаксиса и семантики серийных глагольных конструкций. Существует много определений этого явления. Мы будем придерживаться более распространенного определения понятия «сериальные глагольные конструкции», а именно: «Сериальная глагольная конструкция – это последовательность глаголов, которые действуют вместе как единственный предикат, без какого-либо явного признака координации, подчинения или синтаксической зависимости. Они моноклаузальны; их интонационные свойства такие же, как и у моновербального предложения, и они имеют только одно время, аспект и значение полярности. Сериальная глагольная конструкция рассматривается / осмысливается как единое целое (действие)» (наш перев. [Aikhenvald 2006]). Чаще всего под сериальными конструкциями понимаются те, которые состоят из двух глагольных групп. Иначе эти конструкции можно назвать «монопредикативными (чаще всего) бессоюзными глагольными последовательностями, с совпадением значений всех грамматических категорий составляющих ее глаголов, выражающие «единую ситуацию» (a single event), а не последовательность двух различных ситуаций [Скородумова 2006]. В ряде случаев бессоюзная связь служит формальным критерием, отличающим сериальные конструкции от полипредикативных глагольных последовательностей, состоящих из семантически самостоятельных глаголов.

Составляющие этих конструкций – это два или более финитных глагола с особо тесной синтаксической и семантической связью. Природа сериальных конструкций, в первую очередь, семантическая: основное отличие сериальных конструкций от полипредикативных клауз состоит в том, что один из глаголов теряет лексическое значение и переходит в класс глагольных модификаторов. Так, например, введение понятия «сериализация» при изучении иврита позволило впервые выявить содержательное внутреннее сходство многих классов глагольных конструкций, которые традиционно рассматривались в различных разделах ивритских грамматик.

Явление сериальных конструкций широко распространено в языках Африки, Юго-Восточной Азии, Океании и в некоторых других ареалах [Шлуинский 2012]. На примере языка логба исследователи выделяют несколько типов сериальных конструкций: неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции, идиоматические сериальные конструкции, сериальные конструкции, функционально

аналогичные конструкциям с сентенциальным актантом, грамматикализованные сериальные конструкции [Шлуинский 2012]. По поводу идиоматизации сериальных конструкций исследователи считают, что это явление закономерно вытекает из более общих свойств сериальных конструкций в целом [Шлуинский 2011].

1. «Сериальные конструкции» и удмуртское языкознание

Финно-угорским языкам не свойственны сериальные глагольные конструкции. Представители удмуртской лингвистики, равно как и марийской, и коми, отмечают, что подобные образования в удмуртском языке, а также и в родственных ему марийском и коми, образовались как результат «контактного взаимодействия» с тюркскими языками, а именно – в зонах непосредственного языкового контакта между удмуртами и татарами, в частности. В удмуртском языке выделяют подобные образования и исконного происхождения, но на определенном этапе развития удмуртского языка. Представители удмуртской лингвистики, в частности грамматисты, называют эти образования аналитическими глагольными образованиями, или сложными глаголами. Ранее в удмуртской лингвистике не использовалось понятие сериализации, или сериальных глагольных конструкций.

1.1. Обзор трудов об удмуртских глагольных консрукциях

В удмуртском языке явление «сериальные конструкции» недостаточно изучено. Особое внимание изучению глаголов в удмуртском языке уделял И. В. Тараканов; но в своих трудах он в основном использует понятие «аналитические глагольные образования», или «лексикализовнные словосочетания», которыми, как отмечает автор, богат, в свою очередь, татарский язык. В тюркологии такие словосочетания называются сложными глаголами. В работе «Заимствованная лексика в удмуртском языке» (1982) И. В. Тараканов отмечает, что удмуртский язык заимствовал из тюркских языков глагольные основы, выражающие действие или состояние. «Они выступают в качестве глаголов лишь принимая удмуртские глаголообразующие аффиксы или сочетаясь со служебными словами удмуртского языка» [Тараканов 1982].

Аналитические конструкции удмуртских глаголов рассматривает и Е. А. Булычева в своей диссертации «Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском

языках» [Булычева 2010]. В работе особое внимание уделяется образованиям с деепричастиями (чаще с суффиксами *-са-* и *-тэк-*) и со спрягаемыми формами некоторых десемантизованных глаголов, при этом лексическое значение заключается в деепричастии, а глагольная часть является выразителем грамматических значений: *вераськыса утчало* «поговорив поищу / посоветуюсь», *дышетыса индылэмъёс* «обучая поучать/ нравоучения».

Термин «сложные глаголы» вводится и в «Современной грамматике удмуртского языка» (1962), а также в научно-учебном издании «Морфология удмуртского языка» (2011). Наряду со сложными глаголами по своей структуре авторы учебного издания выделяют и составные глаголы. Под составными глаголами понимают еще и спаренные глаголы, которые образуются с помощью глагола и деепричастия: *висьыса кыллыны* (*лежать в больном состоянии*), *вераса куштыны* (*высказать*), *кырӟаса лэзьыны* (*спеть*) [Морфология 2011]. Система спаривания глаголов не известна финно-угорским языкам. Лишь марийский и частично удмуртский приняли от тюркских языков подобное явление [Чхаидзе 1960]. Особенностью аналитических глагольных образований (или сложных глаголов) в удмуртской лингвистике отмечается тот факт, что эти словосочетания «скованны, нерасторжимы, в отличие от обычных синтаксических словосочетаний, представляющих собой свободную связь грамматически изменяемых слов» [Тараканов 1982].

1.2. Типы глагольных конструкций в удмуртской грамматике

В структурно-типологическом плане между удмуртским и татарским языками есть много общих черт, что обусловлено принадлежностью этих языков к агглютинативным языкам, а также и условиями непосредственного языкового контакта, в результате чего в удмуртской речи появляются новые термины и слова, характеризующие черты характера человека, его внутренний мир, взаимоотношения людей и обозначающие различные социальные понятия. Так, например:

- глаголы, которые производят те или иные действия, в результате чего что-нибудь создается, производится, приобретается или уничтожается: *арам карыны* «истратить попусту, транжирить, мотать, промотать», *бъльдърънъ* / *бъльдъргъл карънъ* «разорить, грабить, уничтожить, истребить»;

- глаголы, обозначающие восприятие, узнавание, процесс речи или отношение к кому-нибудь или чему-нибудь: *кен'эшыны* «посоветоваться» (ср. *кенеш сётыны* «дать совет»), *мыскылл'аны* «надсмехаться, оскорблять, унижать, позорить, опозорить» (ср. *мыскыл карыны* «насмехаться»), *сынаны: виз' сынаны* «испытать, испробовать, позондировать», *эсэпланы* (~*эсэп карыны*) «думать,намереваться, полагать, считать, наметить»;
- глаголы, обозначающие психофизиологические состояния, ощущения, чувства, переживания и иные процессы: *тэк: тэк улыны* « бездельничать, ничего не делать», *öч карыны* «упрямиться, сделать назло», *визь сынатыны* «сконфузиться, не выдерживать (не выдержать) испытания, выдавать (выдать) себя»;
- глаголы, обозначающие образы звуковых или зрительных явлений, процессов: *шаӯланы (~ шаӯ поттыны*) «шуметь, шелестеть», *дубыртыны* (~ *дубыр карыны*, *дубыр-шатыр карыны*) «грохотать, громыхать».

По своей структуре среди аналитических глагольных образований в удмуртском языке И. В. Тараканов выделяет следующие группы:

1) Заимствованное имя существительное в основном падеже плюс калькированный удмуртский глагол: *кырал ус'ънъ* «подморозить», *кенеш с'отыны* «дать совет, посоветовать», *ис'пыжсыны* «злить, беспокоиться», *эрик сётыны (дать свободу), яна потыны «*отделиться от семьи».
2) Заимствованное имя существительное в неоформленном винительном падеже плюс калькированный удмуртский глагол: *дан поттыны* «ославить, кичиться, пользоваться незаслуженной славой», *тын бас'тыны* «передохнуть», *тын лэз'ыны* «вздохнуть».
3) Заимствованное имя существительное в форме входного падежа плюс калькированный удмуртский глагол: *янгыше усьыны* «ошибиться», *санэ понънъ* «почитать», *бакасэ пырыны* «поспорить».
4) Заимствованное наречие или наречно-изобразительное слово плюс калькированный удмуртский глагол: *зар бöрдыны* «плакать навзрыд», *тэк улыны* «ничего не делать»).

Также отмечаются сложные глаголы исконно удмуртского происхождения, один из компонентов которых имеет более широкое значение

(как и в родственных марийском и коми языках): *карыны* «делать», *луыны* «быть, становиться», *потыны* «выходить, хотеть», *кутыны* «поймать, взять», *лыктыны* «прийти», *мынынь* «пойти, поехать» и др.

В удмуртской лингвистике отдельно выделяют еще одну группу со вспомогательными глаголами *карыны* «делать», *луыны* «быть, становиться» (*öч карыны* «упрямиться, сделать назло», *йал карыны* «отдохнуть», *айбат луыны* «быть хорошим», *начар карыны* «унизить, насмехаться», *шатър карънъ* «трещать», *аймъл луынъ* «разминуться»). Отличие подобных сочетаний от аналитических словосочетаний, по мнению автора, заключается в том, что вспомогательные глаголы *карыны* и *луыны* выполняют функцию словообразовательной морфемы и почти утратили свое вещественное значение.

В «Современной грамматике удмуртского языка» (1962) сложные глаголы по структуре и семантике делятся на следующие типы: одни глаголы являются чем-то одним целым (*шумпотыны* – «радоваться»), другие выступают полным слиянием (*шугез адз:ыны / шугадз:ыны* – «столкнуться с трудностями»), третьи – в инфинитивной форме выступают как единое целое, а при грамматических изменениях могут разделяться друг от друга (*вожпотыны – вожэ уг поты* – «завидовать, я не завидую»), четвертые – семантически слиты (*санэ поныны* – «учесть, принять во внимание»). Также отмечается наличие еще целого ряда группы устойчивых глагольных словосочетаний (или составных глаголов) в удмуртском языке, имеющих единое значение: *умме ус'ыны* – «уснуть», *тодэ вайыны* – «вспомнить», *тау карыны* – «отблагодарить», *кышно бас'тыны* – «жениться» [Тараканов 1982]. К устойчивым глагольным словосочетаниям относятся и такие слова как *визь сынаны* – «проверять память, испытывать, экзаменовать», *вöсь возьыны* – «молиться», *ним понынь* – «дать имя», *вис карыны* – «сделать паузу», *син усьыны* – «сгласить», *мылкыд жöутскыны* – «появляется желание что-то сделать».

В научно-учебном издании «Морфология удмуртского языка» авторы делят сложные глаголы по способу образования следующим образом:

1) От самостоятельных глаголов синонимичных или антонимичных по своему значению (*шудыны-серекъяны* – «смеяться-радоваться», *улыны-вылыны* – «жить-поживать», *сиыны-юыны* – «есть-пить», *пыраны-потаны* – «заходить-

выходить», *сураны-пожаны* – «мутить-замутить»; *кырӟаны-вераны* – «петь-рассказывать», *пыжыны-пӧзьтыны* – «жарить-варить»);

2) Сложные глаголы, образованные от самостоятельного глагола и глагола, не употребляемого самостоятельно (***мараны***: *изьыны-мараны* – «спать или что-то подобное делать», *ветлыны-мараны* – «будто сходить»);
3) Сложные глаголы, образованные с помощью изобразительно-наречного слова с глаголами ***потыны*** – «выходить, хотеть», ***карыны*** – «делать» (*мыньпотыны* – «улыбаться», *ӵаш карыны* – «шуметь»);
4) Сложные глаголы с заимствованными глаголами из русского языка в сочетании с глаголами удмуртского языка ***карыны*** – «делать», ***кариськыны*** – «делаться, становиться» (*авансировать карыны* – «авансировать», *фотографироваться кариськыны* – «фотографироваться (делаться)»);
5) Сложные глаголы, первая составляющая которых использовалась ранее и обозначала прямой объект действия (*азьбасьтыны* – «опередать, опережать, обогнать», *кылкутыны* – «дать слово, обещать»);
6) Сложные глаголы, в составе которых именная часть не используется в современном языке (*шумпотыны* – «радоваться», *куркарыны* – «ненавидеть, клеймить, осуждать», *дурбасьтыны* – «заступиться, защищать», *шугадӟыны* – «испытать трудности», *азьпалтыны* – «опередить, выйти вперед»); в некоторых из них именная часть может принимать притяжательные суффиксы (*мыл-ы потэ* – «у меня есть желание») и форму входного падежа (*бур-е вайыны* – «вспомнить», *досл.* ‘принести в память’). В эту группу также относят и такие глаголы, как *вукпотыны* – «затошнить, надоест», *керпотыны* – «постетсняться»; *шокпотыны* – «задыхаться», *ӟарпотыны* – «расветать», *мыньпотыны* – «улыбаться», *муспотыны* – «казаться ласковым».
7) Следует отметить и тот момент, что лексикализованные словосочетания в удмуртском языке представляют собой прямые кальки, соответствующие сложным глаголам в татарском языке. Рассматриваемые словосочетания характерны, в первую

очередь, для южных периферийных диалектов удмуртского языка. Подобные сложные глаголы в удмуртском языке обладают парадигмой спряжения (изменению подвергается глагольная составляющая словосочетания), могут быть переходными и непереходными.

Заключение

По итогам обзора, мы пришли к выводу, что исследователями удмуртской лингвистики понятие «сериальные глагольные конструкции» не использовалось ранее. Изучением явления «сериальных глагольных конструкций» в удмуртском языке мы планируем посвятить свою дальнейшую работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Ижевск, 1983. С. 584.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск, 1962. С. 249–252.

Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А. А. Алашеева [и др.] ; отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск : Удмуртский университет, 2011. 408 с.

Тараканов. И. В. Аналитические глагольные образования в удмуртском зыке: Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. Ижевск, 2013. С. 3–7.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.

Тараканов И. В. К истории изучения удмуртско-тюркских языковых контактов: Вестник Удмуртского университета. Вып.2. Ижевск, 2012. 9 с.

Серебренников Б. А. О взаимодействии языков (проблема субстрата) // Вопросы языкознания. № 1. Академия наук СССР, 1955. С. 11.

Скородумова П. Ю. Сериальные конструкции в иврите : автореф. М., 2010. С. 4.

Булычева Е. А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках : дис. … канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. 180 с.

Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1960. 108 с.

Шлуинский А. Б. Идиоматизация сериальных конструкций и связность ситуаций (на материале языков ква) // Языки Дальнего Востока, Юго-

Восточной Азии и Западной Африки: материалы IX международной конференции. М. : Ключ-С, 2011. С.168.

Шлуинский А. Б. Сериальные конструкции с глаголом «брать» в языках ква: опыт внутригенеттической типологии / под общ. рук. В. А. Виноградова, А. И.Коваля, А. Б.Шлуинского // Исследования по языкам Африки. Вып. 4. М. : Ключ-С, 2013. С. 265.

Шлуинский А. Б. К типологии морфосинтаксиса «соединения событий» в поливербальных конструкциях. Работа выполнена в рамках проекта МК-3991.2012.6 по гранту Президента РФ для молодых кандидатов наук и проекта РГНФ № 12-34-012 5.

Шлуинский А. Б. Сериальные конструкции в текстах логба // Проблемы языка : сборник научных статей по материалам первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / под ред. Девяткиной Е М. и др. М. : ИЯз РАН, 2012. С. 364.

Структурные характеристики сериальных конструкций в языках ква: внутригенетическая типология // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследователей РАН). 2016. Вып. XII (1). С. 264–278.

Aikhenvald A. Y., R. M. W. Dixon. (eds). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 1.

REFERENCES

Alatyrev V. I. Kratkij grammaticheskij ocherk udmurtskogo jazyka. Izhevsk, 1983. S. 584.

Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija / otv. red. P. N. Perevoshhikov. Izhevsk, 1962. S. 249–252.

Morfologija udmurtskogo jazyka: nauchno-uchebnoe izdanie / A. A. Alasheeva [i dr.]; otv. red. N. N. Timerhanova. Izhevsk : Udmurtskij universitet, 2011. 408 s.

Tarakanov I. V. Analiticheskie glagol'nye obrazovanija v udmurtskom zyke: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Vyp. 2. Izhevsk, 2013. S. 3–7.

Tarakanov I. V. Zaimstvovannaja leksika v udmurtskom jazyke (Udmurtsko-tjurkskie jazykovye kontakty). Izhevsk: Udmurtija, 1982. 188 s.

Tarakanov I. V. K istorii izuchenija udmurtsko-tjurkskih jazykovyh kontaktov: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Vyp.2. Izhevsk, 2012. 9 s.

Serebrennikov B. A. O vzaimodejstvii jazykov (problema substrata) // Voprosy jazykoznanija. № 1. Akademija nauk SSSR, 1955. S. 11.

Skorodumova P. Ju. Serial'nye konstrukcii v ivrite : avtoref. M., 2010. S. 4.

Bulycheva E. A. Funkcional'naja znachimost' glagola v razlichnyh tipah tekstov v udmurtskom i russkom jazykah : dis. … kand. filol. nauk. Cheboksary, 2010. 180 s.

Chhaidze M. P. Sparennye glagoly v marijskom jazyke. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 108 s.

Shluinskij A. B. Idiomatizacija serial'nyh konstrukcij i svjaznost' situacij (na materiale jazykov kva) // Jazyki Dal'nego Vostoka, Jugo-Vostochnoj Azii i Zapadnoj Afriki: materialy IX mezhdunarodnoj konferencii. M. : Kljuch-S, 2011. S. 168.

Shluinskij A. B. Serial'nye konstrukcii s glaglom «brat'» v jazykah kva: opyt vnutrigenetticheskoj tipologii / pod obshh. ruk. V. A. Vinogradova, A. I.Kovalja, A. B.Shluinskogo // Issledovanija po jazykam Afriki. Vyp. 4. M. : Kljuch-S, 2013. S. 265.

Shluinskij A. B. K tipologii morfosintaksisa «soedinenija sobytij» v poliverbal'nyh konstrukcijah. Rabota vypolnena v ramkah proekta MK-3991.2012.6 po grantu Prezidenta RF dlja molodyh kandidatov nauk i proekta RGNF № 12-34-012 5.

Shluinskij A. B. Serial'nye konstrukcii v tekstah logba // Problemy jazyka : sbornik nauchnyh statej po materialam pervoj konferencii-shkoly «Problemy jazyka: vzgljad molodyh uchenyh» / pod red. Devjatkinoj E M. i dr. M. : IJaz RAN, 2012. S. 364.

Strukturnye harakteristiki serial'nyh konstrukcij v jazykah kva: vnutrigeneticheskaja tipologija // Acta Linguistica Petropolitana (Trudy Instituta lingvisticheskih issledovatelej RAN). 2016. Vyp. XII (1). S. 264–278.

Aikhenvald A. Y., R. M. W. Dixon. (eds). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 1.

УДК 82-32

О. Г. Егорова, О. Е. Романовская, А. А. Боровская

Егорова О. Г., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: o.egorova@linguanet.ru

Романовская О. Е., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета;
e-mail: rom.vs.olga@gmail.com

Боровская А. А., доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета;
e-mail: borovskaya-anna@bk.ru

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА Л. РУБИНШТЕЙНА И Д. ПРИГОВА: НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье автобиографическая проза писателей-постмодернистов рассмотрена с точки зрения ее нарративной организации. Предметом изучения являются роман Д. Пригова «Живите в Москве» и автобиографические эссе Л. Рубинштейна. Авторы анализируют взаимодействие звучащих в тексте голосов, а также коммуникативные отношения между автором и читателем. Цель статьи заключается в том, чтобы определить художественное своеобразие автобиографического дискурса в прозе концептуалистов. Исследование показало, что двойная повествовательная перспектива позволяет воспроизвести главнейшие мифологемы советской эпохи с тем, чтобы подвергнуть их беспощадной деконструкции.

Ключевые слова: Д. Пригов; Л. Рубинштейн; постмодернизм; концептуализм; автобиография; повествование; рассказчик; мифологизация; деконструкция.

O. G. Egorova, O. E. Romanovskaya, A. A. Borovskaya

Egorova O. G., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor of the Department of Translation Studies
and English Translation & Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: o.egorova@linguanet.ru

Romanovskaya O. E., PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Literature,
Astrakhan State University; e-mail: rom.vs.olga@gmail.com

CC BY

Borovskaya A. A., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor at the Department of Literature, Astrakhan State University; e-mail: borovskaya-anna@bk.ru

AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF L. RUBINSTEIN AND D. PRIGOV: THE NARRATOLOGICAL ASPECT

The paper considers the autobiographic prose of postmodernism in terms of its narrative structure. Analysis is based on D. Prigov's novel "Live in Moscow" and L. Rubinstein's autobiographic essays. The authors analyze interaction of the voices that sound in the text and author-reader communication. The article aims to determine the artistic originality of the autobiographic discourse in conceptualist prose. The study has shown that a double narrative perspective allows reproducing the main mythologemes of the Soviet era in order to put them to merciless deconstructionism.

Key words: D. Prigov; L. Rubinstein; postmodernism; conceptualism; autobiography; narration; narrator; mythologization; deconstructionism.

Введение

Автобиографическая проза занимает важное место в творчестве писателей различных литературных направлений, эстетических и идеологических убеждений, поколений и традиций. По мнению исследователей [Бронская 2001; Николина 2002; Романова 2003], существует инвариантная модель жанра. Основным элементом этой модели стало отождествление героя-рассказчика с реальным создателем произведения: «Пишущий становится творцом образа собственного "я", являя его другим» [Николина 2002, с. 225]. Автобиографии, созданные в XX веке, отличают стремление пишущего к осознанию своей особенности, неповторимости в мире, усложнение образа «я», его многослойность, «установка на текстуализацию, мифологизацию, эстетизацию жизни и личности» [Морженкова 2011, с. 197].

Всё чаще обращаются к автобиографической прозе писатели-постмодернисты: «Прошедшее время несовершенного вида», «Прямые и косвенные доказательства» Г. Брускина, «Погоня за шляпой», «Мой календарь» Л. Рубинштейна, «Живите в Москве», «Только моя Япония», «Тварь неподсудная» Д. Пригова – в этих и других произведениях, созданных в 1990–2000-е гг., появляется такая традиционная субъектная форма воплощения авторского сознания, как биографический рассказчик, пришедший на смену авторской маске, из которой почти полностью было вытеснено личное и биографическое.

В отдельных статьях Г. Витте, М. Липовецкого, М. Ямпольского транслируется идея квазибиографичности вышеупомянутых текстов. «Это не роман, а псевдомемуары», – пишет М. Ямпольский о книге Д. Пригова «Живите в Москве» [Ямпольский 2010, с. 201]. О повороте к non-fiction как заметной черте концептуалистской литературы рассуждает М. Липовецкий: «…две книги (квази) автобиографической прозы выпустил Д. А. Пригов … столько же и в сходном жанре – известный художник Гриша Брускин … “Влюбленного ангела” и “Серые тетради” опубликовал Виктор Пивоваров, наговорил на магнитофон свои воспоминания о 60–70-х Илья Кабаков» [Липовецкий 2013, с. 8]. Вопрос о своеобразии автобиографической прозы постмодернистов скорее поставлен, нежели решен, что подчеркивает его актуальность.

Коллективный опыт как объект изображения

В мемуарах писатели-концептуалисты продолжают исследовать особенности сознания современного человека посредством сближения и слияния с надличностным опытом переживания действительности и последующего отстранения от него. Образ «я» показан как часть трудно дифференцируемого массового сознания – конструкта советской идеологии и политической мифологии XX века.

Нераздельность «я» рассказчика с коллективным «мы» советской эпохи подчеркнута грамматически – включением словоформ множественного числа, неопределенно-личных конструкций; синтаксически – использованием эксплицитных и имплицитных обращений к читателю; сюжетно – ретрансляцией «чужих» воспоминаний, пересказом анекдотов, баек.

Актуализация более традиционных для концептуалистов приемов: пародирование «чужой речи», абсурдизация клише, деконструкция социальных мифов посредством гротеска и пародийно-буффонадной героизации – позволяет дистанцироваться от массового сознания, от коллективного опыта переживания истории, сформировать критическую позицию по отношению к прошлому.

В мемуарно-автобиографическом сборнике эссе «Погоня за шляпой» Л. Рубинштейн моделирует коммуникативную ситуацию общих для адресата и адресанта воспоминаний. В апеллятивных и дескриптивных конструкциях преобладают местоимения множественного числа.

«Какие фильмы мы смотрели? <...>. Нам, тринадцатилетним, показали “Великолепную семерку” <…>. Все пели песенки … все перекидывались шуточками…» [Рубинштейн 2018, с. 207].

В романе Д. Пригова «Живите в Москве» рассказчик идентифицирует свое «я» с определенной социальной группой: *мы, пацаны*; *мы, октябрята*; *мы, заброшенные туда по случаю детишки*; *мы, дети, предназначенные сменить великих москвичей*. Биография автора неразрывна с жизнью его поколения, поэтому частный опыт почти всегда совпадает с коллективным: «Мы, не ведающие ни о каких там Монмартрах»; «нас, воспитанных в строгости почти викторианской морали, высокой нравственности» [Пригов 2016, с. 712].

В книге Л. Рубинштейна «Погоня за шляпой» основной субъект речи конкретизирует образ референтной группы, к которой он сам принадлежит: это уже не только «мое поколение», а «люди моего круга». Приметы единомышленников: чтение неподцензурных книг, знание стихотворений запрещенных авторов, оппозиционные настроения.

Воспоминания как индивидуально-неповторимый и в то же время типично-коллективный опыт представлены в эссе «Над бедной нянею моей». В нанизанных друг на друга историях-анекдотах послевоенные няни слились «в какую-то одну обобщенную няню… разве вспомнишь теперь, моя ли нянька или нянька соседа… А чьей … была домработница Клава … Чья же это нянька оказалась алкоголичкой?» [Рубинштейн 2018, с. 114–115]. Пушкинская цитата в заглавии и имплицитная отсылка к «Зимнему вечеру» иронически обыгрывают нераздельность сознания рассказчика с культурной памятью и с мышлением современников.

В романе Д. Пригова «Живите в Москве» общность судеб и чувствований рассказчика и других, зачастую малознакомых или даже совсем не известных ему людей, обусловлена не столько типичностью ситуаций, как в малой прозе Л. Рубинштейна, сколько гиперэмпатией героя, способного к глубокому сопереживанию. Знаменателен в этом плане следующий эпизод: «Я стал подрагивать в унисон мальчику <…>. Меня продолжало бить. Я непроизвольно, уже не контролируя себя, дергался в разные стороны, словно пытаясь вырваться из материнских объятий <…>. Я уже странно не различал себя с мальчиком, который таким же манером ютился, вскидываясь

в руках своей матери. Не знаю, чувствовал ли он нечто подобное же, но я как бы ощущал себя единым в двух телесных объятиях» [Пригов 2016, с. 908].

Гипертрофированная способность к сочувствию проявляет себя в телесно-физиологических реакциях. Тема трансперсонального бытия рассказчика, способного улавливать малейшие вибрации «коммунального тела», обретает особое воплощение в повествовательной структуре романа.

Взаимодействие голосов в романе Д. Пригова «Живите в Москве»

Автобиографическая основа фабулы романа Д. Пригова «Живите в Москве» развернута в хронологической ретроспективе постепенного взросления рассказчика. Описание послевоенного быта московских коммунальных квартир, учебы в советской школе, жизни улиц охватывает бытовые, экономические, идеологические, культурные аспекты жизни. Вместе с тем гораздо важнее объективной реальности советского образа жизни оказывается субъективное ее понимание «российскими пацанами послевоенного, разрушенного, перепутанного и не в последний раз перекраиваемого мира» [Пригов 2016, с. 809]. Эпизоды из прошлого вводятся при помощи неопределенно-личных предложений: «рассказывали», «говорили», «сказывали»; источником фабулы становятся слухи, домыслы, сплетни, детский фольклор.

«Рассказывали, что матери по ноготкам или характерным родинкам, обнаруживаемым в начинке рыночных пирожков, – этот бизнес неожиданно и стремительно расцвел по городу – узнавали своих бесследно исчезнувших детишек» [Пригов 2016, с. 734].

В слове рассказчика совмещено несколько повествовательных перспектив: первая принадлежит коллективному сознанию, доверяющему слухам и домыслам, с ним «я в прошлом» нераздельно слито; вторая перспектива соотносится с «я в настоящем». Разницу между мифологизированным массовым сознанием и индивидуальным, критическим, подчеркивает вставная конструкция. «Голос улицы» отражает наивно-простодушное восприятие реальности, веру в чудеса, донаучное понимание окружающего мира, близкие детскому мировосприятию.

Главы, описывающие взросление героя, его юность и молодость, актуализируют роль слухов, молвы. Домыслы, сформировавшиеся в глубинах общественного сознания, основаны на стереотипах советской идеологии и пропаганды, приблизительны, неточны, обывательски примитивны: «Потом сняли Хрущева … в народе это поняли, оценили по достоинству <…>. Говорили, что сняли его за дело. Говорили, что он массу всего понаделал глупого … говорили, если бы Ленин дожил до наших дней…» [Пригов 2016, с. 842].

Несобственно-прямая речь, передающая голос толпы, изобилует речевыми штампами: *сняли за дело*, *понаделал массу глупого*, *если бы Ленин дожил*. Рассказчик дистанцирован от нее, коллективное «слово» становится объектом пародии.

Монтажная композиция объединяет глубоко личные воспоминания с эпизодами, материал которых отражает содержание слухов, сплетен, анекдотов. Биографический факт и байка из писательской жизни представлены как равнозначные элементы мифологии обыденного сознания.

Как отмечает Г. Витте, «поэтика воспоминания приобретает у Пригова двойное временное измерение … автобиографический и универсальный масштабы вступают друг с другом в конфликт. Они узурпируют друг друга: “я” присваивает себе божественную всеведущую память, одновременно его индивидуальная способность к воспоминанию поглощается коллективной памятью» [Диалог Бригитте Обермайр и Георга Витте 2016, с. 33].

В художественной структуре романа можно выделить фрагменты, в которых рассказчик перестает быть участником и становится слушателем и ретранслятором чьих-то историй, либо посторонним наблюдателем, очевидцем разномасштабных событий.

Эпизацию автобиографического текста отражает тенденция к расширению повествовательной перспективы за счет включения точек зрения разных персонажей. Передавая воспоминания дяди Пети, свидетеля и участника трагических страниц истории, рассказчик предупреждает: «…а что конкретно было на Украине, я не упомнил, поскольку был все-таки мал. Так, детали одни. Глупости, да какие-то невероятности» [Пригов 2016, с. 717].

Однако подробности голода тридцатых годов описаны настольно обстоятельно, что за маской «забывчивого» нарратора обнаруживается

повествователь с неограниченными знаниями: «поначалу народ бродил по лесам с большими плетеными корзинами, собирая грибы и ягоды, пока они еще попадались. Если же при том встречался кто-то чужой, то и его незамедлительно присовокупляли к продуктовой корзине. А что? Не бывает? Бывает. Потом стали просто отлавливать по ночам слабых … и съедали дружными семьями. Потом большими коллективами начали устраивать облавы…» [Пригов 2016, с. 717].

История голодомора с каннибализмом в семьях и селах, абсурдной и жестокой политикой государства – выход за рамки автобиографического дискурса. Рассказчик не ограничивает себя констатацией трагических фактов голодомора; «летопись будничных злодеяний» вызывает неприятие государственной политики, следствием которой стал голод. Это неприятие выражено при помощи советских канцеляризмов, диссонирующих с содержанием текста: *присовокупляли к продуктовой корзине*, *большими коллективами начали устраивать облавы*.

«Подключение» к памяти другого человека и ретрансляция чужих воспоминаний – еще один способ моделирования нарратива, направленного на воспроизведение «коммунального» прошлого. В его воссоздании участвуют внесюжетные истории – анекдоты о поэтах, Борисе Пастернаке и Анне Ахматовой. «Казусы из жизни великих» – это десакрализация мифов оттепели. Бытование в городском фольклоре анекдотов о поэтах, ставших классиками при жизни, обнаруживает механизмы саморегуляции общественного сознания, в котором уживаются две тенденции: к генерированию и деконструкции мифов.

Рассказчик, описывая себя в прошлом как часть социальной группы, раскрывает особенности массового сознания, его управляемость извне и зависимость от распространенных мифологем.

Деконструкция мифологем советского сознания

Мифологизация – «создание наиболее семантически богатых, энергичных и имеющих силу примера образов действительности» [Топоров 1995, с. 5] – выводит на первый план в коллективно-коммунальном сознании советского человека образ врага. В главе «Москва – 2» концепт «враг» показан как основной структурный элемент идеологемы «борьба за светлое будущее». Социолог Л. Гудков отмечает: «“Враги” являются одним из ключевых факторов формирования советской идентичности» [Гудков 2005, с. 43].

Детское сознание, наиболее подверженное влиянию школы и прессы как основных рычагов советской идеологии, наделяет врага мифологической вездесущностью и едва ли не магическими способностями: «Хлынули со всех сторон … навалились как неотвратимые волны черного, злобного подземного океана … плыли на пароходах, ехали на малораспространенных еще тогда у нас машинах, скорых и медленных поездах, летели на пропеллерных самолетах, шли пешком в сапогах с двойными подошвами … переходили границу на кабаньих ножках … двигаясь задом» [Пригов 2016, с. 746]. Архетипически-фольклорная образность – *волны черного, злобного подземного океана, кабаньи ножки* – представляет противника демонически-сказочным, фантастичным.

Воссоздавая атмосферу последних лет пребывания у власти Сталина, рассказчик воспроизводит «риторику врага», распространенную в Советском Союзе и захватившую массовое сознание.

Вместе с тем изображение опыта жизни в коммунальной квартире, которая становится микромоделью социума, отражает и противоположный процесс – демифологизацию – «разрушение стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою “подъемную” силу» [Топоров 1995, с. 5]. Глава «Москва – 2» представляет иного, реального, а не мифологического врага советских людей, «врага быта» – крыс и тараканов. Идеологический враг и бытовой описаны с помощью элементов одного образного ряда: *густая, черная … сеть шпионов* и *тьма-тьмущая … тьма несметная, тмутараканья* крыс, *многослойное покрытие горизонтальных и вертикальных поверхностей кухни* тараканами. Лексические синонимы в изображении врагов разных типов и рангов позволяют сопоставить мифологему массового сознания, в коем главной враждебной силой выступают шпионы и диверсанты, с реальностью советского существования.

Коммунистическая идеология породила утопическое представление о ходе времени: «Принципиальная ориентация на гармоничное “завтра”, на лишенный противоречий “золотой век”» [Голубков 2002, с. 245], «финалистская концепция истории» девальвирует ценность прошлого и настоящего, а также человеческой жизни и личности, ценность которой определяется только готовностью пожертвовать собой во имя «светлого будущего». Д. Пригов обнаруживает парадоксальность советской действительности, которая превращает векторную

концепцию времени в циклическую: «золотой век» не приходит, а жертв становится всё больше.

В романе миф о «светлом завтра», о новом идеальном мире, во имя которого возможны любые жертвы, в том числе массовая гибель людей, деконструируют эпизоды «тотальных московских катастроф». Рассказчик вновь обращается не к уникальному, а к универсально-массовому, коллективному опыту.

Основной субъект действия – толпа, недифференцированная масса людей, обозначенная местоимением «мы». «Толпа замерла», «народ погибал в неисчислимом количестве», «толпы захватили весь центр Москвы … люди метались в панике», «люди озверели...», «толпа сгущалась, уже представляя собой единое большое импульсивное тело» [Пригов 2016, с. 722, 727, 759, 769, 882].

Образ толпы в мемуарно-автобиографическом повествовании позволяет еще раз подчеркнуть зыбкость границ между личным и коллективным, индивидуальным и массовым, рассказчик растворяется в толпе, нивелирующей индивидуально-личное, уникальное в человеке. Однако буффонадно-абсурдное изображение эсхатологических эпизодов обнаруживает отстраненно-критическую позицию автора.

Заключение

Автобиографическая проза, как правило, направлена на создание индивидуально-авторского мифа, содержащего в себе универсально-архетипические элементы. Однако в творчестве писателей-концептуалистов индивидуально-авторское растворяется в мифах массового сознания, которые затем подвергаются деконструкции. Эта особенность находит свое воплощение в повествовательной структуре текста: голос рассказчика сливается с коллективным словом, «голосом улицы», рассказчик воспроизводит то, что составляет содержание массового сознания, в том числе через обращение к городскому фольклору. Смыслообразующей доминантой текста становится гротеск, который разрушает иллюзию слияния авторского сознания с коллективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бронская Л. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин) : автореф. дис. … д-ра. филол. наук. Ставрополь, 2001. 35 с.

Голубков М. Русская литература XX в.: После раскола. М. : Аспект-Пресс, 2002. 267 с.

Гудков Л. Идеологема врага: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, 2005. С. 7–79.

Диалог Бригитте Обермайр и Георга Витте Роман из стихов: «Живите в Москве» и художественный проект Д. А. Пригов / Пригов Д. А. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Новое литературное обозрение, 2016. Том «Москва». С. 10–38.

Липовецкий М. Дело в шляпе, или Реальность Рубинштейна : [вступ. ст.] // Рубинштейн Л. Погоня за шляпой и другие тексты. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 7–26.

Морженкова Н. Модернистская автобиография: жанровые трансформации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 1. С. 195–203.

Николина Н. Поэтика русской автобиографической прозы М. : Флинта: Наука, 2002. 424 с.

Пригов Д. Живите в Москве // Пригов Д. А. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Новое литературное обозрение. 2016. Том «Москва». С. 706–933.

Романова Г. Автобиографические жанры // Литературная учеба. 2003. № 6. С. 195–199.

Рубинштейн Л. Целый год. Мой календарь. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс, Культура, 1995. 624 с.

Ямпольский М. Высокий пародизм: философия и поэтика романа Дмитрия Александровича Пригова «Живите в Москве» // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 181–251.

REFERENCES

Bronskaja L. Koncepcija lichnosti v avtobiograficheskoj proze russkogo zarubezh'ja (I. S. Shmelev, B. K. Zajcev, M. A. Osorgin) : avtoref. dis. … d-ra. filol. nauk. Stavropol', 2001. 35 s.

Golubkov M. Russkaja literatura HH v.: Posle raskola. M. : Aspekt-Press, 2002. 267 s.

Gudkov L. Ideologema vraga: «Vragi» kak massovyj sindrom i mehanizm sociokul'turnoj integracii // Obraz vraga / sost. L. Gudkov ; red. N. Konradova. M. : OGI, 2005. S. 7–79.

Dialog Brigitte Obermajr i Georga Vitte Roman iz stihov: «Zhivite v Moskve» i hudozhestvennyj proekt D. A. Prigov / Prigov D. A. Sobranie sochinenij : v 5 t. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. Tom «Moskva». S. 10–38.

Lipoveckij M. Delo v shljape, ili Real'nost' Rubinshtejna : [vstup. st.] // Rubinshtejn L. Pogonja za shljapoj i drugie teksty. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. S. 7–26.

Morzhenkova N. Modernistskaja avtobiografija: zhanrovye transformacii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2011. T. 7. № 1. S. 195–203.

Nikolina N. Pojetika russkoj avtobiograficheskoj prozy M. : Flinta: Nauka, 2002. 424 s.

Prigov D. Zhivite v Moskve // Prigov D. A. Sobranie sochinenij : v 5 t. M. : Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. Tom «Moskva». S. 706–933.

Romanova G. Avtobiograficheskie zhanry // Literaturnaja ucheba. 2003. № 6. S. 195–199.

Rubinshtejn L. Celyj god. Moj kalendar'. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 440 s.

Toporov V. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe. M. : Progress, Kul'tura, 1995. 624 s.

Jampol'skij M. Vysokij parodizm: filosofija i pojetika romana Dmitrija Aleksandrovicha Prigova «Zhivite v Moskve» // Nekanonicheskij klassik: Dmitrij Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. statej i materialov / pod red. E. Dobrenko, M. Lipoveckogo, I. Kukulina, M. Majofis. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 181–251.

УДК 1751

Е. Е. Смирнова

преподаватель кафедры немецкого языка и перевода,
преподаватель переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: eva.buddaeva@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА КИНО НА СОВРЕМЕННУЮ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В статье на примере произведений французских авторов Жана Эшноза и Кристиана Гайи проводится анализ взаимоотношения двух видов искусства – литературы и кинематографа; предпринимается попытка доказать гипотезу о влиянии языка кино на современную французскую прозу. Кинематограф, будучи молодым искусством, прошел путь от предмета насмешек до источника вдохновения для других видов искусства. Литература активно заимствует у кино «инструменты» для обновления своего языка, от технических до философских. В век визуальности эта логика уже не кажется чем-то сверхъестественным.

Ключевые слова: кино и литература; визуальность; изображение реальности; фотография; новый роман; экфрасис; кино-адаптация; камера-перо.

E. E. Smirnova

Lecturer, Department of the German Language and Translation,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: eva.buddaeva@gmail.com

INFLUENCE OF FILM LANGUAGE ON MODERN FRENCH LITERATURE

This case study analyzes works by French authors Jean Echenoz and Christian Gailly and – with reliance on their oeuvre – looks into the problem of interaction between literature and cinema. Analysis serves to prove that language of films has a noticeable influence on modern French prose. Being a later artistic form, the cinema made a long way from ridicule to a source of inspiration for other forms of art. Literature makes extensive use of cinematic instruments – from technical to philosophical – thus updating its language. In the age of visual culture this process is no longer surprising.

Key words: cinema and literature; visualisation; depicting reality; photography; nouveau roman; ekphrasis; film adaptation; camera-stylo.

«Поэзия и материальный прогресс подобны двум
честолюбцам, инстинктивно ненавидящим друг друга,
и, когда они сталкиваются на одной дороге, один из них
неизбежно порабощает другого» [Бодлер 1859]

CC BY

Введение

Шарль Бодлер, как и многие его современники, считал, что предшественница кино, фотография, должна «ограничиться своими истинными пределами, удовлетворившись смиренной ролью служанки науки и искусства, подобно книгопечатанию и стенографии, которые не создавали и не вытесняли литературу» [Бодлер 1859]. Изобретение Дагера, по мнению французского поэта, способно лишь развратить и без того, как он считал, деградирующее общество и уничтожить культуру, превратив ее в массовое явление. В своих «Салонах» Бодлер не раз отмечал, что стремление искусства к портретированию реальности в том виде, в котором она существует в нашей действительности, пагубно и является уделом ремесленников, не обладающих воображением и творческими способностями. Однако подобная точка зрения была очень распространена среди представителей так называемой творческой интеллигенции в период возникновения фотографии и зарождения кинематографа. Марсель Пруст тоже не мог не затронуть в своих произведениях, в частности в труде всей своей жизни эпопеи «В поисках утраченного времени», тему влияния кинематографических процессов на литературу и искусство в целом: «То, что мы называем реальностью, есть определенная связь между ощущениями и воспоминаниями, окружающими нас одновременно, – связь, которая упраздняет возможность простого кинематографического ви́дения, тем больше удаляющееся от истины, что подразумевает, будто ею ограничивается, – эта связь неповторима, и писатель обязан найти ее, чтобы навеки связать два предела своей фразой» [Пруст 2009].

Пруст не верил в плодотворный обмен между кино и литературой, так как, по его мнению, последняя превосходит «седьмое искусство» по степени чувствительности и набору инструментов для передачи реальности. Таким образом, фотография и кинематограф, считающиеся традиционно именно отображением действительности, согласно Прусту, как раз действительность и не способны передать.

В данной статье мы проанализируем, как изменилась за сто с лишним лет расстановка сил в искусстве, прежде всего в отношении неоднозначного взаимовлияния литературы и кино. В качестве наиболее ярких примеров нами будут рассмотрены произведения современных французских авторов Жана Эшноза и Кристиана Гайи.

Ярмарочное развлечение, ставшее источником вдохновения

Существует два способа анализировать отношения между литературой и кино, что не является новостью для любых межкультурных исследований. Наиболее распространенным и традиционным, и, безусловно, устаревшим, в этой связи представляется подход, демонстрирующий влияние литературы на природу кинематографа. Здесь, без сомнения, можно привести много примеров приёмов, унаследованных кинематографом от литературы, и затронуть вопрос адаптаций литературных произведений (который был крайне популярен в 50-е гг. прошлого столетия). В статье «За нечистое кино. В защиту адаптаций» известный французский киновед Андре Базен пишет: «Кинематограф молод, тогда как литература, театр, музыка, живопись столь же древни, как сама история. Подобно тому как воспитание ребенка строится на основе подражания окружающим взрослым, развитие кинематографа неизбежно подчинялось примеру уже сформировавшихся искусств [Базен 1972].

Далее в статье Базен иллюстрирует свою точку зрения с помощью примеров «плагиата» в истории искусства. Так, например, не принято сомневаться в оригинальности серии «Менины» Пикассо или вариации Дали на тему произведения Веласкеса. Есть ли тогда, согласно киноведу, причина ставить киноадаптацию «Пасторальной симфонии» Андре Жида ниже оригинального литературного произведения в гипотетической иерархии произведений искусств и считать ее вторичной? Киноадаптация, таким образом, может представлять собой развитие оригинального произведения, соавторство представителей разных видов искусства.

В нашем размышлении мы отталкиваемся от известной фразы Жан-Люка Годара: «В чем смысл кино, если оно появилось после литературы?», но пытаемся перевернуть это высказывание режиссера и посмотреть, как современные писатели берут на вооружение некоторые кинематографические приемы и вдохновляются «седьмым искусством» открыто и без стеснения.

Наш подход можно проиллюстрировать отрывком из статьи Жанн-Мари Клерк «Литература и кино»: «Речь идет не о том, чтобы столкнуть две формы искусства, а о том, чтобы остаться в области литературы и рассмотреть, как она свидетельствует об отпечатках

визуальности, присущей популярным технологиям. Так возникает, в схематичном виде, область исследования, которая позиционирует себя как исключительно литературная, не содержащая в себе элементы киноанализа [Clerc 1993].

История успешного «сотрудничества» литературы и других видов искусства богата примерами, которые показывают, насколько обоюдно полезными бывает межкультурное взаимодействие. Писатели часто пытаются перевернуть принятые нормы и принципы литературного творчества. Например, своими каллиграммами Гийом Аполлинер разбивает границы между разными видами искусства и делает литературное произведение визуальным, используя для этого приемы, свойственные живописи. Еще один пример – Соня Делоне иллюстрирует поэму-коллаж Блеза Сандрара «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (1913), использует при этом технику симультанических цветных контрастов. Иллюстрации Делоне составляют неотъемлемую часть стихотворений и вписываются в произведение, делая его целостным и оригинальным.

Что касается кинематографа, то список писателей, на которых он повлиял, впечатляет: Джон Дос Пассос, Ален Роб-Грийе, Маргерит Дюрас, Жан Кокто, Клод Симон, Евгений Замятин, вот только некоторые из них. В произведениях многих других можно подозревать присутствие кинематографической эстетики: Грэм Грин, Эрнест Хемингуэй, Сэмуэл Баркли Беккет и многие другие. Некоторые из них писали при этом и сценарии к фильмам (Ален Роб-Грийе, Маргерит Дюрас), в то время как другие были кинокритиками (Грэм Грин).

Сергей Эйзенштейн, который значительно повлиял на некоторых писателей, в своих «Записках о кинематографе» приводит термин «синематизм», обозначающий совокупность кинематографических проявлений и феноменов в литературных произведениях. Режиссер находит примеры «докинематографических» техник у Золя, Мопассана, Диккенса, даже у русских поэтов и писателей, таких как Пушкин и Гоголь.

Во Франции литературная тенденция, которая имеет отношение к развитию «кинематографической» формы, связана, в первую очередь, с издательством Éditions de Minuit, которое сопряжено с появлением направления в прозе «Новый роман» (le nouveau roman) или, как его еще называют, *антироман*. Ален Роб-Грийе, которого считают отцом-основателем этого течения, считал, что литературе необходимо

обновление, революция: «Иными словами, литературный язык должен полностью измениться, он уже меняется. Мы констатируем, что из года в год среди наиболее сознательных представителей возрастает отвращение перед словом, носящим глубокий, аналогический и колдовской характер. В то время как оптические, дескриптивные, прилагательные, которые ограничиваются измерением, расположением, сужением, определением, показывают, возможно, сложный путь нового прозаического искусства [Robbe-Grillet 1963].

Неслучайно так произошло, что новый роман в литературе возник практически одновременно с движением новой волны в кино. Аналогия в названиях, их схожесть на стилистическом и тематическом уровне наталкивает нас на мысль о параллельном одновременном развитии литературы и кино. Многие писатели, которые представляли направление нового романа, снимали также кино. Многие представители новой волны были писателями.

Как писал теоретик нового романа Жан Рикардо, новый роман – это «прозаическая авантюра» [Ricardou 1967], поиск новых форм в литературе.

Объясняя истоки этого феномена, Натали Саррот опирается на выражение Стендаля, «гений сомнения пришел в этот мир» («le génie du soupçon est venu au monde»), для обоснования своей идеи «эры подозрения» («l'ère du soupçon»), размышления над художественным произведением, которое исследует многочисленные сомнения читателя (или зрителя) в видении мира, предложенном автором. Саррот считает современного человека как правило слишком образованным и искушенным для того, чтобы легко поверить в придуманный воображаемый мир. Если реализм становится единственным средством убеждения, тогда, по словам Саррот, кино кажется «получше вооруженным», чем литература, что влечет за собой подражание кинематографу последней.

Ж. Эшноз и К. Гайи. Современные представители кинематографической литературы

Жан Эшноз в многочисленных интервью и статьях не отрицает влияние языка кино на свои произведения. Иногда он называет себя синефилом, который посмотрел большое количество фильмов в молодости и до сих пор в курсе всех кинематографических событий. В интервью французскому телеканалу «Arte» Эшноз допускает, что

«неосознанно научился многому для своей литературной деятельности», благодаря кино. По словам писателя, он всегда хотел «создать на письме эквивалент движения камеры». Для Эшноза кино служит своеобразным ориентиром для работы над образами персонажей, для лучшей их визуализации, развития интриги путем переноса кинематографических техник в литературное произведение. Другими словами, цель автора «создавать максимально визуальные и акустически яркие образы», источником вдохновения для претворения в жизни этой концепции для него, безусловно, служит кино.

Кристиан Гайи близок к точке зрения Жана Эшноза. Его тексты построены на многочисленных акустических эффектах, что обусловлено его музыкальным прошлым (он играл на саксофоне, отсюда и его особое отношение к джазу). Вторым источником вдохновения для него является кинематограф. В интервью газете Le Monde Гайи признается: «Когда я пишу, мне приходят в голову воспоминания о сценариях и кадрах, которые поразили меня в детстве и которые я сейчас вполне могу использовать [Le Monde des Livres 2010]».

Роман Жана Эшноза «Специальная посланница» (Envoyée spéciale, 2016) показался нам особенно подходящим для анализа влияния языка кино на современную литературу. По словам писателя, «эта книга немного более аудиовизуальна, чем остальные». Роман изобилует кинематографическими отсылками, будь то аллюзии на конкретные фильмы или придуманные, которых в реальности не существует. Автор утверждает, что писал тот или иной отрывок, вспоминая о сценах фильмов, но на самом деле по его словам, часто эти воспоминания были ложными.

В «Специальной посланнице» присутствует большое количество кинематографических экфрасисов, под которыми мы понимаем описание реального или выдуманного фильма в форме законченного синопсиса или его фрагмента. Важной особенностью нарративного экфрасиса, отличающего его от чисто синефильского, состоит в том, что первый имеет дополнительное значение для всего повествования, «переплетается» с основными событиями произведения, предоставляет поле для диалога с читателями. В качестве примера можно привести следующий отрывок:

> …пока Тоск не включил телевизор: американский сериал, актриса-блондинка с большим бюстом на среднем плане в калифорнийской квартире, почему бы и нет. Привлеченная этим новым спектаклем, муха села

на левую грудь актрисы, а Тоск, загипнотизированный происходящим на экране, смахнул рукой двукрылое.

Актриса в этот момент объясняла, что это ты, Берт, заставил Боба отравить Ширли, чтобы присвоить наследство Малькольма, устраняя Говарда с помощью Ненси, и все чтобы жениться на Барбаре. Которую ты не любишь. А Вальтер? Ты подумал о будущем Вальтера? (Эта реплика была слишком длинной, актрисе пришлось перечитать сценарий на съемочной площадке, чтобы вспомнить слова, ее тираду прервали два плана Берта, который, как видно, этого не ожидал.) <…> И в тот момент, когда она достала пистолет Smith & Wesson из своей сумочки Prada, в этот самый момент позвонили в дверь квартиры, не в Калифорнии, а нашей. Какой экшен, Боже, какой экшен [Echenoz 2016].

Это экфрасис воображаемого фильма, любой читатель-зритель видел внушительное число подобных фильмов, это, скорее, пародия на американское кино. Эшноз высмеивает эту банальность, выпячивает ее, употребляя самые распространенные американские имена (Барбара, Ненси, Боб) и самые типичные для жанра фильмов категории «B» темы – любовь, наследство, свадьба.

Кинематографический нарратив вторгается в литературное повествование, как настоящее действующее лицо, отдельный персонаж, который играет свою роль и коммуницирует с другими персонажами, например с этой мухой. «Двукрылое» представляет собой существо, которое не понимает разницы между реальным миром и выдуманным кинематографистами. Оно нарушает воображаемую границу и удобно устаивается на левой груди актрисы.

Предпоследнее предложение из процитированного нами отрывка, пробуждает нас от киногрез и возвращает в литературную реальность («в этот самый момент позвонили в дверь квартиры … нашей»). Два воображаемых мира смешались в голове читателя.

Другой пример экфрасиса встречается в новелле Кристиана Гайи «Срезанные цветы», входящей в сборник «Колесо и другие новеллы» (2012). Эта новелла представляет собой единый большой экфрасис фильма «Сломанные цветы» (Broken Flowers, 2005) Джима Джармуша. Можно сказать, что Гайи пытался сделать, в некотором роде, литературную адаптацию фильма, что уже само по себе является необычным и новым для литературы. Фильм посвящен французскому кинорежиссеру Жану Эсташу, в то время как новелла посвящена Джиму Джармушу.

В начале новеллы создается впечатление, будто герой Жорж смотрит на себя в зеркало. Параллелизм, который возникает между персонажем фильма Доном Джонстоном (Билл Мюррей) и Жоржем, очевиден:

> В этот вечер Жорж был один дома, сидел, устроившись на мягком старом диване, пропускал стаканчик, смотрел телевизор, погружаясь в дрёму.
>
> На экране ничего не происходило. Ни единого звука. Некоторые вещи, как мы знаем, могут происходить в абсолютной тишине или же на фоне тишины, но здесь ничего не происходило, ни малейшего движения.
>
> Мужчина, один, без сомнения, у себя дома, одетый так, как мы одеваемся вечером дома, безупречно небрежно, сидел на обитом кожей диване, смотрел телевизор [Gailly 2012].

В обоих случаях просмотр телевизора обнажает проблемы персонажей. Эгоист и обольститель Дон Джонстон Джармуша смотрит фильм о Дон Жуане, в то время как Жорж, тоже холостяк без детей, смотрит фильм о потере ребенка и глубоком одиночестве. Делая литературную адаптацию фильма Джармуша, Гайи сталкивает персонаж Жоржа со своим прототипом из кино Доном, заставляя его тем самым посмотреть на самого себя.

Далее в новелле подруга Жоржа Сюзан объявляет ему о своей беременности и делает это непосредственно перед показом фильма Джармуша «Сломанные цветы», на который они пошли вместе. Их судьба была предопределена. Жорж считает это плохим знаком, он признается: «Вообще, меня пугает немного это название» и добавляет: «Все из-за этого фильма…» [Gailly 2012]. Когда Сюзан покупала билеты на фильм, она использовала фразу «Deux Broken» (дословно: «Два Сломанных»), что в принципе является довольно типичной метонимией для французского языка, фразой, которую часто употребляют при покупке билетов, однако конкретно для данного текста виден осознанный выбор автора именно этой конструкции для создания метафоры.

Наш анализ был бы неполным без одной из важнейших техник кино, монтажа, который в изобилии присутствует в произведениях рассматриваемых нами авторов. Эшноз в «Специальной посланнице» экспериментирует с литературной формой настолько, что позволяет себе «монтировать» различные сцены в своем произведении. В конце абзаца можно встретить сюжетные склейки вроде: «Да, это могла бы

быть и неплохая сцена. Только скорее всего ее вырежут на монтаже. Ну ладно, забыли» [Echenoz 2016] Благодаря таким замечаниям Эшноз сравнивает работу кинематографиста и литератора, сближает эти два вида деятельности, показывает, что у них много общего. Литература, так же как и кино, создается из набросков, которые потом соединяют посредством монтажа. Эшноз переходит к следующему «кадру» с помощью фраз вроде: «Ну ладно, забыли», «Перевернем страницу» и т. п.

Новелла Гайи «Колесо» целиком построена по принципу хаотичного смешения воспоминаний и мыслей главного героя, писателя, находящегося в творческом кризисе. Гайи не предупреждает читателя о нарушении хронологического течения времени, не дает объяснений и никаких подсказок, он дает возможность читателю, привыкшему к подобной форме нарратив в кино (бесконечные флешбэки и флешфорварды), самому справиться с пониманием происходящего:

Я прошел по огражденному решеткой саду, его нельзя было больше поливать, я открыл деревянную калитку, нужно было ее открыть, чтобы увидеть, и я увидел эту женщину в этих грязных белых перчатках и с волосами на лице, блондинку в желтом костюме. Остальное вам известно. Теперь дальше [Echenoz 2016].

В теории литературы, безусловно, существует, и уже давно, такой прием как пролепсис, однако он вводится авторами с помощью фраз вроде «Позже…», «Забегая вперед…» и т. д. Так или иначе автор артикулирует, что речь идет о событиях прошлого или будущего. В случае кинематографического приема, схожего по стилистике с флешфорвардом или флешбэком, речь идет о создании визуального образа, четкого переключения между событиями в произведении. Когда Эшноз и Гайи употребляют невероятное количество кинематографических терминов вроде «план», «кадр», «спецэффекты», не остается сомнений в кинематографическом характере используемых ими приемов.

Так, например, можно встретить подобные описания событий в романе Жана Эшноза:

> Она немного взбила челку, припудрила крылья носа, затем отступила на шаг: общий план Констанц в витрине «Dieulangad Недвижимость» и вдалеке небольшого одностороннего транспортного потока на улице Грез [Echenoz 2016].

Фраза «общий план Констанц» кажется выдержкой из какого-то сценария для фильма. Автор с точности до планов описывает, как читателю стоит видеть происходящее в своей голове. Он приводит информацию о положении персонажа по отношению к окружающим его объектам: интерьер / экстерьер, задний план / передний план. Важно, что Эшноз визуализирует именно манеру съемки: Констанц мы видим в витрине магазина. Такое просто невозможно себе представить в классической литературе. Автор использует настоящую «камеру-перо» (camera-stylo), о которой много писал французский теоретик кино Александр Астрюк.

Более того, Эшноз иногда идет дальше в своем эксперименте с литературной формой. В романе есть момент, где автор будто бы пишет сценарий для фильма. Два абзаца он начинает, соответственно, каждый с назывного предложения: «Затемнение 1», «Затемнение 2». В конце абзацев – опять назывные фразы: «Закрытие двери», «Закрытие занавеса». Текст написан сухим техническим языком, без описания внутреннего состояния героев, он содержит в себе только те элементы, которые потенциально можно снять с помощью камеры, что является первым правилом всех сценаристов. Стиль аскетичный, сдержанный, без оценочных характеристик. Каждое слово служит определенной цели – визуализации написанного. Повтор некоторых фраз, являющийся тавтологией для классической литературы, здесь уместен и даже необходим, ведь для съемки прежде всего важна точность: «Кажется, он не в настроении, он останавливается в нерешительности, затем отступает»; «Та же схема: он останавливается в нерешительности, затем отступает» [Echenoz 2016].

Можно приводить еще много примеров приверженности Эшноза и Гайи кинематографическому подходу в написании литературных произведений. Здесь можно привести известные слова Ролана Барта: «У меня болезнь: я вижу язык» [Barthes 1975]. Мы считаем, что наши два автора посредством своего творчества пытаются заразить читателей этой болезнью.

Заключение

В завершение нашего анализа отношений литературы и кино мы хотели бы обратиться к этимологии слова «кинематограф», которое произошло от *греч*. kínēma («движение») и gráphein («писать»).

Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос, волнующий нас: кинематограф – это письмо, пусть и совершенно уникальное.

Отвечая на вопрос Жан-Люка Годара: «В чем смысл кино, если оно появилось после литературы?», – мы бы ответили: кино нужно литературе для придания ей дополнительных сил для развития и стимула, для размышления над своим собственным состоянием.

Мы постарались представить убедительные доказательства того, что, по меньшей мере, два автора, Жан Эшноз и Кристиан Гайи, целенаправленно прибегают к эстетике и приемам кинематографа для создания своих произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базен А. Что такое кино // За «нечистое» кино. В защиту экранизации. М. : Искусство, 1972. С. 122–146.

Пруст М. В поисках утраченного времени. Роман седьмой // «Время, обретенное вновь». СПб.: Алетейя, 2020. 157 с.

Baudelaire C. Salon de 1859 / Curiosités esthétiques, Oeuvres complètes de Charles Baudelaire. Paris : Michel Lévy frères, 1868. Vol. II. 262 p.

Clerc J.-M. Littérature et cinema, coll.Nathan Université. Paris : Nathan, 1993. 162 p.

Echenoz J. Envoyée spéciale. Paris : Les Editions de Minuit, 2016. 298 p.

Gailly C. La Roue et autres nouvelles. Paris : Les Editions de Minuit, 2012. 126 p.

Gailly C. La beauté n'est pas transmissible // Le Monde. 2010. URL : www.lemonde.fr/livres/article/2010/01/21/christian-gailly-la-beaute-n-est-pas-transmissible_1294710_3260.html (дата обращения: 20.04.2020).

Proust M. À la recherche du temps perdu, Le Temps retrouvé. Paris : Éditions Humains, 2014. 1485 p.

Ricardou J. Problèmes du nouveau roman. Paris: Seuil, 1967. 207 p.

Robbe-Grillet A. Pour un nouveau roman. Paris : Les Editions de Minuit, édition électronique. 279 p.

REFERENCES

Bazen A. Chto takoe kino // Za «nechistoe» kino. V zashhitu jekranizacii. M. : Iskusstvo, 1972. C. 122–146.

Prust M. V poiskah utrachennogo vremeni. Roman sed'moj // «Vremja, obretennoe vnov'». SPb.: Aletejja, 2020. 157 s.

Baudelaire C. Salon de 1859 / Curiosités esthétiques, Oeuvres complètes de Charles Baudelaire. Paris : Michel Lévy frères, 1868. Vol. II. 262 p.

Clerc J.-M. Littérature et cinema, coll.Nathan Université. Paris : Nathan, 1993. 162 p.

Echenoz J. Envoyée spéciale. Paris : Les Editions de Minuit, 2016. 298 p.

Gailly C. La Roue et autres nouvelles. Paris : Les Editions de Minuit, 2012. 126 p.

Gailly C. La beauté n'est pas transmissible // Le Monde. 2010. URL : www.lemonde.fr/livres/article/2010/01/21/christian-gailly-la-beaute-n-est-pas-transmissible_1294710_3260.html (data obrashhenija: 20.04.2020).

Proust M. À la recherche du temps perdu, Le Temps retrouvé. Paris : Éditions Humains, 2014. 1485 p.

Ricardou J. Problèmes du nouveau roman. Paris: Seuil, 1967. 207 p.

Robbe-Grillet A. Pour un nouveau roman. Paris : Les Editions de Minuit, édition électronique. 279 p.

УДК 81

В. О. Кокликов

старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: azzuro@list.ru

ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ В РЕЧЕВОМ ПОРТРЕТЕ ИРАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме репрезентации исламских ценностей в речи иранского политического деятеля – экс-президента Исламской Республики Иран Али Акбара Хашеми Рафсанджани в период Ирано-иракской войны. Особое внимание уделяется анализу специфики иранского военно-политического дискурса. В статье использован метод анализа дискурса, позволяющий выявить социальный контекст, стоящий за высказываниями политического деятеля. В качестве материалов использованы выступления и интервью А. А. Хашеми-Рафсанджани. В результате было выявлено, что в проанализированных речах отображены основные исламские ценности, актуальные во время войны.

Ключевые слова: картина мира; речевой портрет; персидский язык; военно-политический дискурс.

V. O. Koklikov

Senior lecturer, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: azzuro@list.ru

ISLAMIC VALUES IN SPEECH PORTRAIT OF IRANIAN POLITICIANS DURING THE IRAN-IRAQ WAR

The article looks into the problem of representation of Islamic values in the speech of the Iranian politician, ex-president of the Islamic Republic of Iran, Ali Akbar Hashemi Rafsanjani during the Iran-Iraq War. Special attention is paid to analysis of distinctive features of the Iranian military and political discourse. The method of discourse analysis is used in the article to explore the social context of speech. Analysis has shown that the basic Islamic values which are actual in the wartime are reflected in the messages and interviews of Hashemi Rafsanjani.

Key words: view of the world; speech portrait; Persian language; military and political discourse.

Введение

Вопрос выявления исламских ценностей не теряет актуальности в современной лингвистике. Будучи частным проявлением базовых ценностей человечества, ценности ислама во многом выходят за рамки исключительно религиозных ценностей. При этом одним из факторов, определяющих речевое поведение, поэтому значимых для моделирования речевого портрета, являются ценностные доминанты современного общества.

Цель исследования – выявление и описание доминантных исламских ценностей, репрезентированных в речах иранского политика Али Акбара Хашеми-Рафсанджани в период Ирано-иракской войны.

Для достижения поставленной цели требуется решить ряд задач:

1) определить ценности, свойственные представителям рассматриваемой культуры;
2) установить характер репрезентации исламских ценностей в коннотативном компоненте используемых речевых средств;
3) выявить доминантные ценности, характерные для рассматриваемого периода (с 1979 г. по настоящее время).

Проблема механизма репрезентации ценностей рассматривалась такими учеными, как В. В. Липов [Липов 2005], В. С. Магун, М. Г. Руднев [Магун, Руднев 2010], Е. С. Палухина, А. А. Мажидов [Палухина, Мажидов 2015], А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева [Базовые ценности россиян 2003], К. Клакхон [Kluckhohn 1951], С. Босанчич [Bosančić URL], К. Шлехт [Schlecht URL]. Изучение базовых исламских ценностей представляется современным ученым не менее актуальным и рассматривается преимущественно исламоведами. Эту тему затрагивали в своих работах С. М. Прозоров [Прозоров 1984], Е. С. Палухина, А. А. Мажидов [Палухина, Мажидов 2015], Дж. М. Холстед [Halstead 2007], Ф. М. Карни [Carney 1983]. Поэтому мы считаем необходимым исследовать содержание исламских ценностей с психолингвистических позиций.

1. Определение исламских ценностей

Базовые ценности являются предметом изучения исследователей разных направлений гуманитарных наук. Они получают различные дефиниции, которые, тем не менее, схожи в своей трактовке картины

мира как системы представлений о должном, значимом для носителей этих ценностей.

Так, одними из наиболее значимых ценностей выступают религиозные ценности. Характерной особенностью религиозных ценностей является то, что они относятся к иррациональному уровню сознания человека, претендуют на полную истинность и характеризуются всеохватностью, так как дают оценку и объяснение всему, что существует. Поэтому религиозные ценности оказывают огромное влияние на принципы жизни, обычаи, мировоззрение, привычки, манеру общения верующих людей [Липов 2005].

Мусульманами в качестве источника ценностей безоговорочно принимается Коран. Наиболее важной ценностью Священное Писание провозглашает веру в Бога, которая является фундаментом исламской религии. Предмет настоящего исследования связан с исламом шиитского толка, являющимся государственной религией в Исламской Республике Иран. Основные положения и ценности Корана отражены в иранской конституции. В связи с этим целесообразно рассмотреть исламские ценности, закрепленные в Конституции этой страны.

Одной из важнейших ценностей является справедливость, значимость последней фиксируется соответствующим принципом в документе: «Прежде Мы отправили Наших посланников с ясными знамениями и ниспослали с ними Писание и весы, чтобы люди придерживались справедливости» [Конституция Исламской республики Иран 2004]. Этот же принцип подтверждается первыми статьями Основного юридического закона страны. Стоит отметить положения, закрепленные во второй статье, содержащие как основные столпы религии, так и ценности. В частности, в ней говорится, что одним из главных принципов Исламской Республики является вера в Бога и необходимость подчиняться божественной воле и божественным законам. Также к базовым принципам и ценностям во второй и третьей статье Конституции отнесены: усилия по продолжению Исламской революции и расширению и углублению революционных завоеваний; независимое развитие во всех аспектах внутри- и внешнеполитической жизни; ликвидация деспотизма и колониализма; поддержка слабых и нуждающихся в защите членов общества [Конституция Исламской Республики Иран 2004]. Резюмируя, можно сказать, что исламскими ценностями, закрепленными Конституцией, являются:

справедливость, продолжение революции, независимость, национальное единство, отрицание угнетения других и со стороны других, поддержка угнетенных.

Идеалом, воплотившим в себе все исламские ценности, можно по праву назвать пророка Мухаммада, поскольку исламская традиция приписывает ему все наилучшие нравственные качества и считает его подобным Богу, а его поведение – совершенным. Что касается шиизма, то в нем образцом поведения также считается имам Али и весьма высоко ценится мученичество за веру [Прозоров 1984, с. 207–210]. По мнению мусульманских богословов, Аллах создал мир, чтобы предоставить его в распоряжение человека. Поэтому для ислама можно признать важной ценностью и человеческую свободу, но только в том случае, когда она не выходит за рамки божественной воли – единственного критерия истины. Существует классическая исламская иерархия базовых ценностей: во главе их стоит религия, затем следуют жизнь, разум, продолжение рода (куда относят честь и достоинство) и собственность, что еще раз подчеркивает подчинение религии всех сторон человеческой жизни. Исходя из этого, престиж и авторитет конкретного человека зависит от того, насколько хорошо и тщательно он исполняет правила шариата, а также от его уровня знаний. В то же время мусульманские ученые акцентируют внимание на значимости в Коране свободы, равенства и справедливости (которая более полусотни раз упомянута в Священной Книге), а также на очень высоком статусе человека как наместника Аллаха [Сюкияйнен 2014, с. 15–29].

В целом, можно сделать вывод, что основными исламскими ценностями являются послушание божественной воле, справедливость, недопущение угнетения, защита слабых и обездоленных, мученичество за религиозные идеалы.

2. Материал исследования

Рассматриваемый исторический период является одним из наиболее показательных примеров проявления исламских ценностей. Ирано-иракская война 1980–1988 гг. стала важной вехой в истории развития военно-политического дискурса, задав направление дальнейшему его развитию. Эта война получила название «Священной обороны» и «Навязанной войны». Материалом для исследования стали контексты, извлеченные из текстов речей Али Акбара Хашеми-

Рафсанджани, который на тот момент возглавлял законодательную власть в Иране, а также был пятничным имамом столицы страны – Тегерана, собиравшим на пятничные проповеди сотни тысяч людей. Данная работа выполнена на основе стенограмм иранского парламента и архивов газет.

3. Средства репрезентации исламских ценностей

Одним из ключевых событий послереволюционного десятилетия в Иране, наложившим отпечаток на все сферы жизни государства, стала Ирано-иранская война. В дальнейшем будет произведен анализ выступлений и текстов СМИ, посвященных данному событию. Эти выступления случились много лет назад, однако они актуальны и значимы в настоящее время, в начале XXI века. Во-первых, воспоминания о той войне до сих пор свежи в памяти народа Ирана, а его правительство также постоянно апеллирует к тем событиям. Во-вторых, в крайне тяжелых условиях войны перед страной и народом стояла задача элементарного выживания, и тогда власть и общество с целью подъема народного духа и сплочения обратились к религиозным ценностям. И поэтому тогда в жизни страны и в ее политике наиболее ярко проявились те ценности и постулаты религии, на которых до сих пор строится политика Исламской Республики.

Война официально началась 22 сентября 1980 года. Однако и за некоторое время до этого между странами происходили пограничные инциденты, что нашло свое отражение в текстах СМИ, где тщательно формировался образ внешнего врага. В языке печати закреплялись оценочные средства, которые в дальнейшем стали маркерами обозначения представителей «своих» и «чужих». Так, иракские войска называются «наёмными» (*маздур*, имеющее значения «наемный рабочий», а также подходящее в данном случае «наймит»), «агрессором» (*таджавозкар*, означающее «агрессор» и «нарушитель границы»), а погибших в результате их нападений иранцев называют в том числе и «мусульманами», тем самым выставляя конфликт как агрессивную войну отрекшейся от ислама (и потому грубо нарушающей исламские нормы) армии Ирака против истинных мусульман-иранцев (*Эттелаат. 22.06.1980*). В то же время как в СМИ, так и в заявлениях официальных лиц прослеживается четкая линия, согласно которой Иран воюет не с Ираком, а с режимом партии Баас, возглавляемой Саддамом

Хусейном, чтобы отделить простой иракский народ от ошибок и преступлений его власти.

За время обучения в духовной семинарии Рафсанджани прекрасно освоил ораторское искусство, применявшееся им до революции на поприще проповедника. Возглавив одну из ветвей власти, он демонстрировал блестящий талант оратора. С первых дней войны спикер парламента следил за событиями на фронте, и, докладывая последние сведения на заседаниях меджлиса, он использовал разнообразные языковые средства, чтобы донести до парламентариев свою точку зрения и произвести на них впечатление. «В оперативном штабе на западе страны я видел искреннее и самоотверженное стремление братьев-военных <…>. На меня произвели сильное впечатление их старания, усилия и забота <…>. Несомненно у нас и любого мусульманина сложившаяся ситуация вызывает сожаление. Мы ожидали, что иракская и наша военная техника будет использована на фронте против сионистского режима и Израиля и применена для спасения региона и человечества, а также подавления агрессии Запада против Палестины. К сожалению, Саддам Хусейн оказался предателем и вероотступником» (*Стенограмма 51 Заседания иранского парламента от 23.09.1980)*. Как можно заметить на примере данного фрагмента выступления, Рафсанджани использует речевые средства, репрезентирующие исламские ценности, с целью активного воздействия на аудиторию. Для того чтобы подчеркнуть единство иранцев, используется формулировка «братья», а сами солдаты сражаются самоотверженно против «вероотступника», делая эту войну священной. Кроме того, затронуты и ценности, указанные ранее, – борьба с гнетом и помощь нуждающимся народам, коим здесь выступает Палестина. Данные лексемы несут сильную эмоциональную нагрузку и служат Хашеми-Рафсанджани для того, чтобы подчеркнуть контраст между ожидаемым (единство исламского мира для борьбы с Западом) и реальностью (предательство и жестокий конфликт внутри мира ислама).

В другом выступлении во время пресс-конференции (материал называется «Народ Ирака должен прояснить свои задачи с Саддамом Хусейном») Хашеми-Рафсанджани использовал еще более яркие и выразительные средства, служащие апелляции к актуальным базовам ценностям Ирана. В данном выступлении можно выделить следующие характерные черты. Прежде всего, одной из смысловых

доминант выступает разделение народа Ирака и его правительства. Правительство Саддама Хусейна названо Хашеми-Рафсанджани «незаконным», при этом подчеркивается, что народ Ирака «противится» ему. Таким образом, создается впечатление, что Иран поддерживает народ Ирака, но борется против его правительства, которое приносит большие несчастья иранцам, но также и собственному народу, толкнув его в бессмысленную войну с его братьями-мусульманами. При этом основным «разжигателем» войны назван не Ирак, а США, что говорит о крайне негативном отношении иранских властей к политическому Западу, который исламский режим всегда обвиняет в главных бедах страны. В то же время подчеркивается, что Иран отстаивает свои «законные права», то есть ведет справедливую войну, опираясь на «народ» и «бойцов», и поэтому не боится никаких современных технических систем, таких как АВАКС.

Общий смысл интервью заключается в том, что Иран, несмотря на значительную силу, которая ему противостоит (Ирак и союзные ему государства во главе с США), тем не менее, верен истинной религии и опирается на мужество своих военных, ведет справедливую войну, в которой победа будет за Ираном. Здесь подчеркиваются такие исламские ценности, как справедливость, суверенитет, независимость, храбрость, и в то же время осуждается предательство интересов ислама со стороны Ирака (*Эттелаат. 2.10.1980*).

В тексте «Вчера в Тегеране и других городских округах прошел пятничный намаз о победе над противником и единстве» также можно найти интересные примеры слов и фраз, несущих важные исламские ценности. Так, подчеркивается, что в намазе, прошедшем на территории Тегеранского университета, приняли участие несколько сотен тысяч «приверженных Революции мусульман». Тем самым указывается на единство науки и религии и неразрывной связи религии с Исламской революцией. При этом война с Ираком названа «навязанной», а также «священной». Далее в речи Хашеми-Рафсанджани акцентируется необходимость сохранения независимости Ирана. По словам политика, Иран «не присоединится ни к Востоку, ни к Западу», а режим Саддама Хусейна несамостоятелен, является «орудием в руках Запада». Рафсанджани подчеркивает разницу между «отважными бойцами Ирана», которые «готовы отдать жизнь за веру», и «наемниками баасистского режима Ирака», которые «бегут при виде опасности»,

и поэтому «Исламскую революцию не сломить». Таким образом, подчеркивается, что основными ценностями Ирана являются приверженность революции, которая идет вплоть до мученичества за веру, суверенитет, благодаря которому Иран не склоняет головы ни перед капиталистическим Западом, ни перед миром социализма, уповая на божественную помощь (огромное стечение народа для совершения намаза). В то же время противник государства оказывается «трусливым», слепо служит врагам ислама и Ирана, предается удовольствиям, строго запрещенным исламом: у него «всегда есть алкоголь, карты и другие развлечения» (*Эттелаат. 11.10.1980*).

Заключение

На основе проведенного анализа представляется возможным сделать вывод, что в речах иранского политика Али Акбара Хашеми-Рафсанджани ясно и четко репрезентируются основные исламские ценности, при этом основной акцент делается на тех из них, которые актуальны и значимы во время военной опасности внешней агрессии и являются для иранского народа общегражданскими. Речи эмоционально весьма насыщенны. Так, политик делает наибольший акцент на суверенности и неподчинении диктату внешних сил, а также на непоколебимой преданности исламу и праведности иранской власти и армии, которые смело и бесстрашно сражаются за правое и священное дело защиты своей Родины, в отличие от иракских войск, которые служат Западу в борьбе против ислама и поэтому обладают слабыми боевыми качествами. Рафсанджани убежден в том, что победа будет на стороне Ирана. С целью дискредитации противника его поведение описывается исключительно в парадигме антиценностей (трусость, угодничество перед сильными государствами, слабость морального духа, моральное падение). Кроме того, с помощью выразительных средств подчеркивается огромный разрыв между ожидаемым (сотрудничество исламских государств против Запада и Израиля) и реальным положением дел (бессмысленная братоубийственная война). Упомянутые в речах Хашеми-Рафсанджани исламские ценности, наряду с другими базовыми ценностями, и в настоящее время играют важную роль в формировании иранского политического дискурса, отражая идеи, заложенные в сакральных текстах, и используясь в интерпретации актуальных событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Конституция Исламской Республики Иран / сост. Дж. Мансур. Тегеран : Нашр-е доуран, 2004. 352 с.

Липов В. В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3. С. 57–73.

Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.

Палухина Е. С., Мажидов А. А. Понятие, природа и корни исламского терроризма // Юристъ-правоведъ. 2015. № 1. С. 97–101.

Прозоров С. М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти // Ислам. Религия, общество, государство / отв. ред. П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 204–211.

Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М. : Садра, 2014. 210 с.

Bosančić S. Werte, Normen und Rollen. URL : www.philso.uni-augsburg.de/lehrstuehle/soziologie/sozio1/medienverzeichnis/Bosancic_WS_07_08/GK_Mi_PP_Werte.pdf (дата обращения: 16.02.2020).

Carney F. S. Some Aspects of Islamic Ethics // The Journal of Religion. 1983. Vol. 63, No. 2, Apr. P. 159–174.

Halstead J. M. Islamic values: a distinctive framework for moral education? // Journal of Moral Education. 2007. Vol. 36, No. 3, September. P. 283–296.

Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388–433.

Schlecht K. Werte. URL : www.karlschlecht.de/fileadmin/daten/karl_schlecht/Werte/pdf/021111_Def_Werte.pdf (дата обращения: 16.02.2020).

REFERENCES

Bazovye cennosti rossijan: Social’nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify / otv. red. A. V. Rjabov, E. Sh. Kurbangaleeva. M. : Dom intellektual’noj knigi, 2003. 448 s.

Konstitucija Islamskoj Respubliki Iran / sost. Dzh. Mansur. Tegeran : Nashr-e douran, 2004. 352 s.

Lipov V. V. Religioznye cennosti kak faktor zavisimosti ot predshestvujushhego razvitija i formirovanija social'no-jekonomicheskih modelej // Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. T. 3. № 3. S. 57–73.

Magun V. S., Rudnev M. G. Bazovye cennosti rossijan v evropejskom kontekste // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 3. S. 5–22.

Paluhina E. S., Mazhidov A. A. Ponjatie, priroda i korni islamskogo terrorizma // Jurist#-pravoved#. 2015. № 1. S. 97–101.

Prozorov S. M. Shiitskaja (imamitskaja) doktrina verhovnoj vlasti // Islam. Religija, obshhestvo, gosudarstvo / otv. red. P. A. Grjaznevich, S. M. Prozorov. M. : Nauka ; Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1984. S. 204–211.

Sjukijajnen L. R. Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religij. M. : Sadra, 2014. 210 s.

Bosančić S. Werte, Normen und Rollen. URL : www.philso.uni-augsburg.de/lehrstuehle/soziologie/sozio1/medienverzeichnis/Bosancic_WS_07_08/GK_Mi_PP_Werte.pdf (data obrashhenija: 16.02.2020).

Carney F. S. Some Aspects of Islamic Ethics // The Journal of Religion. 1983. Vol. 63, No. 2, Apr. P. 159–174.

Halstead J. M. Islamic values: a distinctive framework for moral education? // Journal of Moral Education. 2007. Vol. 36, No. 3, September. P. 283–296.

Kluskhohn S. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388–433.

Schlecht K. Werte. URL : www.karlschlecht.de/fileadmin/daten/karl_schlecht/Werte/pdf/021111_Def_Werte.pdf (data obrashhenija: 16.02.2020).

УДК 811+811.531

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук, доцент; заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: yoondanhee@gmail.com

НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЕНДЕРНЫХ РОЛЯХ В НЕОЛОГИЗМАХ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В последнее время в южнокорейском обществе происходит изменение гендерных стереотипов. Традиционные представления о феминности и маскулинности претерпевают изменения, что фиксируется новой лексикой корейского языка. В последние годы женщины становятся более мужественными, что связано с их готовностью принимать новые активные социальные роли на фоне отказа от исполнения традиционных ролей. С другой стороны, мужчины становятся более женственными и менее мужественными одновременно.

Ключевые слова: гендер; гендерный стереотип; гендерно окрашенные неологизмы; корейский язык.

T. S. Mozol'

PhD in Education, Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: yoondanhee@gmail.com

NEW IDEAS OF GENDER ROLES IN KOREAN NEOLOGISMS

Gender stereotypes in modern Korean society are changing in accordance with the latest realities. Traditional ideas of masculinity and femininity are undergoing changes which are reflected in new Korean words. Women are becoming more masculine and less feminine today compared with what they were in the past as they are assuming new roles. Women's growing masculinity is explained by their increasing participation in more challenging activities, along with their decreasing participation in traditional occupations. Similarly, Korean men are becoming more feminine and less masculine nowadays.

Key words: gender; gender stereotype; gender dedicated neologisms; Korean language.

Введение

В данной работе предпринята попытка изучить и систематизировать гендерные неологизмы начала XXI в. с целью анализа изменения стереотипных представлений о мужественности и женственности в современном корейском языке.

CC BY

Согласно теории социальных ролей, гендерные стереотипы представляют собой динамичные конструкты, определяемые теми ролями, которые берут на себя мужчин и женщин в современном обществе [Diekman & Eagly 2000, с. 1171]. Язык – это часть культуры, а изменения лексического состава отражают трансформационные процессы в обществе и общественном сознании. Именно поэтому для изучения эволюции представлений о феминности и маскулинности в современном южнокорейском обществе мы исследовали гендерные неологизмы корейского языка XXI в.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из сборников Национального института корейского языка «Неологизмы» за 2000, 2001, 2005, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг., сборник Национального института корейского языка «Новые слова, которые появились после 2002 г. Неологизмы – слова, которых нет в словаре» (2007)[1].

1. Эволюция представлений о маскулинности

Традиционный образ корейского мужчины, ярко представленный в паремиях, предстает, как правило, с положительной стороны, при этом мужчина изображается в них смелым, сильным и благородным. В большинстве корейских паремий выделяются следующие типично мужские черты характера: верность слову, смелость, великодушие, предусмотрительность, компетентность. Мужчине приписывается роль «добытчика» и хозяина в доме. Мужчина – это как правило независимый деятельный субъект [Мозоль 2019, с. 93–96]. Данные гендерные стереотипы продолжают существовать и в современном корейском языке [민현식 2001, 전혜영 2005 и др.]. Однако изучение новых слов современного корейского языка позволяет говорить о частичной эволюции традиционных представлений о маскулинности и появлении новых понятий.

- 온미남 (2002): теплый, душевный красавец;
- 트로피 남편 (2002): «трофейный» мужчина, который занимается хозяйством вместо своей финансово состоятельной супруги;

[1] В сборники Национального института корейского языка входят только неологизмы с относительно высокой частотностью и не включаются окказионализмы.

- 온달 콤플렉스 (2004): комплекс Ондаля[1], когда мужчина ждет, что в его жизни появится женщина, которая сделает его жизнь прекрасной и решит за него все его проблемы;
- 메트로섹슈얼 (metrosexual, 2005): метросексуал;
- 노무족 (No More Uncle, 2006): «больше не ачжоси[2]» (мужчина 40–50 лет, который следит за модой, занимается саморазвитием и спортом, отличается прогрессивными взглядами);
- 골드 미스터 (Gold Mister, 2006): финансово обеспеченный неженатый обходительный мужчина 30–40 лет с хорошими манерами;
- 그루밍족 (grooming + 족, 2007): мужчины, разбирающиеся в моде и косметике, тратящие деньги на модную одежду, пластические операции, косметику и пр.;
- 엠니스족 (M-ness+족), 주부남 (2008): немаскулинный мужчина, мужчина-домохозяйка.

Данный тип мужчин имеет традиционно женские интересы (домашнее хозяйство, рукоделие, воспитание детей, красота).

- 초식남 (2009): «травоядный мужчина»

«Травоядный мужчина» – это новый мужской образ XXI в. У «травоядного» мужчины мягкий характер, он самовлюблен, эгоцентричен. Это выражение впервые употребила в 2006 г. японский колумнист Хукасава Маки, впоследствии словосочетание «травоядный мужчина» постепенно вошло в лексический состав не только японского, но и корейского языков. «Травоядного мужчину» не интересует любовь, как правило, он живет один, его не интересует противоположный пол, и, напротив, он не жалеет времени и денег на свои хобби и увлечения. У «травоядного мужчины» нет авторитарности и ответственности, как предписывается традиционно мужчинам. Он обращает внимание на свою внешность, интересуется красотой и модой (он может пользоваться косметическими масками, наносить тональный крем для мужчин, может носить облегающие джинсы-скинни, украшения и пр.).

[1] Ондаль – герой корейского предания, согласно которому дочь государя Пхёнгана стала женой простолюдина Ондаля-дурочка и помогла ему стать великим полководцем.

[2] Ачжоси – мужчина средних лет, «дядя».

Согласно данным исследования Института экономических исследований Хёндэ, значительная часть респондентов-мужчин (43,1 %) отметили, что замечают за собой качества характера «травоядных» мужчин. При этом в качестве основных причин появления в Республике Корея так называемых «травоядных» мужчин называются экономический кризис и общее увеличение количества изнеженных и самовлюбленных мужчин [현대경제연구원 2013, с. 4–5].

- 토이남 (2009): мужчина-«игрушка

Женственный, самовлюбленный мужчина-«игрушка» следит за модой и внешностью, умеет хорошо готовить, занимается собой и своим хобби. В этом он похож на «травоядного» мужчину. Однако в отличие от «травоядного» мужчины, который не проявляет особого интереса к женщинам, мужчина-«игрушка» встречается с противоположным полом. Мужчина-«игрушка» – популярный тип среди женщин. Данный неологизм сформировался от названия корейской группы 토이 (игрушка), состоящей из одного участника – певца Ю Хиёля. Песни Ю Хиёля романтичные, поэтому мужчина-«игрушка» олицетворяет собой образ романтичного нежного мужчины.

- 우엉남 (2009): мужчина-«лопух» (мягкий, милый и несуразный);
- 로엘족 (Life of Open-mind, Entertainment and Luxury + 족, 2010): следящие за своей внешностью мужчины средних лет, активно тратящие деньги на себя, красивую одежду и аксессуары. Более усовершенствованная версия мужчин, живущих под девизом «больше не ачжоси»;
- 뇌섹남 (2014): сексуальный мужчина с интеллектом;
- 여미족 (yummy + 족, 2014): молодой мужчина, который живет в городе и уделяет много внимания моде и внешности;
- 요섹남 (2015): сексуальный мужчина, который умеет готовить;
- 해먹남 (2015): мужчина, который умеет прекрасно готовить;
- 아재 파탈 (2016): ухоженный привлекательный мужчина средних лет;
- 키링남 (key ring + 남, 2018): мужчина-«брелок» (милый хорошенький мужчина, которого хочется не отпускать от себя и носить с собой, словно брелок для ключей);

- 멘즈테리어 (men's interior, 2018): обустройство дома, покупка мебели и бытовых приборов мужчинами;
- 남페미 (남+feminist, 2018): мужчина-феминист, разделяющий ценности феминизма и ведущий борьбу за равноправие полов.

Неологизмы современного корейского языка отражают новые мужские образы: образ мягкого, робкого мужчины, образ домашнего, хозяйственного мужчины, который занимается обустройством дома и умеет хорошо готовить, образ зависимого от женщины мужчины – «трофея», образ модного, ухоженного мужчины, тщательно следящего за своей внешностью. Таким образом, качества, которые традиционно приписывались в корейском обществе женщинам (мягкость, несамостоятельность, хозяйственность, красота), становятся присущи современным мужчинам. Кроме того, среди корейских мужчин всё чаще появляются сторонники идей феминизма.

2. Эволюция представлений о феминности

Корейские паремии, репрезентующие стереотипную картину мира, как правило, передают обобщенный образ женщин с точки зрения их места в жизни мужчин: женщины должны быть красивыми, хозяйственными, подчиняться мужчинам [Мозоль 2019]. Современные метафоры корейского языка также, как правило, представляют женщин несамостоятельными, зависимыми от мужчин [Мозоль, Кудинова 2019]. Анализ неологизмов современного корейского языка позволяет говорить о новых представлениях о феминности в корейском обществе.

- 콘트라 섹슈얼 (contra sexual, 2005): контрасексуальная женщина.

Контрасексуальная женщина – это финансово независимая женщина, ориентированная, прежде всего, на любимую и интересную, а не просто приносящую стабильный доход работу. Контрасексуальные женщины стремятся расширят свой кругозор и знания, живут для себя, ради себя и на благо себя.

В соответствии с результатами анкетирования, проведенного в 2005 г. крупной сетью косметологических клиник Коун сесан среди молодых женщин от 20 до 40 лет (1080 чел.), большинство респонденток (53,8 %) ответили, что причисляют себя к контрасексуальным женщинам. При этом наиболее важными в своей жизни они назвали «комфортную жизнь, включающую отдых и путешествия» (43,9 %),

«финансовую независимость и высокий уровень дохода» (23,1 %), «красивую внешность» (16,7 %), «счастливую семейную жизнь» (12,5 %), на последнем месте оказался «карьерный успех» (3,9 %) [Хангёре 2005].

- 육식녀 (2009): «плотоядная» женщина, которая берет на себя ведущую роль в отношениях с противоположным полом, стремится к успеху и карьере.

Согласно данным Института экономических исследований Хёндэ (2013 г.), появление «травоядных» мужчин и «плотоядных» женщин является одной из причин увеличения возраста вступления в брак и формирования негативного отношения к браку и семейной жизни. При этом около трети респондентов-женщин (33,8 %) ответили, что отмечают у себя наличие качеств «плотоядной» женщины. Увеличение количества «плотоядных» женщин обусловлено, согласно отчету Института экономических исследований Хёндэ, расширением прав женщин в современном корейском обществе [현대경제연구원 2013, с. 5–6].

- 우머니스트 (womanist, 2004): женщина, выступающая против дискриминации по гендерному признаку;
- 줌마렐라 (2005): золушка средних лет, золушка за тридцать.

«Золушки за тридцать» – это экономически независимые замужние женщины 35–45 лет, ведущие активную общественную жизнь, инвестирующие деньги и время в саморазвитие. В отличие от патриархальных представлений о роли жены, «золушки за тридцать» экономически независимы от мужа, активно участвуют в жизни общества, занимаются собственным развитием.

- 신디스족 (sindies, 2005): экономически и эмоционально независимые разведенные женщины, живущие независимо от семьи;
- 싱글맘족 (single mom + 족2005): женщины, которые не стремятся вступать в брак и самостоятельно воспитывают ребенка;
- 골드 미스 (gold miss, 2006): «золотая мисс» (финансово состоятельная незамужняя женщина 30–40 лет);
- 알파걸 (alpha girl, 2006): уверенная в себе и стремящаяся к успеху «альфа-девушка»;

- 나오미족 (not old image + 족, 2006): изящно выглядящие замужние женщины с хорошим достатком (35–45 лет);
- 와인맘족 (well integrated new elder mam, 2007): женщины средних лет и пожилые женщины (45–64 лет), которые не обременены заботой о детях, занимаются саморазвитием, собственной жизнью;
- 나우족 (new older woman, 2007): замужние женщины 40-50 лет, которые, помимо семьи, активно инвестируют в свою внешность, делают пластические операции, стремятся выглядеть молодо и привлекательно. Отличаются от традиционного образа женщины средних лет, которая всецело жертвует собой ради детей и мужа;
- 헤라족 (housewives, educated, reengaging, active, 2007): хорошо образованные прогрессивные домохозяйки с активной жизненной позицией;
- 알파 신데렐라 (alpha-Cinderella, 2016): «альфа-золушка», которая добилась всего своими силами, преодолев многочисленные трудности.

Неологизмы современного корейского языка отражают новые женские образы: образ сильной независимой женщины, которая добивается всего сама и активно отстаивает свои права; образ замужней женщины, которая любит себя и уделяет внимание своей внешности, здоровью и хобби вместо того, чтобы всецело жертвовать собой ради мужа и детей; образ женщины, которая активно строит отношения с противоположным полом; образ успешной состоятельной женщины, новый образ независимой разведенной женщины[1].

Таким образом, качества, которые традиционно приписывались в корейском обществе мужчинам (лидерские качества, активность, независимость, умение зарабатывать деньги) становятся все больше присущи современным корейским женщинам.

Неслучайно изменение гендерных стереотипов обусловливает изменение представлений о традиционной семье.

- 체인지족 (change + 족, 2005): семья, в которой жена работает, а муж занимается домашним хозяйством.

Неологизм 체인지족 означает семью, где происходит смена привычных ролей: в такой семье муж занимается домашним хозяйством,

[1] В традиционном корейском обществе развод не приветствуется обществом. Разведенным женщинам приходиться сталкиваться с осуждением и предрассудками.

а жена зарабатывает деньги. Таким образом, традиционные представления о роли жены и мужа также постепенно претерпевают изменения в связи с растущей экономической активностью корейских женщин.

Заключение

В XXI веке представления о мужчинах и женщинах в южнокорейском андроцентричном обществе подверглись значительным изменениям: женщины стали более мужественными, а мужчины, напротив, – более женственными. В настоящее время в корейском языке появляется большое количество неологизмов, отражающих новые представления о гендерных ролях. Ключевыми словами, иллюстрирующими новые тенденции, можно назвать неологизмы «травоядный» мужчина и «плотоядная» женщина. В корейском обществе увеличивается количество робких «травоядных» мужчин и активных «плотоядных» женщин. В отличие от традиционного образа корейской женщины, «плотоядная» женщина является экономически независимой, активной и целеустремленной. В настоящее время всё более популярным становится не традиционный образ мягких и тихих женщин, а образ уверенной в себе, отличающейся индивидуальностью и отстаивающей собственное мнение женщины. Мужчины, в свою очередь, становятся более мягкими, хозяйственными, всё больше внимания уделяют моде и красоте. Несомненно, что корейское общество по-прежнему отличает значительная степень андроцентричности, однако в настоящее время невозможно игнорировать появление новых тенденций и изменений в традиционных представлениях о гендерных ролях, что находит свое отражение в современном корейском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мозоль Т. С. Отражение гендерных стереотипов в паремиях корейского языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (818). С. 81–97.

Мозоль Т. С., Кудинова Е. С. Репрезентация феминности в корейской лингвокультуре // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 10 (826). С. 46–54.

Diekman A. B. & Eagly A. H. Stereotypes as Dynamic Constructs: Women and Men of the Past, Present, and Future // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. № 26 (10). P. 1171–1188.

국립국어원 2000년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2000.

국립국어원 2001년 신어. 서울: 가야원. 2001.
국립국어원 2005년 신어. 서울: 경대디지털. 2005.
국립국어원 2002년 이후 생겨난 새말. 사전에 없는 말 신조어. 서울: 태학사. 2007.
국립국어원 2008년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2008.
국립국어원 2009년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2009.c/
국립국어원 2010년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2010.
국립국어원 2012년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2012.
국립국어원 2013년 신어 기초 조사 자료. 서울: 경대디지털. 2013.
국립국어원 2014년 신어. 서울: 경대디지털. 2014.
국립국어원 2015년 신어. 서울: 경대디지털. 2015.
국립국어원 2016년 신어 조사 및 사용 주기 조사. 서울: 경대디지털. 2016.
국립국어원 2017년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2017.
국립국어원 2018년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2018.
민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001.
전혜영 연어 구성에 나타난 남녀 은유의 양상 // 여성학논집. 2005. N 22 (1). P. 53–77.
한겨레 신문. URL : www.hani.co.kr/arti/economy/economy_general/13003.html#csidx611fafd71caa2c9a9d4e87e709356ec.
현대경제연구원 결혼관 혼란을 가중시키는 초식남과 육식녀: 20–30 세대의 결혼관에 대한 인식. 보고서 537호, 2013.

REFERENCES

Mozol' T. S. Otrazhenie gendernyh stereotipov v paremijah korejskogo jazyka // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 2 (818). S. 81–97.
Mozol' T. S., Kudinova E. S. Reprezentacija feminnosti v korejskoj lingvokul'ture // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 10 (826). S. 46–54.
Diekman A. B. & Eagly A. H. Stereotypes as Dynamic Constructs: Women and Men of the Past, Present, and Future // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. № 26 (10). P. 1171–1188.
국립국어원 2000년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2000.
국립국어원 2001년 신어. 서울: 가야원. 2001.
국립국어원 2005년 신어. 서울: 경대디지털. 2005.
국립국어원 2002년 이후 생겨난 새말. 사전에 없는 말 신조어. 서울: 태학사. 2007.
국립국어원 2008년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2008.
국립국어원 2009년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2009.c/
국립국어원 2010년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2010.
국립국어원 2012년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2012.
국립국어원 2013년 신어 기초 조사 자료. 서울: 경대디지털. 2013.

국립국어원 2014년 신어. 서울: 경대디지털. 2014.
국립국어원 2015년 신어. 서울: 경대디지털. 2015.
국립국어원 2016년 신어 조사 및 사용 주기 조사. 서울: 경대디지털. 2016.
국립국어원 2017년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2017.
국립국어원 2018년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2018.
민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001.
전혜영 연어 구성에 나타난 남녀 은유의 양상 // 여성학논집. 2005. N 22 (1). P. 53–77.
한겨레 신문. URL : www.hani.co.kr/arti/economy/economy_general/13003.html #csidx611fafd71caa2c9a9d4e87e709356ec.
현대경제연구원 결혼관 혼란을 가중시키는 초식남과 육식녀: 20–30 세대의 결혼관에 대한 인식. 보고서 537호, 2013.

УДК 81’42

Е. А. Ткачук

ассистент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения
факультета истории, социологии и международных отношений
Кубанского государственного университета;
e-mail: xiangjiao@inbox.ru

БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ «СЕМЬЯ» В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Основная задача исследования – выявить характер воздействия базовой ценности «семья» в китайской социальной рекламе. Объект данной статьи – китайская социальная реклама как специфический полимодальный текст, предмет – характер и способы представления базовой ценности «семья» в исследуемом типе рекламного текста. Материалом работы являются два рекламных ролика из Интернета. Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода к анализу графической составляющей рекламных роликов и рекламных текстов и опирается на труды базовых ценностей С. Райса и Р. Инглхарта, механизмы понимания полимодальных текстов, представленных в работах А. Г. Сонина, анализ лингвистических и культурных особенностей китайской социальной рекламы Пэй Цайся.

Ключевые слова: базовые ценности; китайские базовые ценности; социальная реклама; семья; китайская социальная реклама; полимодальный текст, видеотекст.

E. A. Tkachuk

Assistant at the Department of Foreign Regional Studies
and Oriental Studies, Faculty of History, Sociology and International Relations,
Kuban State University; e-mail: xiangjiao@inbox.ru

THE BASIC VALUE “FAMILY” IN CHINESE SOCIAL ADVERTISING

The main objective of the study is to identify the nature of the impact of the basic value “family” in Chinese social advertising. The author argues that Chinese social advertisements are specific polymodal texts that reflect Chinese values with the value “family” being a basic one. Research relies on two commercial videos from the Internet. The study was carried out as part of a socio-psychological approach to analysis of the graphic component of commercials and advertising texts; the author refers to the basic values theory by S. Reiss and R. Inglehart, the theory of understanding polymodal texts by A.G. Sonin, research into linguistic and cultural characteristics of Chinese social advertising by Pei Caixia.

Key words: basic values; Chinese basic values; social advertisement; family; Chinese social advertising; polymodal text; video text.

CC BY

Введение

Социальная реклама как средство распространения в социуме важной морально-этической и идеологической информации приобретает всё более важное значение в современном мире. Одной из распространенных форм социальной рекламы являются видеоролики – специфические полимодальные тексты, функционирование которых особенно эффективно в странах с большой территорией и отдаленными населенными пунктами с малообразованным населением с низкими доходами, для которого одним из немногих источников информации является телевидение.

Задачей данного исследования является анализ социальных видеороликов, апеллирующих к ценности «семья» в Китае с характерными для него базовыми ценностями, сформированными учениями Конфуция, Лао-цзы, буддизма, – уважением и почитанием предков, старшего поколения, семейных ценностей. Целью является формирование представлений о значимости этих ценностей для китайского народа и оценка эффективности рекламы, опирающейся на них. В ходе проведения исследования мы опирались на работы по социальной китайской рекламе С. Б. Макеева, О. Н. Горбачевой, Я. Л. Березовской, Ч. Цзяо, О. Ю. Нивина, Лю Сяонань, Ма Лия, Пэй Цайся и других и статистические данные Всемирного обзора ценностей и теорию механизма понимания полимодальных текстов А. Г. Сонина [Сонин 2006; Горбачева 2014; Березовская 2015; World Values Survey 2014; Лю Сяонань 2014; Лю Сяонань 2015; Ма Лия 2015; Нивина 2017; Макеева 2018; Пэй Цайся 2019].

1. Исследование: базовая ценность «семья» в КНР

Базовые ценности личности – это важные для конкретного индивида цели или потребности в различных жизненных ситуациях. Они являются объектом изучения различных наук и поэтому классифицируются в зависимости от конкретных задач определенной науки. Но независимо от оснований классификации ценность «семья» относится к базовым. Это подтверждается данными Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS) – социологическому исследовательскому проекту по изучению ценностей по всему миру (97 стран, 90 % населения Земли, временной охват с 1981 по 2014 гг.), который

World Values Survey Wave - Time Series

Select Wave | Select Countries | Survey questions | Responses | Maps | Time Series

A001.- Important in life: Family

	China				
	1989-1993	1994-1998	1999-2004	2005-2009	2010-2014
Important in life: Family					
Very important	62%	76%	60%	78%	86%
Rather important	33%	22%	36%	19%	13%
Not very important	4%	1%	3%	1%	0%
Not at all important	0%	0%	0%	0%	0%
Don't know	0%	0%	1%	1%	0%
No answer	0%	-	-	0%	1%
(N)	1,000	1,500	1,000	1,991	2,300

Рис. 1. Оценка важности ценности «семья» в КНР в 1981–2014 гг. (по данным Р. Инглхарта)

V4.- Important in life: Family

Cross by
-- None selected --

	Number of cases	%/Total
Very important	1,970	85.7%
Rather important	294	12.8%
Not very important	10	0.5%
Not at all important	2	0.1%
Don't know	6	0.3%
No answer	17	0.7%
(N)	(2,300)	100%

Selected sample: China 2013 (2300)

V5.- Important in life: Friends

Cross by
-- None selected --

	Number of cases	%/Total
Very important	1,071	46.6%
Rather important	1,022	44.4%
Not very important	154	6.7%
Not at all important	8	0.4%
Don't know	26	1.1%
No answer	17	0.8%
(N)	(2,300)	100%

Selected sample: China 2013 (2300)

V8.- Important in life: Work

Cross by
-- None selected --

	Number of cases	%/Total
Very important	876	38.1%
Rather important	954	41.5%
Not very important	307	13.3%
Not at all important	62	2.7%
Don't know	67	2.9%
No answer	34	1.5%
(N)	(2,300)	100%

Selected sample: China 2013 (2300)

Рис. 2. Значимость ценности «семья» по сравнению с другими ценностями 2010–2014 гг. (по данным Р. Инглхарта)

устанавливает формы влияния ценностей на жизнь людей. (Основоположником проекта является американский ученый Рональд Инглхарт). По данным проекта, ценность «семья» в 2010–2014 гг. попала в категорию «очень важных» во всех странах-респондентах [World Values Survey 2014].

В связи с тем, что предметом нашего исследования являются характер и способы представления базовых ценностей в китайской социальной рекламе, необходимо рассмотреть важность ценности «семья» отдельно для жителей КНР. При анализе отношения носителей культуры к ценности «семья» в Китае на протяжении 1981–2014 гг. можно увидеть, что, начиная с 1999–2004 гг., ее важность возрастает, приближаясь к отметке 90 % [World Values Survey 2014] (см. рис. 1).

Представим диаграмму, указывающую на значимость ценности «семья» по сравнению с другими ценностями (см. рис. 2).

Если для ценности «семья» ответ «очень важно» составил 85,7%, то для таких важнейших в жизни человека ценностей, как «друзья» и «работа» этот ответ достиг лишь отметки 46,6% и 38,1% соответственно [World Values Survey 2014].

Выделяют следующие разновидности социальной рекламы: против курения; пропаганда здорового образа жизни; в важности соблюдения правил дорожного движения; против насилия в семье; пропаганда донорства; о важности охраны природы; о вреде наркотиков; патриотическая реклама (пропаганда любви к Родине, родной провинции, городу); о важности уважения и заботы о стариках, родителях [Лю Сяонань 2015]; пропаганда благотворительности; пропаганда брака, реклама против развода; реклама для поддержки детей с особенностями развития [Макеева 2018]; недавно появилась реклама, говорящая о важности общения реального общения вне Интернета, без смартфонов и других гаджетов.

В КНР используются специфические виды социальной рекламы: о важности экономии водных ресурсов (актуальная проблема в Китае); пропаганда китайского языка как объединяющего все этнические группы; пропаганда межнациональной дружбы, мирного соседства; о необходимости сохранения исторических памятников и истории страны; против употребления героина, самого распространенного наркотика в Китае [Ма Лия 2015]; антикоррупционная реклама [Пэй Цайся 2019]; реклама китайского Нового года как семейного события.

2. Представление ценности «семья» в социальной рекламе в КНР

Обратимся к анализу китайских социальных рекламных роликов разной направленности с сайта www.youtube.com/, отобранных по критерию «апеллирующие к ценности “семья”», как полимодального текста методами наблюдения, элементов компонентного и контекстуального анализа.

Ролик 1. О вреде курения

Кадр фиксирует, как ребенок во всем пытается подражать родителям: делает с отцом зарядку, копирует «живот» и походку матери (см. рис. 3).

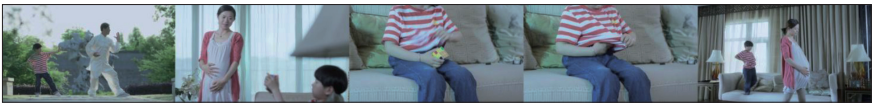

Рис. 3

Рис. 4

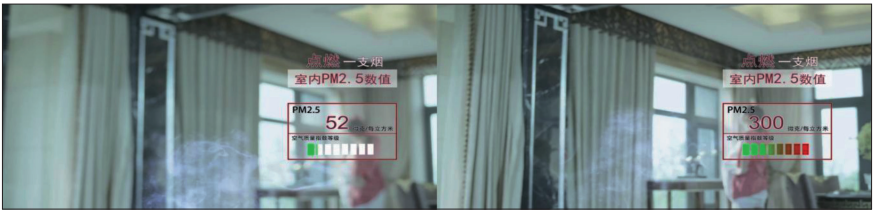

Рис. 5

Отец и сын читают, затем со стороны отца из-за газеты виден дым. Появляется надпись: 点燃一支烟 – «когда поджигается одна сигарета...». Слово «поджигается» выделено красным цветом (см. рис. 4).

Далее показываются данные:

室内PM2.5数值 / содержание PM2.5[1] в комнате (см. рис. 5).

52微克 / 每立方米 / 52 микрограмма на каждый квадратный метр.

После того, как сигарету зажигают, это число возрастает до 300, заполняется шкала загрязненности воздуха:

空气质量指数等级 / числовой показатель качества воздуха (см. рис. 5).

Мать замечает, что ребенок подражает отцу и в курении с помощью макарон. Появляется надпись красным шрифтом:

[1] PM2.5 – это твердые частицы, не превосходящие 2,5 микрон по своему размеру. В 30 раз меньше в диаметре, чем волос человека. К ним относятся пыль, зола, сажа, сульфаты и нитраты, которые находятся во взвешенном состоянии в воздухе

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

你的恶习会变成孩子的习惯 – Ваши вредные привычки могут стать привычками детей (см. рис. 6).

Отец и мальчик тушат свои «сигареты». Также красным шрифтом дается надпись:

戒除烟瘾，别让孩子成为烟二代 / Откажитесь от вредных привычек, не дайте вашим детям стать курильщиками во втором поколении.

Семья вешает на входе табличку:

无烟家庭 – Дом, где не курят (см. рис. 7).

Финальный кадр текстовый:

创建无烟家庭 – Постройте дом, где не курят.

做孩子的幸福榜样 – Станьте для детей счастливым примером.

5月31日 – 世界无烟日 – 31 мая – Всемирный день отказа от курения.

Надпись «дом, где не курят» выделяется красным цветом и логотипным оформлением в виде крыши с трубой над ней (см. рис. 8), что привлекает к ней внимание, так как красный цвет в китайской культуре символизирует важное, праздничное [Горбачева 2014], а рисуночное оформление напоминает носителям китайского языка графему «крыша», используемую в иероглифе 家 / дом, семья, а также многих других. Весь остальной текст зеленый. Интересна игра слов с иероглифом 烟 / дым, курить. Он состоит из смыслового ключа 火 / огонь с левой части и фонетического элемента 因 / причина – в правой. На эмблеме «Дом, где не курят» вторая часть иероглифа, которую можно условно разделить на рамку и, возможно, элемент «огонь» внутри нее, по аналогии заменяется на знак запрета, перечеркивающий сигарету. Ключ «огонь» слева остается неизменным (см. рис. 8). Этот рекламный ход – побуждение к анализу структуры иероглифа – помогает привлечь внимание зрителя [Рубец 2015]. Ролик призван напомнить об огромной важности поступков родителей, которые дети неосознанно копируют и могут перенять негативные паттерны поведения в будущем.

Ролик 2. О правилах поведения на дороге

Первый кадр – информация о ролике. В центре надпись стилизованным в виде логотипа красным текстом:

让生命无憾 – Пусть в жизни не будет сожалений.

Белым на красном фоне дается надпись:

国民交通安全 – Безопасность дорожного движения.

Далее белый текст:

系列公益宣传教育片 – Серия поучительных социальных роликов.

Ярко выделено:

分心驾驶篇 – Невнимательное вождение (см. рис. 9).

Рис. 9. Текстовые кадры ролика 2

Рис. 10

Рис. 11

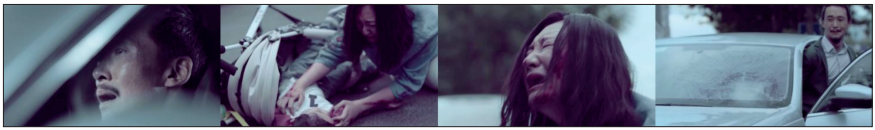

Рис. 12

Рис. 13

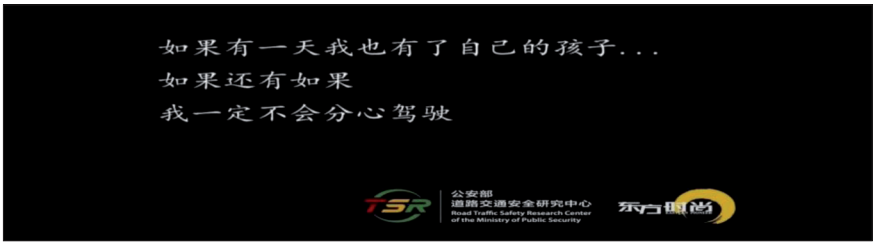

Рис. 14

В этом ролике также можно отметить красный цвет как средство выражения дополнительной экспрессивности и привлечения внимания.

Мужчина ведет машину. Ему приходит несколько сообщений от невесты.

我在式婚纱哟 – я примеряю свадебный наряд.

Мужчина отвлекается на фото (см. рис. 10). Из-за невнимательности он сбивает женщину с коляской (см. рис. 11). Женщина сильно

пострадала, ребенок, возможно, погиб (см. рис. 12). Невесте сообщают о случившемся. Последний кадр – машина с мигалками и номером 120 (скорая помощь в Китае) (см. рис. 13). Финальные кадры показывают постепенно появляющийся на черном фоне белый текст:

> 如果一天我也有了自己的孩子。。。如果还有如果，我一定不会分心驾驶 – Если бы у меня тоже был ребенок... Если, ах, если, тогда я никогда бы не отвлекался во время вождения (см. рис. 14).

Во фразе трижды используется слово 如果 / *если*, подчеркивающее невозможность изменить прошлое и усиливающее впечатление зрителя за счет приема повтора [Березовская 2015].

Ролик акцентирует внимание на важности соблюдения правил дорожного движения как гаранта дальнейшей счастливой жизни семьи и других людей.

В каждом из этих роликов соблюдается последовательность *изображение – текст*, закадровый голос почти не используется, персонажи тоже почти не имеют озвученных реплик, что соответствует логике, описанной А. Г. Сониным: что прежде всего воспринимается визуальный образ, текст дополняет его, при этом фоновая звуковая составляющая практически не оставляет впечатления у зрителя [Сонин 2006]. В ролике демонстрируются типичные для китайской социальной рекламы средства выразительности: параллелизм, риторический вопрос, повтор, использование красного цвета и игра слов в иероглифах [Нивина 2017].

Заключение

Проанализировав рекламные видео, можно сделать вывод, что ценность «семья» является одной из важнейших мотивов социальной рекламы в Китае, так как используется не только в роликах, непосредственно касающихся этой темы, но и затрагивающих другие социальные проблемы: курение, безопасность вождения и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березовская Я. Л., Цзяо Ч. Особенности китайских рекламных текстов. // Язык. Культура. Коммуникации. Челябинск. ЮурГУ. 2015. №2. URL : journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293 (дата обращения: 11.02.2020).

Горбачева О. Н. Текст социальной антикоммерческой, социально-коммерческой и социальной интернет-рекламы чистого типа в структурно-функциональном аспекте : дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 186 с.

Лю Сяонань. Социальная реклама на китайском телевидении: особенности функционирования // Известия вузов. Северокавказский регион. 2014. № 4. С. 110–113.

Лю Сяонань. Этапы развития социальной рекламы в КНР. Язык как система и деятельность : материалы науч. конф. Южный федеральный университет. 2015. №5. С. 313–315.

Ма Лия. К вопросу об особенностях социальных рекламных коммуникаций в современном китайском обществе // Социодинамика. 2015. № 2. С. 15–36.

Макеева С. Б. Отражение проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №1. С. 19–30.

Нагата Х. История философской мысли Японии. М. : Прогресс, 1991. 406 с.

Нивина О. Ю. Лингвокультурные особенности китайской социальной рекламы XXI в. : ВКР. СПб. : СПбГУ, 2017. 115 с.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 236 с.

Рубец М. В. Восприятие и языковая картина мира (на материале китайского языка) : дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 138 с.

Сонин А .Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 48 с.

Reiss S. Who Am I? The 16 basic desires that motivate our actions and define our personalities. New York: Tarcher/Putnum, 2000. 288 p.

World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). Madrid : JD Systems Institute, 2014. Version : www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp. (дата обращения: 10.02.2020).

REFERENCES

Berezovskaja Ja. L., Czjao Ch. Osobennosti kitajskih reklamnyh tekstov. // Jazyk. Kul'tura. Kommunikacii. Cheljabinsk. JuurGU. 2015. №2. URL : journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293 (data obrashhenija: 11.02.2020).

Gorbacheva O. N. Tekst social'noj antikommercheskoj, social'no-kommercheskoj i social'noj internet-reklamy chistogo tipa v strukturno-funkcional'nom aspekte : dis. … kand. filol. nauk. Kemerovo, 2014. 186 s.

Lju Sjaonan'. Social'naja reklama na kitajskom televidenii: osobennosti funkcionirovanija // Izvestija vuzov. Severokavkazskij region. 2014. № 4. S. 110–113.

Lju Sjaonan'. Jetapy razvitija social'noj reklamy v KNR. Jazyk kak sistema i dejatel'nost' : materialy nauch. konf. Juzhnyj federal'nyj universitet. 2015. №5. S. 313–315.

Ma Lija. K voprosu ob osobennostjah social'nyh reklamnyh kommunikacij v sovremennom kitajskom obshhestve // Sociodinamika. 2015. № 2. S. 15–36.

Makeeva S. B. Otrazhenie problem sem'i, materinstva i detstva v social'noj reklame Kitaja (regionovedcheskij aspekt) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija. 2018. №1. S. 19–30.

Nagata H. Istorija filosofskoj mysli Japonii. M. : Progress, 1991. 406 s.

Nivina O. Ju. Lingvokul'turnye osobennosti kitajskoj social'noj reklamy XXI v. : VKR. SPb. : SPbGU, 2017. 115 s.

Pjej Cajsja. Anticennost' «korrupcija» / «腐败» kak fragment jazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev : dis. … kand. filol. nauk. M., 2019. 236 s.

Rubec M. V. Vosprijatie i jazykovaja kartina mira (na materiale kitajskogo jazyka): dis. … kand. filol. nauk. M., 2015. 138 s.

Sonin A .G. Modelirovanie mehanizmov ponimanija polikodovyh tekstov : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2006. 48 s.

Reiss S. Who Am I? The 16 basic desires that motivate our actions and define our personalities. New York : Tarcher/Putnum, 2000. 288 p.

World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). Madrid : JD Systems Institute, 2014. Version : www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp. (data obrashhenija: 10.02.2020).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University

Гуманитарные науки

Humanities

Выпуск 4 (833)

Issue 4 (833)

Над выпуском 4 (833) работали:

доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова;
кандидат филологических наук Н. С. Панарина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 17.07.2020
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14,3.
Заказ № 73/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.